

[Polaris]

Анатолий Дементьев

ПОДЗЕМНЫЕ РОБИНЗОНЫ

В глубинах пещер

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXVII

Salamandra P.V.V.

**Анатолий
Дементьев**

ПОДЗЕМНЫЕ РОБИНЗОНЫ

В глубинах пещер
Том I

Salamandra P.V.V.

Дементьев А. И.

Подземные робинзоны: (В глубинах пещер. Том I). Илл. Ю. Новгородовой. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 218 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXVII).

В четырехтомник «В глубинах пещер» вошли произведения советских писателей, рассказывающие о приключениях в пещерах, о загадочном, пугающем и манящем подземном мире.

Издание открывает повесть А. Дементьева «Подземные робинзоны» (1964) о скитаниях и невероятных открытиях группы туристов в фантастических лабиринтах подземного Урала.

Анатолий Дементьев

ПОДЗЕМНЫЕ РОБИНЗОНЫ

Анатолий Деметров

ПОДЗЕМНЫЕ РОБИНСОНЫ

От автора

Многие мои товарищи, которые читали повесть еще в рукописи, интересовались: где находится пещера «Уральский лабиринт»? Может, «Уральский лабиринт» и есть, только его еще не нашли, а может — нет и никогда не было... Так ли уж это важно? Думается, важнее другое. На Урале, и в частности на Южном Урале, пещер великое множество. Есть они в горных районах и в степных, таких, как, например, Чесменский. Широко известна знаменитая Кунгурская ледяная пещера (Пермская область), не менее интересна и Капова пещера (Южный Урал), или Смолинская (Свердловская область). А сколько замечательных пещер в горах Крыма и в других районах нашей необъятной родины! Подземный мир изучен еще слабо. Он таит много неожиданностей и крепко хранит свои тайны.

Пока на Южном Урале еще не открыты большие пещеры, но, кто знает, может, со временем мы и отберем славу у самой огромной пещеры в мире — Мамонтовой (Северная Америка).

Изучение пещер — увлекательное и нужное дело, а занимаются им буквально единицы, главным образом, специалисты — спелеологи. Рядовые туристы, как правило, пещерами интересуются мало. И напрасно. Конечно, чтобы спускаться под землю, лазить по пещерам, надо иметь необходимые знания, подготовку и, разумеется, соответствующее снаряжение. Спуск в пещеру, да еще неизвестную, — дело не только трудное, но и крайне опасное.

В этой повести мне хотелось рассказать о чудесах подземного царства, пробудить у читателей, особенно у молодежи, интерес к пещерам нашего края, а может, и желание всерьез заняться их изучением. И если кто-то из вас, дорогие читатели, закрыв последнюю страницу повести, станет разыскивать свой рюкзак, начнет гото-

виться к туристскому походу в один из районов пещер, я буду считать, что работал не впустую.

В повести не так много вымысла, но он есть. Где правда уступает место вымыслу, — я надеюсь, читатели разберутся сами.

В работе над рукописью мне помогали многие товарищи, друзья, учителя, опытные туристы. Всем им я глубоко благодарен, и в первую очередь, старшему преподавателю кафедры географии Челябинского педагогического института Вере Николаевне Дубовик. Она более 12 лет занимается изучением наших уральских пещер. Добрыми советами и любезно предоставленными своими материалами Вера Николаевна помогла мне сделать книгу такой, какой я сейчас ее и предлагаю вниманию читателей.

ПРОЛОГ

Там, где, прыгая с камня на камень и рассыпая сверкающие брызги, протекал ручей, лес обрывался. Мохнатые темно-зеленые сосны, сбегая с пригорка, останавливались у самой воды, удивленно разглядывая в небольшой заводи свои отражения и тихо покачивая вершинами. Ручей местами был довольно широк, а местами его стискивали замшелые каменистые глыбы. На самом дне заводи, повернув острые морды против течения, неподвижно стояли крупные хариусы, чуть заметно шевеля рубиновыми плавниками. По левому берегу тянулась лужайка, покрытая густой травой, среди которой мелькали венчики синих и желтых цветов. Кое-где из травы торчали острые камни, скатившиеся с горы, а между ними пробивались кусты смородинника, перевитые прошлогодними стеблями крапивы. За лужайкой поднимались мрачные серо-желтые скалы. В трещинах скал чудом держались кривые тонкие березы, вздрагивавшие от самого слабого порыва ветра.

В этот утренний час на лужайке беззаботно резвились два толстых барсучонка. Они гонялись друг за другом, падали, незлобливо кусались и повизгивали от восторга. Облезлая барсучиха, развалясь у самого входа в нору, жмурилась от яркого солнца, лениво поворачивала голову, наблюдая за возней детенышей.

Где-то в лесу послышался неясный шум. Барсучиха вскочила, насторожив уши, тревожно вглядываясь маленькими близорукими глазами в зеленые навесы кустов. Шум приближался. Вот уже совсем близко затрещал валежник, раздались голоса людей. Издав короткое предостерегающее хрюканье, барсучиха скрылась в норе. Щенки, тотчас прекратив возню, юркнули туда же.

На лужайку вышли два человека. Высокий сухощавый мужчина, уже не молодой, тяжело дыша, остановился почти у самой барсучьей норы, но не заметил этого. Сняв вещевой мешок, он устало вытер платком пот с давно не бритого лица.

— Этот подъем совсем измотал меня, — сказал он своему спутнику, отставшему на несколько шагов. — Видно, такие путешествия не для стариков.

— Да какой же вы старик, нехорошо наговаривать на себя, — возразил молодой человек, тоже снимая вещевой мешок. — Выносливости вашей можно позавидовать. Но как будто мы уже пришли. Не та ли это лужайка? Барсучий ручей должен был вывести на нее.

— Не торопись, Алеша. Вот сверимся с картой — и тогда все узнается.

Говоря это, пожилой путник достал из внутреннего кармана своей потрепанной тужурки сложенную в несколько раз бумагу. То была старая, пожелтевшая от времени и потертая на сгибах самодельная карта. Несколько минут он очень внимательно рассматривал ее, потом уверенно сказал:

— Ты прав, Алеша, Барсучий ручей привел нас на Голубую лужайку. Все приметы совпадают.

Алексей пожал плечами.

— Не понимаю, почему она называется Голубой. Может трава здесь такая? Голубоватая... Да ведь дело не в том, как названо, — продолжал рассуждать он сам с собой. — Раз сказано — Голубая, пусть так и будет. Тогда пещеру надо искать...

— Вон у той серой скалы, — подсказал его спутник. — Но как отыскать ее? Все здесь заросло кустами.

— Да уж найдем, Василий Федорович, бог поможет.

— На бога надейся, а сам не плошай.

— Не сплешаем. В письме как сказано? От поворота Барсучьего ручья влево к скалам через Голубую лужайку тридцать два шага. Вход в пещеру с северо-запада. Здесь ручей поворачивает, стало быть, от этого места и надо мерять тридцать два шага. Я пойду, погляжу.

— Что же, Алеша, а меня ты хочешь оставить?

— Вы отдохните пока.

— Нет уж, раз ты не хочешь признавать меня стариком, я тоже пойду. Отмеривай шаги.

Алексей подошел вплотную к берегу ручья, затем повернулся к нему спиной и, широко шагая, направился к скалам, громко отсчитывая:

— Один, два, три, четыре...

На двадцать восьмом шаге он замешкался, раздвигая сплетения кустов.

— Двадцать девять, тридцать... тридцать один... Василий Федорович! Вот вход! Смотрите, пещера!

Голос Алексея слегка дрожал. Его спутник заторопился и чуть не упал, запнувшись о скрытый в траве камень.

— Где? Где пещера? — задышавшись, спрашивал он.

— Да вот же, — Алексей показал на темную щель в скале, почти скрытую кустами.

— И впрямь пещера, — недоверчиво и радостно подтвердил Василий Федорович. — Алеша, дорогой мой, ты понимаешь, что сие значит?

— Очень даже понимаю, Василий Федорович. И радуюсь вместе с вами. Не пропали, стало быть, наши труды.

— Ну, радоваться-то, положим, еще рано. А нет ли где поблизости другого входа?

Алексей прошел вдоль подножия скалы в одну сторону, затем в другую и вернулся, говоря:

— Даже намек на пещеру нет.

— Тогда, полагаю, это та самая пещера, которую мы ищем.

И он заглянул в узкую темную щель. Из нее тянуло сыростью и прохладой.

Глава 1

ТУРИСТЫ НАМЕЧАЮТ МАРШРУТ

В прихожей раздался звонок. Миша Глебов с досадой захлопнул книгу, поднялся с дивана и сунул босые ноги под стол, нащупывая тапочки.

— Опять Светка забыла ключ. Сейчас я ей всыплю! Зевая и потягиваясь, мальчик пошел открывать.

— Володька! Вот здорово! Заходи, заходи, я один. Светка ушла на базар.

— Она скоро придет? — Володя Одинцов шагнул в прохладный полумрак прихожей, повесил кепку на вешалку.

— Светка?! Когда же это бывало? Не меньше часа пробегает.

— У меня к тебе разговор.

Мальчики прошли в комнату, сели на диван. Володя загадочно взглянул на приятеля:

— Слушай! Вчера пришел к нам Николай Павлович — знаешь, тот, что в музее работает, — и...

— С палочкой ходит? «Два с полтиной, два с полтиной».

— Не смейся, его на войне ранило в ногу.

— Ну ладно. Ты дальше, дальше-то что?

— О чем они сначала говорили, я не слушал. А потом отец достал карту. Тут уж и мне интересно стало. В общем, Николай Павлович предлагает отцу вместе путешествовать по Южному Уралу. По самым глухим местам.

— У нас все изведано и изучено.

— Вот и нет! Они пойдут сначала в горы, а потом на лодке спустятся по какой-то реке. Или сначала на лодке, а потом по горам. Сегодня вечером будут уточнять маршрут.

— И тебя возьмут?

— Ясное дело.

Миша вскочил с дивана и заговорил нараспев, обращаясь к воображаемым слушателям:

— Кого мы видим, товарищи? Володьку Одинцова? Ошибаетесь. Перед вами величайший из великих путешественников. Будущий Пржевальский, Арсеньев и братья Грум-Гржимайло! А может, сам Миклухо-Маклай? — Миша вздохнул. Шуткой он не сумел скрыть зависти и плаксиво продолжал: — А я, значит, буду изнывать от жары в городе! Глотать пыль вместе с мороженым, купаться в грязном Миассе да смотреть футбол на стадионе «Труд»...

— Не дурачься, Мишка, чего цирк устроил? Я же еще не все сказал...

— Не все? Интересно! А что же осталось?

— Да погоди ты, — Володя досадливо поморщился. — Думаешь, я забыл про тебя? Я сказал...

— Что ты сказал? Что?

— Я сказал: «Папка, возьмем Мишку Глебова!»

— Да ну?! Врешь, Володька!

— Не вру. И даже добавил: «Без Мишки я не поеду».

— А Сергей Денисович?

— Папка ответил: «Конечно, возьмем».

— Володька! Дружище!

Миша повалил приятеля на диван. Жалобно взвизгнули пружины.

— Отпусти, медведь! Задушишь.

— Не отпущу! Ты мой самый, самый...

Внезапно Миша бросился к двери.

— Так и знал! Опять подслушивает!

За дверью послышались крики, и в комнату влетела растрепанная Светлана, а за ней брат.

— Вовка! Лови ее! Она шпионила.

Светлана обежала вокруг стола и остановилась, вызывая поглядывая на ребят.

— Не подходите! Выпрыгну в окно.

— С пятого-то этажа? — ехидно спросил Володя.

— С пятого! И вы будете отвечать.

Мальчики в замешательстве посмотрели друг на друга.

— А зачем ты шпионила? — спросил Володя.

— Я не шпионила. Сами кричали так, что было слышно на первом этаже. Все соседи уже знают, что вы хотите удрать из дому и путешествовать на плоту по горным рекам.

— Вот сочинительница, — засмеялся Володя.

— Только предупреждаю: без меня вам это не удастся. Я тоже хочу.

— А еще чего хочешь?

И брат крадущейся походкой направился к Светлане. Она вскочила на подоконник, распахнула створки. В комнату вместе с ветром ворвался шум улицы.

— Выпрыгну!

Миша замер на месте.

— Слезай, дурочка! Немедленно слезай!

— А возьмете с собой?

— Путешествие не для девчонок.

— Я турист, а не девчонка. У меня есть значок. Вон лежит в коробке из-под «Белой сирени». Можете посмотреть. У вас такого нет! Берете с собой? Считаю до трех, — и она ближе придвинулась к открытому окну. — Раз...

— Светка, перестань!

— Два... Берете?

— Берем!

— Дайте пионерское слово! — Светлана поставила ногу на самый край подоконника.

— Честное пионерское!

— Я вам верю, мальчики, — Светлана спрыгнула на пол. — Славные вы мои! Дайте я вас расцелую.

И, подбежав к брату, она повисла на его шее.

— Вот еще! Лизаться будет, — краснея, пробормотал Миша, неловко освобождаясь от объятий сестры.

Светлана повернулась к Володе. Тот на всякий случай отступил к двери. Черные глаза девочки лучились радостью.

— Испугался, — засмеялась она. — Эх вы, деревянные души. Но я вас прощаю, потому что мы едем путешествовать. Ур-р-ра!

Ребята хмуро переглянулись.

— Послушай, Света, — заговорил Володя. — Надо еще спросить отца.

— Сергей Денисович мне не откажет. Я его очень, очень попрошу. А сейчас — завтракать. Я приготовлю кофе, яичницу и салат из редиски.

И она вприпрыжку побежала на кухню.

— Что теперь делать? — спросил Миша.

Володя пожал плечами.

— Придется просить отца. Мы дали честное слово.

— Идея, Вовка! Мама Светку не отпустит, и все будет в порядке.

Вечером на квартире Одинцовых собрались участники будущего путешествия. Учитель географии, Сергей Денисович Одинцов, расхаживал по комнате, курил ароматную сигарету и весело говорил:

— Итак, друзья, состав нашего отряда следующий: начальник — Николай Павлович Санин, наш уважаемый краевед, прошу любить и жаловать, а главное — слушаться. Затем я — его правая рука, так сказать, начальник штаба, и рядовые: Света, Миша и Володя. Итого — пять душ.

Ребята сияли, восторженно ловя каждое слово Сергея Денисовича.

— Первая часть пути — поездом, дальше немного пешком, а затем на лодках. Так, Николай Павлович?

Санин кивнул седоватой головой. Он сидел в кресле, вытянув ноги, и разглядывал эстампы на стенах.

— Цель путешествия: знакомство с краем, изучение флоры и фауны, сбор краеведческого материала и, конечно, хороший отдых. А теперь распределим обязанности, составим список нужных вещей, продуктов, подсчитаем вес груза и будем готовиться. В нашем распоряжении три дня. Надо поторопиться, но, как говорит латинская поговорка — *Festina lente* — торопись медленно.

— Одну минуту, — послышался голос, — маленькая поправка. В отряде будет не пять, а шесть человек. Шестой — это я.

Все повернули головы к двери. Там, раздвинув тяжелые портьеры, стоял полный человек в очках и улыбался.

Глава 2

ОТРЯД ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

— Иван Антонович! — изумленно воскликнул Одинцов и, протянув гостю обе руки, шагнул к двери. Доктор Мухин по-приятельски обнял Сергея Денисовича.

— Добрый вечер, дорогой Николай Павлович! Здравствуй, племя младое, знакомое. Я снова среди вас, друзья! Великолепно!

Доктор опустился в кресло, едва вместившее его круглую фигуру, вытащил белоснежный платок, напоминавший размерами салфетку, и принялся вытирать им лицо и шею.

— Так что вы тут замышляете? — он повернулся к Одинцову и Санину. — Слышу: говорят о каком-то путешествии. Вижу: на столе карта области. Соображаю: ага, пять человек куда-то отправляются. Отлично! Вот я и вношу поправку: путешествовать будут не пять, а шесть. Надеюсь, все «за»? Против и воздержавшихся нет? Великолепно!

— Вы же не знаете, куда и зачем мы едем, Иван Антонович, — заметил краевед.

— Неважно. Раз комплектуется отряд, значит я, врач, обязан быть в его составе.

— Мы отправляемся на целый месяц. Ме-сяц! И через три дня.

— Через три дня? Великолепно! — очки Мухина задорно сверкнули. — Времени уйма. Я беру отпуск. Да вы отговорить меня хотите? Не удастся!

— Конечно, не удастся, — сказал Володя.

— Благодарю, мой юный друг. Вот и Света, и Миша за меня. Верно? Большинство «за».

— Мы всегда за вас, Иван Антонович, — поспешил вставить Миша и покраснел, вспомнив, что он сам приглашен.

— Доктор в отряде — это же чудесно, — добавила Светлана.

— Экспедиция без доктора не бывает!

— Что ж, Иван Антонович, — заключил краевед, — считайте себя членом отряда.

— Итак, нас шестеро. Трое опытных, старых, закаленных путешественников и трое молодых, цветущих, жаждущих великих открытий. Великолечно, друзья мои, великолепно!

— Подожди, подожди, — остановил Мухина учитель, — уж если считать правильно, то будет не шесть, а семь членов отряда.

— Кто же седьмой?

— Аргус.

Сетгер, услышав свое имя, вбежал в комнату, стуча когтями по паркету, и остановился перед Сергеем Денисовичем. Собака влюбленно заглядывала в глаза хозяину и помахивала хвостом. Светлана погладила шелковистую, белую в черных крапинках голову собаки.

— Стоокий Аргус хочет лично участвовать при обсуждении его кандидатуры, — шутливо продолжал Сергей Денисович и строго взглянул на пса: — Тебе бы следовало проявить внимание вот к нему, к начальнику отряда, он имеет решающий голос.

Сетгер протяжно завыл, а потом залаял.

— Это еще что значит? — удивился краевед.

Володя пояснил:

— Папа сказал «голос». Есть такая команда. Вот Аргус и выполняет ее, подает голос.

Все засмеялись.

Долго еще сидели шесть человек перед картой области, уточняя маршрут и обсуждая детали предстоящего похода. Составили списки снаряжения, подсчитали, сколько и ка-

ких продуктов надо закупить, распределили обязанности между членами отряда. Списки получились внушительные. Они включали все — от палаток до иголок с нитками, от хлеба до лаврового листа и черного перца. Брали двухствольное охотничье ружье, спиннинги, большой запас рыболовных крючков, лески и блесен, фотоаппараты, блокноты для путевых дневников, посуду, пилу-ножовку и топоры. Доктору Мухину поручили запастись необходимыми медикаментами. Из продуктов предпочтение решили отдать концентратам и консервам, а в пути добавлять свежую рыбу, овощи, грибы и ягоды.

Санин не раз участвовал в походах и в настоящих экспедициях. Из опыта он знал, как важно хорошо подготовить одежду и обувь. Перед самым выходом в путь Николай Павлович обещал устроить экзамен каждому члену отряда, проверить экипировку и умение правильно укладывать вещи в рюкзак.

За сборами дни летели незаметно. Туристы бегали по магазинам, закупаая продовольствие и недостающее снаряжение, упаковывали многочисленные свертки и распределяли по рюкзакам. Квартира Одинцовых превратилась в штаб, откуда Николай Павлович Санин руководил подготовкой к путешествию. Остальные члены отряда выполняли его распоряжения: четкие и немногословные, как боевые приказы. То и дело раздавались звонки в прихожей — это появлялся очередной посыльный, нагруженный покупками. С дверным звонком соревновался звонок телефонный: звонил доктор или кто-нибудь из ребят и докладывал, что то-то сделано, а то-то нет.

По десять раз в день прибегала Светлана.

— Молоко! — кричала она еще с порога. — Мы забыли про сгущенное молоко. Давайте скорее деньги.

Николай Павлович молча отсчитывал деньги. Светлана убегала, а краевед опять склонялся над картой, в который раз изучая будущий путь. Но тут появлялся Миша или Володя.

— Николай Павлович! Батареек для фонариков ни в одном магазине. Кошмар!

Санин куда-то звонил, долго разговаривал, убеждал, сердился и, наконец, клал телефонную трубку.

— Поезжай в магазин «Радуга», там дадут батарейки.

Даже Людмила Павловна — мать Володи — включилась в общую суету. Она то чинила палатку, то относила в починку обувь, то стирала или гладила рубашки и майки и, конечно, готовила обеды и ужины на всю компанию. Только один Аргус не принимал участия во всей этой горячке. Но когда Сергей Денисович достал походное обмундирование, которое обычно надевал, собираясь на охоту или рыбалку, сеттер заволновался. Он забежал по квартире, выискивая предметы охотничьей экипировки хозяина: изъеденную молью фетровую шляпу, болотные сапоги, старый патронташ. Учитель не собирался брать эти вещи, но чтобы не огорчать пса, принимал их и потихоньку относил в кладовку.

Наконец, все было проверено и уложено. Утро в день отъезда выдалось тихое, солнечное. Асфальт и листья на деревьях мокро блестели от прошедшего ночью дождя. Стайки диких голубей, хлопая крыльями, перелетали с подоконников к балконам, заглядывали в окна, привычно ожидая, когда же люди насыпят в пустые кормушки хлебных крошек. Мягко шурша колесами, катились, слегка покачиваясь, первые троллейбусы. Их обгоняли молчаливые «Волги» и «Москвичи». Дворники разгоняли метлами собравшуюся в углублениях асфальта дождевую воду. В чистом голубом небе рокотал невидимый самолет.

В точно назначенное время все туристы собрались на перроне. Все, кроме доктора Мухина. Николай Павлович Санин хмурился и нетерпеливо посматривал на часы.

Ребята, свалив в одну грудку туго набитые рюкзаки, пошли за мороженым. Они были одеты в клетчатые рубашки с короткими рукавами и спортивные брюки, на ногах — легкие кеды. В таком наряде Светлана мало чем отличалась от мальчишек. Ее выдавали косички с ярко-красными лентами, упрямо вылезавшие из-под широкополой войлочной шляпы. Через плечо у Миши висел фотоаппарат «ФЭД»,

у Светланы болталась сумочка с разной мелочью, а у Володи — обшитая сукном фляга.

Учитель, в элегантном спортивном костюме, покуривая неизменную сигаретку, разговаривал с Александрой Ильичной — матерью Светланы и Миши. Тут же была и Людмила Павловна Одинцова. Женщины пришли проводить путешественников.

— Завидую вам, — говорила Людмила Павловна, поправляя пышные золотистые волосы. — Даже вот Аргусу завидую. Едете отдыхать, а у меня сейчас столько работы в клинике. И отпуск лишь в октябре. Ты, Сережа, следи за ребятами.

— Особенно за Светланой, — попросила Александра Ильична. — Знаете ведь, какая она.

— Не беспокойтесь, все будет на «хорошо» и «отлично». Верно, Аргус?

Крапчатый Аргус сидел у груды вещей — нес караульную службу. Услышав свое имя, он повернул к хозяину голову, но с места не двинулся и только завилял хвостом.

— Вот видите, и Аргус обещает. Мы вам напишем.

На первый путь подали состав. Залязгали тяжелые сцепления и буфера, пронзительно свистнул маневровый паровоз. Пыхтя и отфыркиваясь, он попятился, оставив вереницу зеленых вагонов. Люди на перроне засуетились.

Краевед, еще раз взглянув на часы, подошел к Одинцову.

— Нет нашего доктора. Не случилось ли чего?

— Что может случиться с Иваном Антоновичем? Около часу ночи мы разговаривали по телефону. Разве Антонина Васильевна...

— Взбунтовалась и не пустила доктора? Вздор! Она сама как-то призналась, что ее Ваня давно отбил от рук...

Прибежали Володя и Светлана крича:

— Доктор приехал! Вон идет.

На перроне показался Мухин. Рядом с ним шла пожилая женщина, а сзади — Миша. Он нес большой саквояж. На Иване Антоновиче поверх спортивного костюма был легкий зеленый плащ, полы которого развевались от быстрой

ходьбы. Доктор слегка сгибался под тяжестью пузатого рюкзака. В одной руке он держал зачехленное ружье, в другой несколько удилищ. Антонина Васильевна несла объемистую камышовую корзину, оберегая ее от толчков сновавших пассажиров.

Санин молча показал Мухину часы.

— Трижды прошу прощения, — запыхавшись, заговорил Мухин. — Как всегда, подвел троллейбус.

— Помнится, от вашего дома лучше всего ехать на трамвае, — нетерпеливо заметил Николай Павлович. — До отправления поезда — десять минут.

— Садитесь! Все садитесь на минуту, помолчим перед дорогой! — внезапно скомандовал доктор. — Обычай!

Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким окажется путь, —

запел Володя, и песню тотчас подхватили Светлана и Миша:

Давай, машинист, потихонечку трогай
И песню в пути не забудь...

Сели прямо на рюкзаки, а потом поднялись, торопливо разобрали вещи и друг за дружкой стали подниматься в вагон. Последним заскочил Аргус. Сеттер привык ездить в поезде на охоту и в вагоне чувствовал себя отлично.

Александра Ильинична поцеловала сына и дочь.

— Смотрите у меня, чтобы слушались старших. И не забывайте мать. Пишите почаще. Это я тебе говорю, Светлана, на Мишу надежды мало.

— Хорошо, мама, не волнуйся.

Людмила Павловна давала такой же наказ сыну, а Антонина Васильевна наставляла мужа.

— В этой корзине пирожки, яички и котлеты. Их съешьте побыстрее, могут испортиться. В саквояже голубая пижама, белье и... еще кое-что из продуктов.

— Как! Опять продукты?

— Всего только жареные рипусы (ты их очень любишь), немного столичной колбасы, булочки, сыр...

— Можно подумать, моя дорогая, что мы отправляемся на необитаемый остров или в пустыню.

— Все пригодится, Ваня, еще вспомнишь меня. Не забудь, что в рюкзаке сверху лежит жареная курица (я завернула ее в пергамент), немного беляшей, банка клюквенного варенья...

— Господи, Тоня! — взмолился доктор. — Пощади! И когда ты ухитрилась? Ведь я собственноручно укладывал рюкзак. Ну что делать с твоим «гастрономом»?

Николай Павлович молча наблюдал эту сцену. Ему стало немного грустно. У Санина не было ни жены, ни детей, и его никто не пришел провожать.

По радио объявили:

— До отхода поезда остается пять минут. Провожających просим выйти из вагонов.

Женщины заспешили.

Легкий толчок, и поезд медленно отошел от перрона.

Глава 3

«ЭЙ, ВСТАВАЙТЕ! ДЕНЬ ПЛАМЕНЕЕТ!»

В полночь поезд остановился на маленькой станции. Двух минут было достаточно, чтобы отряд туристов успел высадиться. Протяжный сигнал — и состав, подмигивая красным фонарем хвостового вагона, умчался в темноту ночи. Некоторое время в горах еще перекатывался дробный стук поезда, потом наступила тишина.

Фонари слабо освещали пристанционную площадку. Вокруг них вились ночные бабочки и мошки. Деревья, огороженные невысоким заборчиком, шелестели густой лист-

вой, сквозь которую просвечивал узкий месяц. За станционными постройками смутно угадывались очертания гор.

— Давайте переночуем в лесу, — предложил Санин.

— Не возражаю, — отозвался Сергей Денисович. — А вы, Иван Антонович?

— Ночевка в лесу — это... это великолепно! Ничто так не укрепляет здоровье, как лесной воздух.

— Тогда в путь, — и Николай Павлович поднял свой рюкзак.

Маленький отряд двинулся по узкой тропинке к черневшему вдаль лесу. Аргус бежал впереди людей, изредка задерживаясь у какого-нибудь камня или столбика, наскоро обнюхивал его и бежал дальше. Сергей Денисович освещал тропу карманным фонариком. За ним, опираясь на трость и слегка прихрамывая, шагал Николай Павлович, потом Володя, Миша и Светлана. Замыкал шествие доктор Мухин.

Как только путешественники вышли за станцию, их сразу же атаковали комары.

— Они съедят нас заживо! — рассердилась Светлана.

— И останутся от тебя только косички, — пошутил Володя.

— А от тебя и косичек не останется.

— Сейчас мы избавимся от комаров, — успокоил ребят Иван Антонович. — Сергей Денисович, малый привал.

Мухин скинул свой объемистый рюкзак, покопался в нем и достал стеклянную банку с притертой пробкой.

— Паста собственного изготовления. Называется «Не укусишь!». Великолепное средство от комаров и мошек.

Каждому на ладонь доктор положил порцию пахучей пасты. Туристы смазали ею лица и руки. Действие снадобья оказалось тут же: комары, раздраженно пища, вились над людьми, но не кусали. Отряд спокойно продолжал путь.

Лес встретил туристов настороженной тишиной. Высокие густые кроны деревьев закрыли небо, и сразу исчезли звезды.

— Не будем забираться далеко, — сказал Санин. — Встретится подходящая полянка — разобьем лагерь.

— Приказ начальника — закон для подчиненных, — отозвался Сергей Денисович. — Вот, кажется, такая полянка.

Тропа и в самом деле выбежала на небольшую поляну, окруженную плотной стеной деревьев. Путешественники сбросили тяжелые рюкзаки, уже успевшие порядком нарезать плечи, и дружно принялись устраивать бивак. Одни распаковывали тюки с палатками, другие пошли собирать хворост для костра. Миша нашел поблизости ручей, что оказалось очень кстати — все давно хотели пить.

Через полчаса на лужайке весело потрескивал костер. В его багровых отблесках лица людей казались медно-красными. Туристы наскоро подкрепились, выпили по кружке чаю и залезли в палатки. Только Николай Павлович остался у костра, подбрасывая в огонь сухие ветки и следя за тем, как теплые токи воздуха уносили в темную высь золотые искры.

В лесу стояла удивительная тишина, какая бывает только в предрассветные часы. Санин любил вот такие ночи у костра наедине с собой. Вспоминалась нелегкая жизнь, годы войны, когда он потерял и дом, и семью. Потом мысли переходили на другое: Николай Павлович обдумывал книгу по краеведению, материалы для которой собирал много лет.

Незаметно в гущу леса стал прокрадываться рассвет. Санин принес воды и начал готовить завтрак. Услышав звон посуды, из палатки вылез Миша Глебов.

— А вы уже встали, Николай Павлович? — Миша поежился от утренней свежести.

— Я и не спал — не хотелось.

— Завтрак готовите? Давайте помогу.

— Помоги. Дров почти не осталось, сходи за хворостом, а я покашеварю.

— Надо разбудить всех, нечего им дрыхнуть.

— Пусть еще поспят.

Миша отправился за хворостом, а Санин, вырезав длинную палку, стал помешивать ею пузырящуюся пшениную кашу.

Когда первые лучи солнца пробили сплетения сосновых веток и разбросали по лужайке веселые блики, краевед сказал:

— Теперь пора. Буди.

Миша только и ждал этих слов. Он подошел к палаткам и закричал во всю силу легких:

— Эй, вставайте! День пламенеет!

Потом схватил длинную хворостину и принялся стегать ею по тугому брезенту палаток, приговаривая:

— Эй, вставайте! День пламенеет! День пламенеет!

Эту фразу Миша вычитал у своего любимого писателя Джека Лондона и запомнил, а при случае употреблял ее. Сегодня понравившиеся слова пришлись особенно кстати.

В палатках началась возня, послышались невнятные возгласы. Первой показалась Светлана.

— Мишка! Противный! За что ты огрел меня?

— Тебя? Я же бил по палаткам.

— А в палатке-то была я.

— И меня кто-то вытянул хворостиной, — признался Сергей Денисович.

Миша покраснел и пробормотал:

— Сергей Денисович, я нечаянно.

Учитель обнял смущенного Мишу.

— Ну, если нечаянно, тогда прощаю.

Из другой палатки вылезли Володя и доктор Мухин. Иван Антонович снял очки, протер платком стекла, командовал:

— На зарядку становись! Предупреждаю: от физзарядки никто не освобождается.

Володя шумно втянул воздух:

— Как вкусно пахнет. Может, Иван Антонович, зарядку сделаем потом? Жалко, если каша остынет...

После завтрака туристы собрали вещи и пошли дальше. Часа через три увидели неширокую, но довольно многоводную реку.

— Юрюзань, — Николай Павлович остановился, разглядывая всю в солнечных бликах реку.

— Ур-ра! — в один голос закричали Миша, Володя и Светлана. — Юрюзань! Урр-ра!

Доктор торжественно произнес:

— Здравствуй, красавица Юрюзань! Тебе кланяются туристы из Челябинска, — и низко поклонился сверкающей реке.

— Мне кажется, — засмеялся Сергей Денисович, — твой восторг вызван отнюдь не красотами реки, а предвкушением легкого пути. Теперь весь груз можно переложить на могучие плечи Юрюзани.

— Да, отсюда поплывем на лодках вниз по реке, — подтвердил начальник отряда. — Лодки приготовит местный житель Власов, с ним я давно договорился.

— А далеко еще? — поинтересовался Иван Антонович.

— Километров пять.

— Опять шагать, — разочарованно протянул Володя.

— Придется. Назвался груздем — полезай в кузов.

После короткого отдыха отряд направился вверх по берегу. Солнце, поднявшееся в зенит, припекало все сильнее. Аргус шумно дышал, высунув язык чуть не до земли. Даже рядом струящаяся вода не давала прохлады. Особенно страдал Мухин. Он то и дело вытирал платком красное, распаренное лицо и просил:

— Не так быстро, друзья, не так быстро.

— Осталось немного, — сухо отвечал Санин. — Вон за тем поворотом — поселок.

— Вы говорите так перед каждым поворотом реки, а она только и делает, что бросается из стороны в сторону.

И в самом деле, Юрюзань в этом месте часто и неожиданно поворачивала. Зажатая береговыми скалами, она глухо шумела, дробя прозрачные струи о торчащие там и тут черные скользкие камни. По берегам стоял лес. Сосны и березы порой спускались к самой реке. А там, где Юрюзань была спокойна и течение угадывалось только по медленно плывущим сухим листьям или веткам, в воде отражалось голубое небо с разбросанными по нему редкими облаками.

За поворотом, о котором говорил Санин, путешественники увидели поселок дворов в двадцать. Все облегченно вздохнули, а сеттер бросился было вперед, но окрик хозяина удержал его. Люди прибавили шагу и скоро остановились возле дома, срубленного из толстых, почерневших от времени бревен.

Услышав голоса, на крыльцо вышел хозяин — плотный, кряжистый человек лет пятидесяти.

— А, гости дорогие! Заждался я вас.

— Здравствуй, Семен Тихонович, рад видеть тебя. — Санин пожал руку Власову. — Задержались немного. Извини.

— Он совсем не похож на охотника, — шепнул Володя Мише.

— А ты видел настоящих охотников?

— Не-ет.

— Ну вот. А говоришь — не похож.

Путешественники оставили вещи под навесом в глубине двора и вошли в дом. Здесь было прохладно, несмотря на жаркий день. Хорошо пахло какими-то травами.

— Лодки приготовлены, — заговорил Семен Тихонович, свертывая сигарку. — Останетесь довольны. Стало быть, шесть человек... Да собака, да грузу пудов шесть...

— Не меньше, — подтвердил начальник отряда.

Власов пошевелил губами, подумал.

— Ничего, поднимут. Лодки большие. Сегодня-то отдыхайте, а завтра в добрый час.

Глава 4

ВНИЗ ПО РЕКЕ

Рано утром поплыли вниз по реке. В первой лодке сидели Санин, Одинцов, Светлана и Аргус, во второй — Мухин, Володя и Миша.

Потянулись лесистые берега, крутые обрывы, истрескавшиеся скалы. Временами тихое течение меняло характер: лодки попадали в быстрину и то шли вровень, то обгоняли одна другую.

— Не поймать ли нам на обед парочку щук? — Иван Антонович посмотрел на своих спутников.

— Великолепно! — копируя доктора, воскликнул Миша. — А чем?

— Попробуем дорожкой, — и доктор, порывшись в объемистом рюкзаке, достал намотанную на дощечку дорожку. — Ну, Миша, гребь, а ты, Володя, подмени его, когда устанет.

С этими словами Иван Антонович размотал часть дорожки, нацепил блесну и забросил в воду.

— Ловись рыбка большая и маленькая, — сказал он, наматывая бечеву на руку и снова беря кормовое весло. — Есть на свете два чудака, ребята, знаете? Первый чудак — рыбак...

— Почему?

— Рыбак ничего не видит, а ловит.

— А второй?

— Второй — охотник. Ничего не потерял, а ходит, ищет.

Ребята засмеялись. Не прошло и пяти минут, как доктор ощутил резкий рывок.

— Есть! — бросив весло, он обеими руками ухватился за шнур. — А ну, ребята, самый малый вперед. Ох, здоровая, видать, взяла!

Иван Антонович медленно сматывал дорожку, подтягивая добычу. Вода у кормы забултыхала. На секунду показалась рыба голова и скрылась. Миша и Володя, забыв о веслах, следили за доктором.

— Эх, подсачник дома оставил. Стоп, машина! Суши весла.

Миша поднял весла. Иван Антонович перегнулся и вдруг, нелепо взмахнув руками, упал в воду. Миша, снова опустив весла в воду, резко повернул лодку против течения.

— Иван Антонович, держитесь! Вовка, кормовое весло!

Володя, схватив весло, помогал товарищу направить лодку. Сильное течение относило ее, ребята гребли изо всех

сил. На первой лодке, успевшей отплыть метров на сто, заметили неладное и тоже повернули. Между тем Мухин то скрывался под водой, то появлялся. Намокшая одежда тянула его ко дну. Наконец ребята подогнали лодку к доктору, он ухватился за корму и с помощью Володи благополучно влез.

— А все-таки я ее не отпустил, — были первые слова Ивана Антоновича, и он показал дорожку. — Сейчас вытянем.

Доктор подвел добычу к борту.

— Держи меня, Володя. Крепче. Еще крепче! — он быстро нагнулся к воде и выбросил в лодку крупную щуку. — Вот она!

Хищница забилась, разевая усеянную мелкими острыми зубами пасть. Подплыла первая лодка.

— Что у вас? — спросили с нее.

— Поймали на обед щуку, — ответил Иван Антонович, блеснув очками, чудом не слетевшими во время вынужденного купания.

— Но ты, старина, кажется, открыл купальный сезон? — подмигнул Сергей Денисович.

— Открыл. Кто-то должен открывать.

Санин укоризненно покачал головой.

— Придется делать привал. Ивану Антоновичу надо высушить одежду.

— Не надо привала, — запротестовал доктор. Он тут же снял с себя одежду, оставив только трусы и очки, а остальное выжал и разложил на лодке сушить. К счастью, солнце уже поднялось и начало пригревать. Лодки продолжали путь.

Миша и Володя рассматривали щуку, удивляясь ее величине.

— Случалось ловить и побольше, — не без гордости рассказывал Иван Антонович. — Однажды на озере Акакуль я вытянул щуку на шесть килограммов. А на Калдах попался такой зверь... — доктор широко развел руки. — Вот! Десять с половиной килограммов. Великолепная рыбка! Пресноводная акула!

— Да ну?! — искренне удивился Миша. — И вы тогда... тоже купались?..

— Обошлось без купания, но повозился изрядно. Таскало меня это чудовище по всему озеру. А когда я выволок щуку на берег, посмотреть сбежались все рыбаки.

— Наверное, она была очень старая, — сказал Володя.

— Рыбина напоминала бревно, мой юный друг... Средней величины бревно, и от старости вся заросла мохом.

— А щуки долго живут?

— Долго. Вот послушайте, какая случилась история в 1794 году. Рабочие очищали Царицынские пруды, это в Подмоскowie, и поймали крупную щуку. Ее возраст помогло установить кольцо, продетое в жаберную крышку. На кольце было выгравировано: «Посадил царь Борис Федорович». Вспомним, Борис Годунов царствовал в 1598-1605 годах. Теперь применим познания в арифметике. Получается, что выпущенная царем рыба прожила около двухсот лет.

— Вот это да! — От удивления Миша выпустил весла, и лодку понесло к берегу.

— Возраст солидный, но зачем же бросать весла? Мы налетим на камень справа.

Миша торопливо подхватил весла и выровнял движение лодки.

— Сколько бы эта щука еще прожила, если бы ее не поймали? — спросил Володя.

— Лет пятьдесят, а может, сто, кто знает. Когда в одном из озер возле Гейльбронна тоже поймали щуку с кольцом, то узнали, что ее выпустили в озеро... (Миша, крепче держи весла!) в 1230 году. Она прожила 267 лет!

— Теперь уж я их не выпущу, Иван Антонович, даже если третья щука проживет тысячу лет. А сколько могут жить другие рыбы?

— Сом живет до ста лет, а карп более ста пятидесяти.

— А птицы сколько? А звери?

— Э, дорогой мой, об этом рассказывать долго.

— Так все равно надо о чем-то говорить, чтоб не скучно было.

— В другой раз, друзья, — засмеялся Мухин. — А сейчас... Нам, кажется, подают сигналы?

Володя, сидевший на носу, живо повернулся и, заслонив ладонью глаза от солнца, увидел, что первая лодка, успевшая уйти довольно далеко, поворачивает к берегу. Светлана поднялась в ней и размахивала белой войлочной шляпой.

— Они повернули к берегу, Иван Антонович, нам тоже велят приставать.

— Отлично. Самое время подумать об обеде.

Когда лодка закрипела днищем по крупной гальке берега, учитель и краевед уже разжигали костер, а Светлана возилась с посудой. Аргус бегал среди людей, всем видом показывая, что он тоже проголодался и ждет обеда. Дальнейшее плавание в этот день обошлось без приключений. Когда сумерки сгустились настолько, что стало трудно выбирать дорогу между частыми мелями и перекатами, флотилия вошла в тихую заводь, на берегу которой и устроили привал. При свете костра Николай Павлович отметил на карте пройденный путь, сделал в дневнике записи и тоже ушел в палатку.

Глава 5

ПЕЩЕРА

Утром первыми поднялись рыболовы. Володя, Миша и доктор Мухин устроились на лодках, а Сергей Денисович, сопровождаемый Аргусом, прошел немного по берегу, любовал выступавшие из воды камни и с них стал хлестать реку спиннингом.

Утро было тихое. Еще мерцали редкие бледные звезды. От воды, клубясь, поднимался туман. Слышались частые

всплески играющей рыбы. Был тот лучший час клева, ради которого рыбаки всего мира поднимаются ни свет ни заря.

Доктор, Миша и Володя поймали десятка два хороших окуней и трех голавлей, а Сергей Денисович — щучку килограмма на полтора и пять крупных окуней.

— Разбудите наших засонь, — сказал доктор. — Проспать такое утро!

Володя и Миша побежали к палаткам и скоро вернулись. Их лица выражали удивление.

— Иван Антонович, в палатках пусто!

— Как это — пусто?

Миша пожал плечами:

— Их нет.

— Странно. Куда же они исчезли?

— А мы не исчезали, мы вот они, — слышался из-за кустов звонкий голос Светланы. — Мы с Николаем Павловичем тоже охотились, только не за рыбами, а за ягодами и грибами.

Она показала литровую стеклянную банку со спелой земляникой. Следом за Светланой из кустов вышел Санин, он нес котелок с грибами.

— Наш вклад в завтрак. А есть ли рыба для ухи?

Миша схватил щуку и самого крупного голавля.

— Видали?! — и он потряс добычей в воздухе.

— Это... сами наловили? — недоверчиво спросила сестра.

— А то кто же?

— Бывает, и у местных рыбаков покупают (кажется, это называют ловить на «серебряную» удочку), а потом выдают за свое, да еще хвастают.

Тут уж не вытерпел и Володя:

— Ты чего это выдумываешь... — он искал подходящее слово и не находил, — может, сама купила ягоды?

— Вот я ей повыдергаю мышинные хвостики, — пригрозил Миша и шагнул к сестре.

«Мышинные хвостики» отбежали на приличное расстояние.

— Глупенькие! Я же не про вас. Николай Павлович рассказывал, что бывают такие рыбаки. Правда, Николай Павлович?

— Лучше позаботимся о завтраке, — сказал начальник отряда. — А ну, дружно за дело.

Все хотели есть и принялись кто чистить рыбу и грибы, а кто таскать хворост для костра.

— Сварим настоящую рыбацкую уху, — говорил Мухин. — Не надо ни картошки, ни крупы. Только рыба. И чуточку лаврового листа, соли и перца. Уха будет тройная.

— Тройная? — Светлана подняла на доктора большие синие глаза. — Это одеколон бывает тройной. А уха...

— Тоже тройная. Сначала варим порцию окуней, затем вынимаем рыбу и закладываем в навар порцию другой рыбы. Варим и снова вынимаем. Третьей порцией пойдут голавли. И пожалуйста — тройная уха готова.

— А куда же девать рыбу?

— Съесть. Окуней чистить не надо. От чешуи уха будет клейкой и особенно вкусной. К тому же с вареной рыбы чешуя легко снимается.

Светлана обрадовалась:

— Вот и хорошо, что окуней можно не чистить. Я о них все пальцы исколола.

Завтрак получился отменный: уха, вареная и жареная рыба, жареные грибы и чай с земляникой.

— Ребята, вы написали письма? — спросил Сергей Денисович. — Скоро будем проплывать деревеньку, там есть почтовое отделение.

— У меня письмо написано, — отозвалась Светлана.

Миша с Володей только переглянулись.

— Мы в другой раз, — пообещали они.

— «Завтра, завтра — не сегодня», — так лентяи говорят.

Путешественники уложили вещи в лодки, залили костер и проверили, не осталось ли где тлеющего уголька. Затем все заняли места в лодках и не без сожаления покинули гостеприимный берег.

День обещал быть жарким. Подгоняемые ударами весел, лодки скользили по речной глади легко и быстро. Време-

нами встречались островки, мели и перекаты. Николай Павлович, сидя на носу первой лодки, то и дело посматривал на карту, которой его снабдил перед отплытием охотник Власов. Карта, вычерченная от руки и не очень умело, обладала тем преимуществом перед печатной, что на ней были обозначены все опасные места: песчаные отмели, островки, повороты и перекаты.

— Если бы мы путешествовали здесь в мае, нам пришлось бы трудновато, — сказал начальник отряда. — В большую весеннюю воду по Юрюзани сплавляют лес.

— Это, наверно, интересно? — спросила Светлана. — Я никогда не видела, как сплавляют лес.

— Интересно-то интересно, но для тех, кто поплывет во время сплава на лодке, опасно. По реке движутся тысячи бревен, в узких местах они скапливаются, создают заторы. Пробираясь среди бревен трудно. В любую минуту они могут пробить борт или перевернуть лодку. И потом топляки — отяжелевшие от воды огромные бревна. Они то скрываются под водой, то неожиданно появляются, словно враждебные подводные лодки. Ничего доброго от встречи с топляком не жди.

— Хорошо, что сплав бывает только весной.

— Если лето дождливое и воды много, проводят второй сплав. Сергей, правь к берегу, за поворотом деревня.

— Есть держать к берегу!

Река, сделав причудливый изгиб, повернула почти обратно, затем — снова поворот, и на пологом берегу туристы увидели деревню. Несколько мальчишек с мостиков удили рыбу, в стороне другая ватага купалась на мелком месте. Слабый ветер доносил звуки радио: передавали последние известия.

— Жаль, нет приемника, — заметил Санин. — Отстаем от жизни.

— В другой раз надо учесть. Ты, может, газеты раздобудешь, Сергей? Бери все, что найдешь.

— Обязательно. Ну, кто со мной в набег на деревню?

— Я! Я! — наперебой закричали ребята.

— Хорошо, вооружитесь ведром и корзиной доктора. Добудем кое-что из продуктов. А ты, Аргус, лучше бы остался. Николай, поддержи его за ошейник.

Сеттер обиженно заскулил.

Ребята, размахивая ведром и корзиной, вприпрыжку помчались по тропинке. Но посланцы вернулись скоро. Единственный продовольственный магазин в деревушке был закрыт на ревизию. Зато у жителей купили молоко, картофель и редиску.

— Нам сказали, что дня через два-три встретим большое село, там и закупим все, — утешил друзей Сергей Денисович.

— Ну, а газету-то купил? — нетерпеливо перебил Санин.

Сергей Денисович достал из кармана газету «Челябинский рабочий». Николай Павлович взял ее и начал просматривать заголовки статей. На первой лодке попеременно гребли Одинцов и Санин. Сейчас грести наступила очередь Николая Павловича, но он так увлекся газетой, что учитель только вздохнул и снова взял весла. А на второй лодке почти бессменно греб Мухин. Доктор вырос на Каме, и для него это было дело привычное.

— В вашем возрасте, юноши, — говорил он ребятам, — летом я целые дни, а порой и ночи, проводил в лодке. Жили мы тогда в Перми. Чудесный город. А река! Великолепная! Сейчас Кама не та... Раньше было много рыбы, и ловили мы не всякую, а на выбор. Заберемся куда-нибудь

подальше (мы — это пять-семь мальчишек) и устроим соревнование: кто больше рыбы поймает или кто самую крупную выудит. Принесем такой улов, что дома ахнут. А ты ходишь этаким гоголем, нос в потолок, руки в брюки и говоришь: «Это что. В другой раз я во-о какую поймаю!» — и разводишь руки сколько сможешь... А теперь... — доктор вздохнул и поправил съехавшую на левое ухо зеленую фетровую шляпу. — В прошлом году ездил в Пермь навестить друзей детства. По Каме на пароходике прокатился, на лодке поплавал. Гидростанцию огромную там построили. Смотрел и гордился: молодцы земляки. Море Камское разлилось без конца и края. А вот рыбы в реке теперь меньше... Виноваты нерадивые хозяйственники: сбрасывают в Каму отходы промышленных предприятий без всякой очистки, а отходы, особенно с бумажного комбината, ядовитые. Ну и браконьеры тоже приложили руку. До слез обидно за родную реку.

— А почему у пермяков соленые уши? — спросил Миша. Иван Антонович засмеялся.

— Так говорили раньше. Есть на Каме недалеко от Перми городок Соликамск — соли камские... Там добывают калийные соли. В старое время грузчики таскали эту соль в мешках на спине. Соль сыпалась им за ворот, попадала и на уши. Так и звали презрительно грузчиков: «пермяк — соленые уши». Теперь добычу соли механизировали, в мешках ее не таскают.

Часа в четыре с «флагманской» лодки подали сигнал приставать к берегу.

— Здесь будем отдыхать до утра, — с обычной сухостью объявил начальник отряда. — Приведите в порядок свои вещи, а потом можете собирать ягоды.

Лодки немного втянули на берег, так как вблизи не нашлось ни камня, ни дерева, чтобы их привязать. Когда с устройством лагеря и ремонтом снаряжения было покончено, Мухин с ребятами отправился за ягодами. Но поблизости ягод не было. В полумраке густого леса ничего нельзя было разглядеть, кроме гнилого колодника да замше-
лых валунов.

— М-да... — Иван Антонович остановился и смахнул с лица липкие нити паутины. — Места не ягодные. Пройдем еще немного. Впереди как будто светлеет?

— Светлеет, — подтвердил Володя. — Там, наверное, поляна.

— В атаку! — шутливо скомандовал Мухин.

Ребята, пригибая упругие ветки деревьев, побежали. Доктор едва успевал за ними. Лес расступился, открыв довольно большую поляну с редкой травой.

— Ягоды! — торжествующе выкрикнула Светлана.

Все вокруг было усыпано спелой земляникой. Но Светлана заметила, что Миша и Володя не собирают, а только едят ягоды.

— Как вам не стыдно, мальчишки! А что принесете в лагерь? Собирайте ягоды в котелки, бессовестные.

— Не кричи, — смутился Володя. — Мы только попробовали.

— Мы только чуть-чуть попробовали, — поддакнул Миша, с трудом выговаривая слова: рот у него был набит земляникой.

— Вон там, у камней, — доктор показал на поднимавшиеся за лужайкой скалы, — как будто кусты смородины? Надо бы проверить.

— За смородиной! — издал клич Миша.

— За смородиной! — повторил Володя.

Но Светлана опередила их. Перепрыгнув встретившийся на пути ручей, она первой оказалась у нагромождения камней. Когда Миша с Володей догнали ее, она, посмеиваясь, уже обирала куст смородины. Черные блестящие ягоды издавали терпкий запах. Смородины было много, и котелки быстро наполнялись. Слышались радостные возгласы, сопение и чмокание. Вдруг Светлана сказала:

— Здесь, в скале, щель. Посмотрите, Иван Антонович.

Доктор подошел и за пышным кустом смородины увидел довольно широкую щель в каменной стене. Мухин хотя и не курил, но спички, как примерный турист, всегда имел при себе. Нашував в кармане коробок, он протиснулся в щель. Светлана услышала, как Иван Антонович чир-

кает спичкой. Минут через пять седая голова доктора показалась из щели.

— Это пещера, друзья мои.

Глава 6

СПУСК В ПЕЩЕРУ

— Пещера! — глаза Светланы загорелись любопытством. — Иван Антонович, миленький, давайте осмотрим пещеру.

Миша и Володя тоже стали просить:

— Пойдемте в пещеру, Иван Антонович.

— Нет, — покачал головой доктор. — Нельзя.

— Мы же ни разу в жизни не были в пещерах. Только немного посмотрим и вернемся.

— Самую капельку, Иван Антонович, миленький, одну капельку. Ну, пожалуйста...

— Только одним глазом. Зайдем на минутку и обратно.

Ребята тормозили Мухина, просительно заглядывали в глаза, называли самыми ласковыми именами, какие только могли придумать. Мгновение доктор колебался, потом неожиданно прикрикнул:

— Дисциплина! Я спрашиваю, где дисциплина? Или вы позабыли ее в лагере? Кто из нас старший?

— Вы, Иван Антонович, вы, — с готовностью, дружно ответили ребята.

— Ах, я?! Этого-то вы не забыли! Великолепно! Так вот, я приказываю возвращаться в лагерь! Но... — Очки доктора отбросили двух веселых зайчиков на ребят, и добрая улыбка снова появилась на его лице. — Но обещаю: мы сюда обязательно придем и обследуем пещеру, если, конечно, позволит начальник отряда. Дело-то ведь не простое, надо подготовиться.

Но ребята ничего не хотели признавать. Тогда Иван Антонович сделал вид, будто уступает и спросил:

— Володя, ты взял фонарик?

— Н-нет...

— А у тебя, Миша, наверное, в карманах есть свечи. Поищи-ка.

— Ни одной свечки, честное слово.

— Ну, а может, Светлана, ты взяла рюкзак с провизией и веревки?

— Рюкзак остался в лагере.

— Так чего же вы, — повысил голос Иван Антонович, — болтаете о пещере? Без света, без веревок туда нельзя и носа показать! Или вам хочется сломать шеи? И непременно в пещере? Разве мало других подходящих мест? Взбирайтесь на скалы, прыгайте с этих камней. Ну, чего же вы стоите?

Ребята опустили головы.

— Ага! Поняли! Шагом марш в лагерь!

Возвращались молча. Иван Антонович уже жалел, что круто обошелся с ребятами, пытался шутить, но развеселить их ему не удавалось. Идти к реке было легче, чем подниматься в гору, да и путь нашли удобнее, минуя завалы.

Одинцов и Санин сидели у костра, обсуждая дальнейший маршрут. Увидев ребят и доктора, Сергей Денисович воскликнул:

— О, вы не теряли времени! И земляника и смородина. Николай, они принесли килограммов пять отборных витаминов от «А» до «С».

— И плохое настроение, — добавил начальник отряда, взглянув на ребят. — В чем дело?

— Встретили медведя и напугались?

— Почти угадал, Сергей, — ответил Мухин. — Встретили пещеру.

— Пещеру? — живо переспросил Николай Павлович.

— Да, пещеру. Ребята хотели немедленно ее осмотреть, а я не позволил. Вот и дуются.

— Все ясно. Русская пословица предупреждает: «Не зная броду, не суйся в воду». А пещера... интересно. За обедом обсудим.

— Что на обед? — Мухин смешно задвигал носом. — Пахнет мясом, жареной рыбой и...

— И щавелевой похлебкой.

— Великолечно! — Доктор повернулся к своей команде: — Слышали? Идем к реке смыывать трудовую грязь.

— Руки мой перед едой, — вздохнул Володя и, схватив полотенце, первый побежал к реке.

За обедом Иван Антонович рассказал о пещере, вернее о том, что ему удалось увидеть при свете нескольких спичек.

— На Урале пещеры не редкость, особенно в этих краях, — заметил краевед. — Правда, исследованы они еще плохо. Очень возможно, что вы набрали на неизвестную пещеру.

— Тогда надо обязательно ее исследовать, — сказала Светлана. — Туристы всегда исследуют.

— Резонно, — чуть улыбнулся Санин. — Как представитель музея, присоединяюсь к предложению Светланы Глебовой.

— А я решительно против, — Сергей Денисович перестал есть. — Через три-четыре часа начнет смеркаться. Идти в пещеру глядя на ночь...

— А если задержаться еще на сутки?

— Но у нас весь маршрут расписан по дням!

— Знаю. Для науки, Сергей, время надо найти.

— Наука требует жертв, — буркнул Володя.

— Тоже верно сказано. А главное — вовремя. Слышал, Сергей? Мы согласны пожертвовать одним днем во имя науки.

— Присоединяюсь к голосу нашего уважаемого краеведа, — вставил Мухин.

— А я все-таки против, — уже начиная сердиться, сказал Сергей Денисович. — У нас нет ни времени, ни снаряжения.

— Ты серьезно? — начальник отряда недоверчиво взглянул на товарища. — Если задержимся на день, в путешест-

вии ничего не изменится. А за день можно познакомиться с пещерой и описать ее.

— Ты начальник, последнее слово за тобой. Но, по-моему, лезть в незнакомую пещеру не стоит. Среди нас нет спелеологов.

— Кто такие спелеологи? — Миша Глебов исподлобья смотрел на учителя.

— Ученые, изучающие пещеры. И нечего на меня так смотреть. Нас некому даже проинструктировать.

Володя хмуро уставился на носки своих ботинок. Он не ожидал, что отец будет против экскурсии в пещеру. Эх, папка, папка! Упустить такой случай!

— Может, ты и прав, Сергей, — в голосе Санина зазвучало плохо скрытое раздражение. — Но если уж я начальник, то вот мое решение: исследовать пещеру. Я пойду один.

— Возьмите меня, Николай Павлович, — попросил Миша.

— И меня, — сказала Светлана.

— Я тоже хочу, — Володя быстро взглянул на отца. — Можно?

— Попросил бы и меня не оставлять в лагере, — тихо сказал доктор.

Сергей Денисович пожал плечами:

— Уж тебе-то, Иван Антонович, тем более не следует лезть в эту дыру.

— А почему, интересно?

— Да так... застрянешь между камней.

— Ну, знаешь... — Мухин даже покраснел.

— Не сердись, я пошутил. Идите, идите в свою пещеру. А мы с Аргусом останемся в лагере.

— И прекрасно, — Санин встал, опираясь на палку. — Будет кому охранять палатки. Все, кто хочет пойти в пещеру, приготовьте карманные фонарики, запас батареек, свечи, побольше спичек, а также веревки, шпагат и даже рыболовные лески.

— А веревки и леска зачем? — не поняла Светлана.

— Веревки понадобятся при спусках в пропасти, если таковые встретятся, а из шпагата свяжем «путеводную нить».

Она поможет быстро найти выход. Возьмите также палки, ножи, топор, молоток, ну и продуктов...

— Так мы же ненадолго, — сказал Миша. — Столько тащить...

— Идешь на день — бери хлеба на неделю. Каждому одеться тепло и удобно. Не забудьте также проверить обувь.

— Вопрос есть, Николай Павлович, — доктор Мухин, как ученик в классе, поднял руку. — Я хотел бы взять аптечку и ружье.

— Аптечку обязательно, а ружье... Зачем оно в пещере?

— У меня правило: в походе всюду с ружьем.

— Берите, но думаю, это бесполезный груз.

Не теряя времени, туристы занялись подготовкой снаряжения. Выходить решили утром. Только Сергей Денисович не участвовал в хлопотах. Он тщательно побрился, почистил костюм и ушел в палатку перечитывать старую газету. Приготовления закончили поздно вечером.

— В таком деле, как знакомство с неизвестной пещерой, особенно нужна дисциплина, — строго сказал Николай Павлович и посмотрел на ребят. — Железная дисциплина. Кто не хочет подчиняться, пусть остается в лагере.

— А чего вы на нас смотрите? — забеспокоилась Светлана. — Мы покажем образцы дисциплины. Правда, Володя и Миша?

— Конечно, — торопливо заверили оба. — Мы покажем образцы...

— И помните: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Все. А сейчас ложитесь спать.

Подчиняясь команде, путешественники ушли в палатки, и только Аргус остался на лужайке сторожить покой людей. Положив голову на вытянутые передние лапы, сеттер чутко ловил ночные шорохи леса. Угасал оставленный костер. Язычки огня перебегали по тлеющим веткам, то исчезали, то неожиданно появлялись. Груда углей покрывалась пушистым сизым пеплом, от нее поднимался легкий дымок. Внизу тихо журчала заснувшая река. Маленькие волны с мягким плеском набегали на берег, шлепали по бортам лодок.

В шесть часов утра Николай Павлович поднял отряд. Он уже приготовил завтрак, а фляги и термосы наполнил водой и горячим чаем. Все умылись, поели и стали собираться. Санина удивил рюкзак доктора.

— Ого! Что у вас там?

— Да так... разные вещи, — застенчиво ответил Иван Антонович, избегая встретиться взглядом с начальником отряда. Вчера доктор слишком долго провозился с одеждой, потом чистил и смазывал ружье, подбирал аптечку, а на рюкзак у него уже не хватило времени. Но разве скажешь об этом строгому начальнику отряда, перед которым Мухин часто даже робел.

— Советую половину вещей оставить в лагере.

— В рюкзаке только нужные вещи... гм... немного продуктов, медикаменты...

— Вам будет трудно, Иван Антонович.

— Потерплю. Да вы не обращайтесь на меня внимания, Николай Павлович. Станет неважно, брошу где-нибудь рюкзак, а на обратном пути захвачу... Пора выступать, а?..

Сергей Денисович молча наблюдал за сборами, ни во что не вмешиваясь. И только когда все были готовы, сказал неизвестно кому:

— Следите за ребятами. Жду вас к ужину.

— Будь спокоен, — откликнулся доктор, — не спустим с них глаз. Приготовь что-нибудь вкусненькое.

Отряд направился в лес.

Аргус хотел побежать за ребятами, но Сергей Денисович остановил его.

— Нам с тобой, приятель, придется поскучать. Для начала перемоем посуду, а потом займемся другими делами.

Сеттер завилял хвостом: дескать, готов заняться чем угодно.

...Отряд вышел на поляну, по которой протекал ручей, и остановился у входа в пещеру. Николай Павлович достал моток шпагата, привязал один конец к росшему поблизости кусту смородины, потом зажег фонарик и пролез в темную щель. Первые шаги Санин делал согнувшись, освещая узкую каменную трубу и пробуя палкой пол. Проход бы-

стро расширялся, потолок уходил круто вверх. Николай Павлович пошел смелее. Через десять шагов он уже смог выпрямиться.

— Здесь тепло и сухо, — пробормотал краевед и два раза дернул шпагат. Выждав несколько секунд, повторил сигнал.

Иван Антонович увидел, как закачался смородинный куст.

— Начальник сигнализирует: можно идти. Миша, ты первый, за тобой — Света и Володя.

— Я готов, — Миша поправил рюкзак и скрылся в пещере.

За ним туда же спустились Светлана и Володя. Доктор, проверив еще раз, надежно ли привязан к кусту шпагат, достал часы.

— Восемь часов утра, а темно, как вечером, — он взглянул на небо: все оно было затянуто низкими серыми тучами. — Быть грозе. Нам-то она не страшна, а вот Сережа...

Иван Антонович не без усилия протиснул свое тучное тело в щель между камнями.

Глава 7

ОБРЫВОК ШПАГАТА

Во мраке мерцали тусклые огоньки. Доктор осторожно двигался на них, держа в одной руке палку, а в другой фонарик. Свет фонаря выхватывал из темноты неровности стен узкого коридора, резко очерченные тенью, обломки камней на полу.

— Смелее, Иван Антонович, — послышался голос Санина.

Начальник отряда сидел на большом камне. Возле него стояли ребята. Светлана держала над головой зажженный фонарик. Доктор подошел к ним и удовлетворенно отметил:

— Вполне приличное помещение. В пещерах принято давать названия каждому залу или гроту. Давайте и мы придумаем какое-нибудь хорошее название этому залу.

— Прихожая, — тотчас сказал Миша.

— Тамбур, — предложил Володя.

— Лучше вестибюль, — возразила Светлана.

— Видите ли, друзья, — доктор пожевал пухлыми губами, — конечно, можно дать любое из этих названий. Но, не обижайтесь, они тусклые. Нет фантазии, поэзии... А что если Зал Ожидания? А? Вот мы стоим здесь в ожидании неведомого, мы ждем.

— Зал Ожидания... — повторила Светлана. — Красиво... Вроде как на вокзале в незнакомом городе. Кто за?

— Мы — за, — согласились Володя и Миша. — Пусть Зал Ожидания.

— Я тоже, — откликнулся молчавший до того Санин.

— Принято единогласно. — Мухин посмотрел на Николая Павловича. — Пойдем дальше?

— Минуту, доктор. Порядок такой: я иду первым, за мной ребята. Вы замыкаете. Света, понемногу разматывай шпагат и не натягивай его сильно. Закончится первый моток — подвяжи второй. А теперь — в путь.

Зал Ожидания был метров пятнадцати в длину и семи в ширину, а в высоту уходил метра на четыре. В противоположной стороне его продолжался коридор. Освеща фонарем стены и пол, усыпанный обломками камней, начальник отряда шел, слегка прихрамывая, проверяя палкой каждое подозрительное место: могла встретиться трещина или скрытая яма.

Коридор начал сужаться, и очень скоро Николай Павлович был вынужден сначала пригнуться, а затем и лечь. Ползти по щели и тянуть за собой рюкзак становилось все труднее. Санин уже хотел крикнуть ребятам, чтобы они остановились, но щель стала снова расширяться и вывела туристов во второй зал, много просторней первого. Он был так велик, что даже свет сильного фонаря не мог нащупать ни противоположной стены, ни потолка. Видимая часть за-

ла отливала мягким серебристым светом. Тысячи огоньков вспыхивали и гасли на изломах и гранях камней.

Один за другим из щели, пыхтя, вылезали спутники Николая Павловича. Светлана, едва встав на ноги, воскликнула:

— Как красиво! Теперь я не жалею, что ободрала колени и ладошки.

— Еще бы! — усмехнулся Володя. — Между прочим, я тоже поцарапал руки, но не хвастаюсь.

— И я не хвастаюсь, сказала просто так...

— Света, сколько осталось бечевы? — спросил Санин.

— Мало, скоро кончится.

— Вот еще моток. Мы прошли почти сто пятьдесят метров. Можно и отдохнуть.

— Очень разумно, — тяжело дыша, согласился доктор. — Лазить по таким щелям в моем возрасте трудновато.

— Охота пуще неволи, Иван Антонович.

— А я что говорю? Я и говорю, что получил огромное наслаждение.

— Этот зал надо тоже назвать, — сказал Миша, садясь на камень рядом с доктором. — Придумал! Зал доктора Мухина.

Иван Антонович погрозил Мише пальцем.

— Зал Мухина — не звучит. Придумай что-нибудь получше.

— Зал Отважной Пятерки?

— Длинно и хвастливо. Отвагу мы еще не проявили.

— Тогда... Безымянный зал?

— Тоже... тоже не то. Думайте, все думайте.

— А Мерцающий зал? — подсказала Светлана.

— Мерцающий зал? Гм. Как, друзья, подойдет? Посмотрите: всюду мерцают и переливаются разноцветные огоньки, так таинственно...

— По-моему, удачно, — сказал Николай Павлович, — даже поэтично, а?

— И мне нравится, — вставил Володя. — Лучше не называть.

Девочка показала брату язык: что, получил? Миша презрительно усмехнулся.

— А ты не важничай. Подумаешь, великое дело — название. Вот я еще лучше придумаю.

Николай Павлович обошел Мерцающий зал и сообщил, что из него выходят три коридора. Наиболее широкий средний. По нему и отправились экскурсанты. Коридор, вначале прямой, начал поворачивать то вправо, то влево, а потом раздвоился. Выбрали правое ответвление и после часа ходьбы вступили в небольшой грот. Вдоль стен грота стояли разных форм и размеров колонны. Среди них в живописном беспорядке лежали обломки рухнувших колонн. С потолка спускались гирлянды из больших и малых сосулек с причудливыми наплывами. Сталактиты — желтоватые, розоватые, серо-оранжевые, разной длины и толщины — опускались к полу, а навстречу им поднимались, соперничая в красоте, сталагмиты. По размерам они были меньше сталактитов.

— Это же чудо! — восторгался доктор. — Великолепно! Колоссально! Слава тебе, великая и могучая природа!

Даже начальник отряда, которого, казалось, трудно было чем-то удивить, и тот не мог скрыть восхищения. А о ребятах и говорить нечего, их восторгу не было предела. Перебивая друг друга, они предлагали названия подземному дворцу. Наконец согласились назвать грот просто Сталактитовым. Санин, делавший в записной книжке краткое описание пройденного пути, так и оставил за ним это название — Сталактитовый.

Вдоволь налюбовавшись красотами грота, отряд по небольшому извилистому коридору, вышел в продолговатый зал, одетый серым камнем.

— Замечаете, какой здесь свежий и чистый воздух? — сказал Николай Павлович доктору. — И ровная температура. Как говорится, не холодно и не жарко. Жаль, не взяли термометр.

— Что-то около десяти градусов, — Иван Антонович остановился и посмотрел на часы. — А вы не заметили, Николай Павлович, другого: ходьба, свежий воздух и ровная температура возбуждают аппетит? Два часа, самое время подкрепиться.

— Давайте закусим, и пора возвращаться. К вечеру надо добраться до выхода.

— Как?! Не узнав, какие красоты скрывает еще не осмотренная часть пещеры?

— К сожалению. Но Сергей ждет нас и, если задержимся, будет беспокоиться. В конце концов можно прийти сюда еще раз. Пещера стоит того, чтобы исследовать ее подробнее.

Мухин развязал рюкзак и, достав свечу, пристроил ее на выступе стены. Желтый язычок огня весело подмигнул людям, вытянулся и замер.

К начальнику отряда подошла Светлана.

— Николай Павлович, клубок почему-то больше не разматывается, — и она протянула оставшийся шпагат.

Доктор, расстелив полиэтиленовую скатерть, поднялся.

— О чем вы толкуете?

— Света сказала, что шпагат перестал разматываться.

— Ну и что же?

— А то, Иван Антонович, — медленно проговорил начальник отряда, — что наша «путеводная нить» оборвалась.

Последние его слова слышали Володя и Миша.

— Вот это фокус! — весело воскликнул Миша. — Кому доверили такое дело.

Свеча, освещавшая встревоженные лица туристов, вдруг соскользнула с выступа, ударилась о пол и погасла. В пещере сразу стало темно, как ненастной осенней ночью.

Глава 8

ПОИСКИ ВЫХОДА

Несколько секунд все молчали. Послышалось шуршание спичечного коробка в руках Ивана Антоновича. Дрожащими пальцами доктор зажег спичку, но она, ярко вспыхнув, погасла. Вторая и третья спички совсем не зажглись. Только от четвертой ему удалось снова зажечь свечу и укрепить ее на прежнем месте. К желтому огоньку добавился свет чьего-то фонарика.

— Мы не так далеко от выхода, — спокойно сказал Санин. — Ешьте побыстрее и пойдем обратно.

— Конечно, мы легко найдем выход, — откликнулся Мухин и посмотрел на ребят. — Ничего особенного не случилось. Вот бутерброды. У кого термос с чаем?

Светлана машинально сматывала шпагат. Николай Павлович, увидев это, поспешно взял ее за руку.

— Оставь шпагат в покое. Мы пойдем в том направлении, куда он указывает. Где-нибудь неподалеку отыщется и другой конец шпагата. Не вешайте носы, выход из пещеры найдем.

— Никто и не вешает, — с обидой возразил Миша. — Найдем, факт.

— А если не найдем, то папка поможет, — добавил Володя. — С ним Аргус. Уж они-то найдут нас.

— И это верно, — согласился Санин. — Вы славные ребята.

— Приглашаю к столу, — доктор показал на бутерброды.

Ребята и Николай Павлович сели на камни, которых всюду было множество, и принялись за еду. Пламя свечи, колеблемое воздухом, то ложилось, то вытягивалось в ниточку, скупо освещая лица туристов. С бутербродами покончили быстро, запили их чаем и оставили «Столовую», как окрестили серый неприветливый зал. Впереди снова шел Николай Павлович, освещая путь фонариком. На душе у Санина было тревожно, хотя он и не показывал этого. Зачем доверил шпагат Светлане, надо было держать его самому. Девочка, видимо, поздно заметила, что шпагат оборвался и утянула обрывок за собой. Далеко ли? Сколько теперь потеряют времени, пока найдут выход. Сергей в лагере будет беспокоиться, а уж потом поиздевается. «Я, скажет, говорил, я предупреждал, горе-исследователи...» Ну, да черт с ним, поворчит и перестанет. Главное — выбрать поскорее из пещеры.

Санин внимательно следил за шпагатом, легкими изгибами убегавшем из освещенного круга в темноту. Вот и Сталактитовый грот, но теперь некогда любоваться его красотою. Туристы вступили в длинный извилистый коридор. Пройдя несколько шагов, начальник отряда нагнулся и поднял с пола обрывок шпагата. При свете фонаря он осмотрел его и передал Мухину. Конец шпагата был слегка разлохмачен.

— Перетерся об острый камень где-нибудь на повороте. — Доктор вопросительно посмотрел на Николая Павловича.

— Наверное, так. Поищем второй конец. Он где-то поблизости. Серую тонкую веревочку нелегко разглядеть на серых камнях, да еще при таком освещении. Я надеюсь на вас, Миша, Володя и Света. Ваши молодые глаза быстрее

разглядят обрывок шпагата, чем наши с доктором. Идите потихоньку и не теряйте друг друга из виду.

Коридор тянулся бесконечно долго, так по крайней мере показалось встревоженным исследователям пещеры. А когда его прошли, то попали в довольно обширный зал. Весь пол покрывал мелкий песок, стены зала местами были влажными. Кое-где виднелись редкие сталактиты и сталагмиты.

— Здесь мы не проходили, — шепнул Мухин на ухо Санину. — Или я ошибаюсь?

— Вы не ошиблись, доктор.

Но взрослые шептались зря: ребята тоже поняли, что попали в новую часть пещеры.

— Николай Павлович, — сказал Миша. — Мы здесь, по моему, не были.

— Ясно, не были, — подтвердил Володя. — Здесь мокро, а мы шли все по сухим залам.

Начальник отряда спокойно ответил:

— Да, мальчики, коридор увел нас куда-то в сторону. Надо вернуться в Сталактитовый грот.

Отряд повернул обратно. Опять шли по мрачному коридору, смотрели под ноги, надеясь увидеть обрывок шпагата. Коридор закончился тупиком. Никаких ответвлений отсюда не было.

— Привал, — распорядился начальник отряда. — Погасите все фонари. Будет гореть только мой.

Доктор и ребята послушно выполнили приказ Санина.

— Потом расскажем там, — Иван Антонович поднял указательный палец, — какое у нас было приключение. Настоящее. Нам еще позавидуют.

— А мы попадем туда? — Миша тоже показал на потолок.

— Без сомнения, мой друг, без сомнения. В запасе у Николая Павловича есть верное средство.

— Какое? — живо спросила Светлана. Она была подавлена случившимся и винила только себя. Это из-за нее все сидят сейчас под землей вместо того, чтобы отдыхать в палатках. — Какое средство?

— Правило левой руки, — ответил Санин. — Из любого лабиринта можно выйти, пользуясь правилом левой руки. В том числе и из подземного.

Говоря это, Санин сомневался, что в таких условиях удастся применить правило левой руки, ему просто хотелось успокоить ребят.

— А что это за правило? Я никогда про такое не слышала.

— Надо все время идти левой стороной лабиринта, по всем его извилинам, и тогда обязательно вернешься к исходной точке, то есть к выходу. Правило левой руки всегда выручало тех, кто о нем знал. Скажи-ка, Светлана, сколько у нас в запасе осталось шпата и лески?

— Два мотка лески по сто метров и вот еще клубок шпата.

— Метров триста... Маловато, но все равно стоит попробовать.

— Что вы задумали? — доктор Мухин повернулся к начальнику отряда.

— Попробую выйти к Сталактитовому гроту. Если удастся, искать выход начнем из него. Вы, Иван Антонович, остаетесь с ребятами здесь.

— Для чего же вам шпата?

— Чтобы вернуться потом сюда.

— А если опять порвется?

— Я буду осторожен, не беспокойтесь.

Санин привязал шпата к рюкзаку доктора и вышел. Свет его фонаря быстро исчез в коридоре.

Володя и Миша легли, подложив рюкзаки под головы, а Светлана, пригорюнившись, сидела на камне.

— Представляешь, Вовка, — Миша толкнул приятеля локтем, — может, над твоей головой целые километры земли, тысячи тонн камня. Может, там дремучий лес, а может, деревня и ходят люди. А ты спокойно лежишь.

— И ты тоже, — буркнул Володя. — Отстань.

— Вот уж и отстань. Разве не интересно?..

— Исследователи всегда переживают приключения и опасности, — заговорил доктор, — порой им достаются тяже-

лые испытания, очень тяжелые... Побеждают смелые и мужественные, а трусы и слабовольные погибают.

— Ну, у нас-то никто не струсит. Как вы думаете, Иван Антонович, пещера очень большая? — Миша повернулся к доктору и ждал ответа.

— Да как сказать... пожалуй, не маленькая. Но даже самая большая пещера где-то кончается.

— Здесь всегда было тихо и пусто? — спросил Володя.

— Видишь ли, я не специалист по пещерам. Вот Николай Павлович в этом разбирается. Ты уж его спроси. Один мой знакомый побывал в знаменитой Кунгурской пещере. Это тоже на Урале, вблизи города Кунгура, Пермской области. Он рассказывал, что ничего красивее в жизни не видел. Первые гроты в пещере покрыты льдом, есть замечательное подземное озеро.

Слушая Мухина, ребята, казалось, забыли, где они. Но Миша вдруг перебил:

— Сколько мы здесь? Кажется, очень давно.

— Всего несколько часов. А вот Николай Павлович что-то задерживается.

И, словно в ответ на слова доктора, во тьме блеснул тусклый огонек. Он двигался.

— Николай Павлович идет! — радостно вскрикнула Светлана, первая заметившая свет фонаря.

Миша, Володя и доктор посмотрели в темноту коридора. Из него, прихрамывая, вышел краевед.

— Я облазил все ближайшие коридоры и залы, — не дожидаясь расспросов, заговорил он. — Все, сколько позволила длина шпагата. Сталактитовый грот не нашел. Где-то мы свернули и попали в путаницу из коридоров и малых залов. Разобраться в этой путанице не просто. Но выход неподалеку, убежден.

— И мы так считаем, — подтвердил Иван Антонович, умышленно сделав ударение на слово «мы», будто он давно уже обсудил с ребятами этот вопрос. — Прошло не более восьми часов, как отряд в пещере. Сколько можно пройти за восемь часов? В таких условиях не более двух километ-

ров. Весьма вероятно, что мы кружили, а не двигались по прямой. Тогда выход совсем близко.

— Жаль, не взяла компас, — вздохнула Светлана. — Он бы сейчас пригодился.

— Забыла в коробочке из-под «Белой сирени», — невесело сострил Володя, намекая на давний разговор.

— Как это ты догадался? Ведь и правда там.

— Мой компас тоже остался в лагере, — сказал Санин.

— Что будем делать дальше? Пусть каждый выскажет свое мнение, затем решим.

Миша и Володя сели. Ребята поняли, что начальник отряда обращается к ним, как к взрослым, равноправным. Для него важно знать их мнение. Значит, дело серьезное.

Первым заговорил Мухин.

— Не надо смотреть на наше положение мрачно, друзья. Это первое, что я хотел сказать всем вам. А второе... Да, мы попали в затруднительное положение... Но неужели пять человек не найдут выход?

— Найдем, — уверенно сказал Миша.

— Найдем, — повторил доктор. — Все дело только во времени. Мы знаем также, что там, у входа в пещеру, остался наш товарищ, и он не будет сидеть сложа руки.

— Не будет, — быстро вставил Володя, — папка не такой, он что-нибудь придумает. Вот увидите.

— По-моему... — нерешительно начала Светлана и посмотрела на доктора: — Можно?

— Говори, Света.

— По-моему, нам лучше подождать здесь. Если опять пойдем, то еще больше запутаемся и нас труднее будет найти.

— Я согласен с ней, — снова перебил Володя. — Лучше всего ждать. Да и ноги уже устали от ходьбы.

— Так... Подождать? — доктор, когда волновался, имел обыкновение снимать очки, долго протирать стекла, а сам в это время думал. Но вот он водворил очки на переносицу и посмотрел на Санина. — Ребята говорят дельные вещи, Николай Павлович. Я с ними согласен.

— Ждать... — задумчиво повторил начальник отряда и резко повернулся к Мише: — А ты почему молчишь? Тоже так считаешь?

— Я бы не стал ждать. По мне лучше ходить, чем сидеть на месте, и можно еще...

— Что, можно еще?

— Можно подавать сигналы: кричать или стрелять. У Ивана Антоновича есть ружье.

— Исключено. Стрелять в пещере нельзя, выстрел может вызвать обвал, и тогда мы себя похороним. Итак, большинство за то, чтобы ждать здесь. — Санин постучал палкой по камню, на котором сидел. — Да, это самое разумное. Я рад, что мое решение совпадает с вашим. В рюкзаках продукты, у каждого фляга и даже термосы с чаем. А вот свет... свет придется экономить. Сколько у нас фонариков?

Карманный электрический фонарик был у каждого, а Володя взял в пещеру отцовский — с динамомашинкой, он действовал от нажатия ладони на рычажок. В отряде имелись также стеариновые свечи и несколько коробков спичек. Подсчитав запасы, Николай Павлович сказал:

— А теперь давайте отдыхать. Установим дежурство. Если дежурный что-нибудь услышит или заметит, например, свет, немедленно сообщает мне. Но дежурить придется... в темноте. Это неприятно, зато сохранит энергию батареек. Разрешаю зажигать свет только в случае нужды.

— Пусть дежурный возьмет мой фонарик, — предложил Володя, — его можно зажигать, чтобы не скучно было. Давайте, я подежурю первым. А Свету надо освободить.

— Вот еще! Не хочу я освобождаться, буду дежурить, как и все.

— Ну ладно, ладно, дежурь, только не кричи, — проворчал Володя. — Можешь сидеть хоть всю ночь.

— Первым дежурить буду я, — вмешался Иван Антонович, — потом Николай Павлович, а уж потом вы.

— Можно мне первому, Иван Антонович, — попросил Володя. — Я еще никогда не дежурил. Можно, а? Думаете, устал? Вот несколько не устал, честное слово.

— А потом я подежурю, ладно? — сказал Миша.

Доктор повернулся к Санину, как бы говоря: ну, что прикажешь с ними делать? Николай Павлович посмотрел на просительные лица ребят и уступил.

— Хорошо, пусть дежурят по часу, а мы с вами, Иван Антонович, поделим остальное. Володя, возьми мои часы.

Туристы постарались устроиться поудобнее, используя рюкзаки и кое-какую запасную одежду. Дежурному определили место. Когда все улеглись, свет погасили. Ни один посторонний звук не нарушал тишины подземного мира.

Глава 9

ЕЩЕ ПОПЫТКА

Володя сидел на камне, обхватив колено руками, и честно старался не заснуть. Он не просто дежурный, он часовым на посту, а спать на посту — преступление. Может, именно в его дежурство случится что-то особенное. А что особенного может случиться? Вот если их уже начали искать и где-то поблизости ходят люди... Тогда надо не спускать глаз с коридора (хотя в темноте его все равно не видно), вдруг там мелькнет огонек. И еще — слушать. Чутко: люди будут звать их, кричать. Жаль, Николай Павлович не согласился на стрельбу. Дал бы ружье ему, Володе, он бы устроил салют...

Рядом, невидимые в темноте, спят товарищи. Все устали. Не легко без тренировки лазить по камням. Посвистывает носом Иван Антонович, всхрапывает Мишка. Светлана что-то бормочет и изредка стонет. Интересно, что ей снится? Обрывок шпагата? И как это Николай Павлович доверил девчонке такое важное дело — тянуть за отрядом шпагат! Может, обрывок где-нибудь близко, в соседней пещере... Красивая сестренка у Мишки, и смелая...

Николай Павлович часто ворочается с боку на бок, у него, наверное, болит раненая нога. Он хотя и угрюмый, и разговаривать много не любит, но хороший. Николай Павлович и папка всю войну сражались вместе. Они были разведчиками. Однажды вдвоем напали на немецкую штабную машину, перестреляли охрану, захватили портфели с важными бумагами и картами, да еще одного офицера, кажется, полковника. А потом на этой же машине добрались до линии фронта. Папка, переодетый в немецкий мундир, был за шофера, Николай Павлович за адъютанта, а полковник так и остался полковником. Когда их останавливали, полковник отвечал, что едет по очень срочному делу к командующему. Конечно, по срочному, разведчики-то торопились к себе. За этот подвиг папку и Николая Павловича наградили орденами «Славы». А в Праге Николай Павлович спас папку и чуть не погиб сам. Тогда его и ранило в ногу. С тех пор он и хромает, потому что неправильно срослась какая-то кость. Вот это друг! А Мишка Глебов рискнул бы жизнью, чтобы спасти меня? Я ни минуты бы не раздумывал, если бы пришлось спасти Мишку...

Спать хочется все сильнее. Мальчику начинает казаться, что штабную машину фашистов захватил он вместе с Мишей. Чудная какая-то машина: длинная, черная-черная и вся полна важных документов.

Володя с трудом размыкает отяжелевшие веки. Кругом темно. На земле никогда не бывает такого. Скучно и тоскливо одному. Надо бы дежурить по двое. Вот Мишка спит и хоть бы что. Да еще храпит. Да еще, наверное, сны видит. Дежурный легонько толкает ногой приятеля. Миша перестает храпеть.

Вспомнив о фонарике, Володя нажимает на рычажок быстрыми сильными движениями пальцев. Фонарик недовольно жужжит, будто сердится. Загорается под толстым стеклом лампочка, рисуя на стене дрожащий светлый кружок. Володя ведет лучом света по стене вправо, влево, в глубь коридора. Там свет теряется. Если нажимать на рычажок быстро-быстро, фонарик светит ярче. Но пальцы ско-

ро устают, жужжание стихает, и луч бледнеет, а потом гаснет.

Сидеть на камне неудобно. Володя встает, переминается с ноги на ногу, сгибает и разгибает руки и опять садится. Интересно, что сейчас на земле? Ночь или утро? Папка, ясное дело, беспокоится. Он уже, наверное, начал искать их. Начал искать... Это сказать легко, а как искать? У реки он один и до ближнего села километров пятнадцать. Пока доберется туда, позовет на помощь людей, да пока они придут к пещере, пройдет еще день, а может, и два. Значит, помощи ждать рано. Рано... рано... рано... ра... но... но... ра...

Голова дежурного склоняется на грудь, губы тихо шепчут:

— Но... ра... нора... но... ра...

Володя испуганно вскакивает.

— Ух, ты! Часовой, а заснул. Под ревтрибунал тебя!

А Мишка блаженно спит. Хоть бы не храпел. Володя снова толкает друга.

— Перестань храпеть. Мешаешь дежурить.

— А? Что?

Миша Глебов не может понять, где он и с кем говорит. Володя жужжит фонариком, водит лучом света по Мишину лицу.

— Твой храп мешает дежурить. Понимаешь? Ничего не слышно.

— Я больше не буду, — сонным голосом обещает Миша и поворачивается на другой бок. Володя жужжит фонариком быстро-быстро и как бы случайно направляет яркий сноп света прямо ему на лицо. Тот сильно зажмуривает глаза.

— Между прочим, тебе осталось спать полчаса. Лучше посиди со мной, а потом я посижу с тобой полчаса.

— Отстань! — сердится Миша.

— Как хочешь. Только меня потом тоже не проси.

Но Миша уже проснулся окончательно. Сел и сладко зевнул.

— Ладно, давай посидим. Слушай, Вовка, я видел сон. Будто день солнечный-солнечный. Подошел я к реке, разделся и — бултых в воду. Поплыл. Плыву, плыву... Э-эх... плыву... плы...

— И долго ты будешь плыть? Уже берег давно.

— А я не к берегу, я по середке реки, по течению. Вдруг меня кто-то толкает. Под бок толкает. Оглядываюсь, а это Аргус рядом плывет. Смешно, правда?

— Нисколько. Это я толкал. Храпел ты, как медведь.

Миша не обиделся на сравнение с медведем. Подсел к товарищу и уже другим голосом заговорил:

— Как думаешь, Вовка, выберемся мы из пещеры?

— Ясное дело, выберемся. Если сами не сумеем, нас разыщут. Спутники летают к Марсу и к Венере, атомные ледоколы ходят, а найти в какой-то пещерке пять человек — плевое дело.

— Пещерка! Сколько прошли, а конца нет. Слушай, — Миша придвинулся ближе, — а вдруг мы найдем здесь сокровища? Или откроем что-нибудь важное-важное?

— Сокровища? Откуда им взяться? И что тут может быть важное?

— Не знаю, — честно сознался Миша. — Ну, например, руды какие-нибудь: золото, серебро или уран.

— Уран? Вот это да! Только ведь мы не умеем, для этого надо геологами быть.

— Уж это ты правильно сказал, не найти нам сокровищ, пока геологию не выучим. А как станем геологами — сразу в эту пещеру...

— Сначала надо из нее выйти.

— Опять правильно. А, может, пока они спят... мы пойдем на разведку? Просыпается Николай Павлович, а мы: выход нашли, собирайтесь скорее.

— Вот было бы здорово! Все поздравляют нас и пишут в газете: «Они захватили длинную черную машину, полную документов...»

Миша изумленно смотрит на товарища.

— Ты чего, Вовка? Какую такую машину?

Володя вздрагивает, открывает глаза.

— Да так я, для шутки... А знаешь, Николай Павлович говорил, что без его разрешения никому из нас отлучаться нельзя...

Миша схватил друга за руки.

— Тс... Слушай!

Володя умолк и встревоженно прислушался. Откуда-то из глубины пещеры до них докатился странный звук. Он походил и на завывание ветра и на крик неведомого животного.

— Слышал? Что это?

— Да, да. Молчи, Мишка.

Ребята напряженно замерли, но, кроме посапывания спящего доктора, ничего не услышали.

— Как будто собака лаяла?

— А по-моему, кричала птица.

— Ну, откуда здесь взяться птице?

— Может, где-то близко есть другой выход из пещеры, а рядом лес, птицы и залетают... Вот опять!

Странный звук повторился, но теперь глуше и дальше.

— Разбудим Николая Павловича?

— Не надо. Я пройду немного по коридору. Дай фонарик.

— Постой, а приказ? Забыл?

— Так я же недалеко.

— Ну тогда и я с тобой, Мишка.

— Нет, я один. Да тише ты.

Миша встал. Фонарик в его руке весело зажужжал, и желтое пятно запрыгало по стенам. Володя с завистью смотрел, как уходит товарищ. Ох, Мишка! Нарушает приказ начальника отряда. Всыпет ему Николай Павлович — и подел-м! Забыл о железной дисциплине.

Минут через десять разведчик вернулся.

— Ничего не заметил. Где-нибудь падали камни, а мы — птицы, собака...

— А по-моему, кто-то кричал. Ты испугался и скорее обратно.

— Это я-то испугался? Да знаешь ли...

— Ладно, ладно. Вот тебе часы. Желаю спокойного дежурства. А лучше — беспокойного. Буду спать.

Володя улегся на то место, где спал Миша. Через час Мишу сменил начальник отряда. Он должен был дежурить три часа.

— Все спокойно? — спросил Николай Павлович.

— Как будто все, только... кричал кто-то.

И Миша рассказал о странных звуках, которые слышали они с Володей, но о том, что ходил на разведку, умолчал.

— Жаль, что не подняли меня. Ну ложись, отдыхай.

Миша не заставил себя упрашивать. Он лег рядом с Володей, прижавшись к нему, и сразу же захрапел.

Краевед зажег свечу, достал записную книжку и, положив ее на колени, сделал несколько коротких записей. Положение отряда беспокоило Санина. И тревога нарастала. Ждать помощи? В отряде мало продуктов, еще меньше воды. Что если поиски затянутся? Черт возьми, надо же такому случиться. Нелепая история. И кто виноват? Один он, Санин, начальник отряда. Нет, нельзя сидеть сложа руки, надо действовать. Но как? Как действовать? Николай Павлович не сказал даже доктору Мухину, что во время короткой разведки он не встретил ни одного зала или коридора, где бы они уже проходили. Даже Сталактитовый грот неизвестно в какой стороне. Главная надежда на Сергея, но сколько пройдет времени, пока он организует поиски исчезнувшего отряда...

Доктора будить не пришлось. Он привык рано вставать и проснулся сам. Включил свой фонарик, посмотрел на часы.

— Ого! Пора на дежурство.

— Спите, Иван Антонович, я подежурю за вас.

— Спасибо. Выспался отлично, как в городской квартире. Эге, да уже пошли вторые сутки, как мы под землей. Приключение затягивается.

— Приключение, — Санин вздохнул. — Скажите — несчастье.

— Не надо так мрачно, дорогой мой. Еще нет оснований для пессимизма.

— С вами я буду откровенен: мы заблудились, это ясно, — и начальник отряда рассказал доктору о своих опасениях, о разведке, которая лишь подтвердила его тревогу, и о решении самим искать выход, а не ждать, пока придет помощь. Закончил он словами:

— Не надо пока тревожить ребят.

— Ребята — замечательный народ, — возразил Мухин. — Они все поняли и не падают духом.

— Хорошо, если так. Иван Антонович, возьмите на учет все продукты, воду и распоряжайтесь ими, как сочтете нужным. Воды у нас мало. Сегодня же поищем ее в соседних залах.

Мухин зажег свечу и при ее свете занялся тем, что не успел сделать, отправляясь в пещеру: стал разбирать содержимое своего объемистого рюкзака. Он извлек несколько банок мясных и рыбных консервов, сгущенного молока и множество свертков, уложенных в свое время заботливой Антониной Васильевной, хотя и без его ведома. Вот теперь Иван Антонович мысленно сказал жене тысячу благодарных слов. Закончив ревизию, доктор приготовил всем по бутерброду и открыл банку сгущенки.

— Завтрак готов. Разбудить ребят?

— Будите. После завтрака поищем воду.

Мухин подошел к Светлане и погладил ее по голове.

— Пора вставать, милая.

Девочка открыла глаза и улыбнулась.

— А я уже не сплю, — с прежней веселой ноткой в голосе сказала она. — Вот мальчишек надо будить. Эти засони проспят целый день.

И она бесцеремонно начала расталкивать ребят, напевая:

Дети в школу собирайтесь —
Петушок пропел давно.
Попроворней одевайтесь,
Смотрит солнышко в окно.

Такой песенкой их с Мишей иногда будила мать. Ребята поворчали, но поднялись.

— И чего ты, Светка, распелась, — недовольно говорил Миша. — Какое солнце? Где это оно смотрит?

— Там, — сестра показала на потолок. — Сегодня солнце тоже взошло. Не будет же оно нарушать порядок только потому, что двум лежебокам не хочется вставать.

И девочка звонко запела:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!

— Светка, замолчи! — Миша зажал уши. — Если ты и дальше так станешь верещать — все оглохнут.

— Мишенька, миленький, не сердись на свою единственную любимую сестренку, — девочка обняла брата за шею и стала целовать. Тот попробовал освободиться.

— Перестань! Как не стыдно. У, лизунья!

Но хорошее настроение Светланы передалось и другим. Иван Антонович неожиданно запел:

Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет солнце...

Это получилось так забавно, что Володя не удержался и тоже подхватил:

Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда будем мы!

— А теперь зажгите еще одну свечу и... На зарядку становись! — скомандовал доктор. — Все. Никто не освобождается. Приготовились. Делаем первое упражнение. Ра-аз. Два-а. Три-и-и. Четыре. Рра-аз...

Иван Антонович старательно показывал каждое упражнение. Физзарядка была маленькой хитростью доктора, он

рассудил, что обычные земные дела отвлекут ребят от тревожных мыслей и укрепят бодрость.

— Урок окончен. Водные процедуры сегодня отменяются. И умывание.

— Умываться? Зачем? — Володя подтолкнул Мишу. — В темноте все равно не видно, кто чистый, а кто грязный.

— Умываются не только для того, чтобы видели другие. Это необходимо твоей коже.

— Иван Антонович, — сказала Светлана, — он же знает, Володя просто шутит.

— Я просто шучу, Иван Антонович.

— Все бы вам шутить. Шутники. Завтракать, живо.

После завтрака Санин и Володя отправились искать воду. Николай Павлович осторожно разматывал шнур, связанный из кусков шпагата и капроновой лески от спиннинга доктора, а Володя светил фонариком. Пройдя шагов сто, они остановились и прислушались: не донесется ли откуда журчание ручья или звук падающих капель. Но подземный лабиринт безмолвствовал.

Миновав коридор, идти по которому можно было только пригнувшись, они попали в круглый зал, обошли его и обнаружили еще два зала, сообщающиеся с первыми короткими проходами. Первый маленький зал был почти сплошь завален обломками камней, зато второй оказался свободным, словно здесь только что сделали генеральную уборку и даже пол посыпали мелким белым песком.

— Николай Павлович, посмотрите-ка, — Володя осветил левую стену, серо-желтоватую, гладкую и слегка блестящую. Примерно в метре от пола виднелась ровная цепочка коротких черточек. Они-то и привлекли внимание Володи.

Краевед подошел и тоже зажег фонарик. Черточки обозначились яснее, резче.

— Это буквы, Николай Павлович, буквы!

— Теперь и я разглядел. Можно разобрать не только буквы, но и отдельные слова. Посвети-ка вот с этой стороны. А теперь отсюда. Так... Интересно... Попробуем прочитывать. «Были здесь... давно... снова...» Дальше что-то непонятно.

— А под словами стрела нарисована. Видите?

— Верно, стрела. Острый у тебя глаз.

Санин заволновался. Таким Володя видел его впервые. Куда девались сухость и командирский тон начальника отряда. Сейчас это был совсем другой человек: ученый, занятый раскрытием интересной загадки, совсем забывший, что он глубоко под землей.

— Да... здесь кто-то уже побывал до нас. Посвети еще, я перепишу надпись.

Николай Павлович достал карандаш, записную книжку и начал переписывать, вернее перерисовывать букву за буквой.

— Чем это написано, Николай Павлович?

— Углем. Древесным углем. Видишь, местами черточки жирные и мажутся, а местами едва заметные.

Володя попробовал стереть одну из черточек, и на пальце у него остался черный след.

— Уголь. Буквы какие-то странные. Вот «ы» совсем не такая, как мы пишем. Твердый знак зачем-то поставлен в конце слова. Неграмотный, что ли, писал?

— Да, да очень странные буквы, — машинально повторял Санин. — Так писали сорок-пятьдесят лет назад.

— Но ведь люди-то были здесь недавно. Тоже какие-нибудь туристы.

— Туристы, говоришь? Вряд ли... Все это довольно странно. Потом разберемся, — краевед закрыл записную книжку. — Стрела указывает на левый выход из этой пещеры. Пойдем туда. У нас еще метров сто пятьдесят шнура. Будь внимателен: могут встретиться другие надписи или стрелы.

Они смело вступили в коридор, на который острым концом показывала стрела под надписью. Может, он ведет к выходу. Скорее, скорее туда. Но разведчиков ждало разочарование. Уже через несколько шагов им пришлось согнуться, а потом ползти. Шнура едва хватило до следующего зала, такого большого, что свет двух фонариков не мог нащупать противоположной стены.

— Какая досада! — вымолвил Санин, шаря по карманам в надежде найти моток лески. — Нет, ничего нет. А у тебя?

Володя старательно обшарил свои карманы, но безрезультатно. Они стояли, ловя каждый звук. Но, кроме скрипавшего под ногами песка да собственного частого дыхания, ничего не услышали. Тогда краевед передал путеводный шнур Володе, а сам прошел немного вперед, все время переговариваясь с ним. Их голоса странно вибрировали. Скоро Николай Павлович вернулся. Воду найти не удалось.

Глава 10

КАП! КАП! КАП!

Неудачная попытка найти воду испортила настроение туристов. Все больше хотелось пить, а воду, оставшуюся во флягах, берегли. Поэтому и рассказ начальника отряда о надписи на стене большого интереса не вызвал. Правда, доктор предложил немедленно пойти по направлению, которое указывала стрела, но ребята его не поддержали, а Санин, что-то обдумывая, попросил подождать.

За обедом Иван Антонович открыл банку вишневого компота, чем сразу поднял настроение. И не потому, что это было лакомство, литровая банка содержала больше приятного кисловатого сиропа, нежели ягод.

— У вас, Иван Антонович, не рюкзак, а настоящий «Гастроном», — пошутила Светлана, с наслаждением допивая свою порцию компота. — С таким рюкзаком хоть куда пойти не страшно.

Мухин лукаво взглянул на нее.

— Мой «гастроном» таит столько сюрпризов, что ты ахнешь, когда узнаешь.

— А можно сейчас узнать?

— Всему свое время. Скажу лишь, что здесь, — доктор любовно похлопал рюкзак, — есть все, что полагается иметь порядочному «Гастроному».

— А в моем рюкзаке почти пусто, — мрачно вставил Володя. — Галеты да «Икра кабачковая».

— У меня «Бычки в томатном соусе» и несколько пачек разных концентратов, — добавил Миша.

— Вы хитрые и ленивые мальчишки, — прервала его сестра. — Все выгадываете, чтобы нести легче.

Володя поморщился.

— А у самой-то в рюкзаке тоже ничего нет.

— Неправда! Копченая колбаса, две булки хлеба в полиэтиленовых пакетах, пшенная крупа, соль, макароны, чай и сахар. Вот!

— Отлично, друзья! — Мухин потер от удовольствия руки. — Просто великолепно! Уйма провизии. Нет только воды.

— Вода будет, — твердо сказал Санин. — Мы найдем ее, и сегодня же, если к вечеру не оставим пещеру.

— Конечно, найдем, — поспешил согласиться доктор. — Все складывается великолепно. Нам еще будет жаль так рано покидать пещеру.

— Мы вернемся сюда, чтобы как следует изучить пещеру... — Санин сделал знак замолчать. Откуда-то из глубин пещеры прилетел тот странный звук, похожий на завывание ветра и на крик животного или птицы, который ночью слышали Миша и Володя. Звук замер и спустя некоторое время повторился как будто ближе. Светлана зябко повела плечами.

— Какой жуткий звук, — чуть слышно прошептала она.

Начинаясь высокой нотой, звук понижался и заканчивался шипением или урчанием. Снова наступила пауза.

— Это близко, — тихо сказал Николай Павлович. — Может, медведь? Я не охотник, не разбираюсь.

— Медведь? — переспросил Володя. — Как же он попал сюда?

— Глупый вопрос, — фыркнул Миша. — Да так же, как и мы.

— А по-моему, выла собака, — предположил Мухин. — Не Аргус ли? А с ним Сергей Денисович. Нас ищут, надо ответить.

— Тише, тише, — Санин поднялся и пошел к выходу.

В третий раз непонятный звук, начавшись с высокой ноты, вдруг захлебнулся, и тут все явственно услышали лай собаки.

— Аргус! Это Аргус!

— Нас ищут. Идемте скорее.

Володя подбежал к коридору и звонко закричал в темноту:

— Аргус! Аргус! Аргус!

— Аргус! Аргус! — подхватили Светлана и Миша.

Гулкое эхо разнесло по каменным сводам голоса, многократно повторяя их.

— Чего же мы ждем? — засуетился доктор. — Надо идти навстречу! Те, кто нас ищут, могут пройти мимо.

— Вы правы, — быстро ответил Санин.

Сборы закончили в одну минуту. Володя, держа фонарик высоко над головой, шел впереди и кричал:

— Аргус! Аргус!

Собака не откликнулась. Володя побежал.

— Осторожнее! — крикнул Санин. — Смотри под ноги!

Сам он, припадая на поврежденную ногу, едва поспевал за ребятами и доктором, который, несмотря на полноту, шел довольно быстро. Миновали несколько коридоров и небольших залов.

— Сталактитовый грот! — вдруг воскликнул Володя, останавливаясь.

Но он ошибся, и все это сразу поняли. Грот, куда попали туристы, был много больше Сталактитового. Все здесь словно покрылось льдом. Пол, стены, потолок отливали мягким матовым блеском. Сверху спускалось множество сталактитов, а с пола навстречу им поднимался настоящий частокол сталагмитов. Там и тут стояли колонны — тонкие и толстые, кривые, с наплывами в виде сосул и гребешков. Стены украшали красивые оторочки, гирлянды язычков, а местами они были покрыты разной формы и величины натеками. Казалось, на великолепных пьедесталах восседают в торжественном безмолвии уродливые идола и фантастические чудовища.

— Кап! Кап! Кап! — мерный звон падающих капель раздавался во всех углах грота.

— Вода! — радостно воскликнул Миша. — Николай Павлович, ее можно пить?

— Можно, это чистая вода.

Миша бросился к ближайшей каменной чаше и начал пить маленькими глотками прозрачную воду.

— Ух, какая холодная! Пейте, пейте все. Это настоящая вода!

Туристы разбрелись по гроту, отыскивая углубления, в которых собралась вода, и бережно сливая ее во фляги и термосы.

— Николай Павлович, а как образуются вот такие чудеса? — Светлана показала на частокол сталагмитов.

— Вода в пещеру просачивается сверху, растворяя известковые породы. Каждая капелька несет в себе крупинки извести. Так постепенно образовалась трубочка сталактита. Из нее, капля за каплей, годами, столетиями, вода падала на пол. Вода испарялась, а известь оставалась. И постепенно внизу навстречу сталактиту начинал вырастать сталагмит из того же известняка. Шли годы, сталактит и сталагмит встречались, срастались и вот — колонна. Примеси солей железа и других элементов окрашивают колонну в разные цвета.

— Кап! Кап! Кап! — звенело в гроте.

— Давайте придумаем название этому великолепному гроту, друзья, — сказал доктор, восторженно оглядывая зал.

— Назовем его ГПК, — предложил Миша.

— Не понимаю. Что за ГПК?

— А это сокращенно. Грот Падающих Капель.

— Ловко! — восхитился Володя. — Только лучше не сокращенно.

— Грот Падающих Капель, — повторил Иван Антонович, чуть склонив набок голову, словно вслушиваясь в звучание слов. — Недурно. Даже поэтично. Всем нравится?

— Всем, всем! — в один голос ответили Светлана и Володя.

— Тогда, Николай Павлович, запишите в своей книжке это название: Грот Падающих Капель.

— Уже записал, — отозвался краевед. — Удачное название.

За осмотром грота все позабыли о главном, что привело их сюда, и вспомнили только выйдя из Грота Падающих Капель. Снова принялись звать Аргуса, кричать, но лишь своды добросовестно повторяли крики. В ответ никто не отзывался. Прошло уже несколько часов, и пора было думать о привале. В одном из следующих залов, где соби-

рались остановиться, доктор нагнулся и что-то поднял. Внимательно осмотрев находку, он сказал:

— Кость. Кость животного. И готов поклясться, она принадлежит летучей мыши. Причем довольно крупной.

— А что же тут удивительного? — Светлана непонимающе смотрела на Мухина. — Разве вы не слышали, что летучие мыши иногда живут в пещерах? Я даже в книжках читала.

— Слышал, конечно, но не в этом дело...

— Здесь целая куча таких костей, — крикнул Володя.

Мухин заторопился к нему. Там, где стоял Володя, весь пол был усеян костями. Они хрустели под ногами, как валяжник в лесу. Подошел Санин.

— Можно сделать очень важный вывод, — сказал он. — Если здесь жили летучие мыши, то неподалеку...

— Есть выход из пещеры?

— Правильно, Светлана. Именно такой вывод и запрашивается. Летучие мыши не питаются воздухом, они ловят насекомых ночью на воле. Следовательно...

— Мы скоро выберемся отсюда, — закончил Володя.

— Это второй вывод, — улыбнулся краевед. — Какие вы догадливые. Все понимаете с полуслова.

— А третий вывод: скорее в путь! — вставил Иван Антонович.

— В путь! В путь! — подхватили ребята.

Но едва отряд прошел небольшой коридор и вступил в следующий зал, как со всех сторон послышался пронзительный писк. словно от гигантского веера заколебался воздух, и будь в руках у путешественников не фонари, а свечи, они сразу погасли бы.

— Летучие мыши! — в страхе закричала Светлана и прижалась к доктору.

— Не бойся! Это совершенно безобидные животные.

Из всех уголков зала вылетали обеспокоенные криками и светом летучие мыши. Они кружились над головами туристов, проносились совсем близко, едва не задевая крыльями, и, не переставая, пищали. Люди невольно сбились

в кучку и размахивали палками, отгоняя крылатых хозяев подземелья.

— Перестаньте махать палками и погасите фонари, — сердито крикнул Санин. — Это раздражает мышей. Они не кусаются. Сейчас выйдем из зала.

В кромешной тьме люди направились к замеченной ранее щели, рискуя свалиться в какую-нибудь яму или сломать ноги среди камней. К счастью, все благополучно добрались до коридора. Но и там еще долго слышали они писк потревоженных животных.

Глава 11

ВСТРЕЧА С ОДИНЦОВЫМ

Туристы снова зажгли фонари и пошли быстрее, сворачивая в первые попавшие ответвления коридора, пока не оказались в тупике.

— Передохнем здесь, Николай Павлович, — взмолился доктор. — У меня ноги подгибаются от усталости.

Иван Антонович тяжело дышал, пот обильно струился по его лицу, фетровую зеленую шляпу он где-то потерял, и седые волосы торчали в разные стороны. Не лучше выглядели и остальные путешественники. Начальник отряда понял, что отдых нужен всем.

— Привал на двадцать минут.

— Ты испугалась? — тихонько, чтобы не слышали другие, спросил Володя Светлану.

— Скажешь тоже! — она попробовала засмеяться, но смеха не получилось.

— Если хочешь знать, так я и сам немножко испугался. Они налетели так неожиданно.

Миша услышал их.

— Конечно, Светка испугалась! Уж я-то знаю, как она боится мышей. Помнишь, когда к нам в комнату забежала мышь, ты взобралась на стол и подняла визг на всю квартиру?

Светлана смутилась, но запальчиво возразила:

— Ну и что же? Это было давно. Тогда я была маленькая. Вспомнил! А сегодня... сегодня я, ребята, уж если по-честному, тоже испугалась. Они так пищали и лезли в самое лицо.

Отдышавшись, доктор зажег свечу и учинил всему отрядку осмотр. Последний переход не прошел бесследно: туристы до синяков побили ноги, исцарапали руки. Достав походную аптечку, Мухин смазал йодом ссадины и царапины пострадавшим.

При этом разговор, естественно, пошел о летучих мышах.

— Жизнь рукокрылых еще мало изучена, — говорил Иван Антонович. — Мы знаем, например, что эти интересные животные при полете ориентируются в пространстве с помощью эхолокационного «чувства». Мышь не налетит ни на тончайший провод, если он встретится ей на пути, ни на стекло, ни на другое препятствие. Она распознает любую преграду заранее и вовремя свернет. Подсчитано, что эффективность эхолокации у летучих мышей в 22 миллиарда раз выше, чем у приборов, созданных человеком. Почему? Пока неизвестно. Миша, подойди, твоя очередь... Так вот, с наступлением холодов летучие мыши исчезают. А куда? Оказывается, как и многие птицы, они улетают в теплые края: в Крым, на Кавказ, в Турцию, Болгарию. А весной возвращаются. Ты что, Света, качаешь головой?

— Мне непонятно. Птицы улетают потому, что зимой им у нас и холодно и нечего есть. А летучие мыши зимой спят, да? А разве не все равно, где им спать: на Урале или на юге?

— О, моя милая, большая разница. Летучие мыши гибнут, когда температура опускается ниже нуля.

— Не так давно, — вмешался Санин, — в пещерах Урала были найдены зимовки летучих мышей. Они не улетали на юг, Иван Антонович, и не гибли от морозов.

— Вы это точно знаете? Тогда объясните, Николай Павлович.

— А тут и объяснять нечего. В пещерах даже в двадцатиградусные морозы температура держится примерно на плюс пяти. Для мышей этого оказывается достаточно. Вблизи Свердловска есть Смолинская пещера. В 1956 году в ней зимовало около тысячи летучих мышей. Говорят, это была самая крупная из всех известных ученым зимовок в Европе. Теперь Смолинской зимовки уже нет, ее уничтожили «любители природы». А ведь летучие мыши — полезные животные.

— Еще бы! Рукокрылые уничтожают громадное количество вредных насекомых. Причем ночью, когда главные защитники наших садов и лесов — птицы — спят, — доктор спрятал аптечку. — Ну вот и все. Завтра покажете мне ваши царапины.

— Иван Антонович, — Миша застенчиво переминался с ноги на ногу.

— В чем дело? Говори.

— Когда... откроется ваш «гастроном»?

— Проголодался? Великолепно! Если человек после такого приключения хочет есть, значит, он крепок и телом и духом.

— И я хочу есть, — поспешил добавить Володя. — И Света. Мы тоже крепкие.

— Великолепно, друзья мои, великолепно! Рад сообщить: «гастроном» уже открылся.

С этими словами доктор вытащил из рюкзака хлеб и консервы. Каждый получил хорошую порцию и быстро с ней управился.

— Куда же мы теперь? — Мухин посмотрел на краеведа.

— Выберемся из тупика и пойдем в прежнем направлении.

— Только не надо возвращаться в ЗЛМ, — попросила Светлана.

— Это еще что такое? — удивился Николай Павлович.

— Зал Летучих Мышей, — объяснила Светлана. — А сокращенно — ЗЛМ.

— Все понятно. Только уговоримся на будущее: не надо придумывать больше сокращенных названий, они звучат не очень-то красиво, да и не сразу поймешь, что означает вот такое...

— ЗЛМ, — тихо подсказала Светлана.

— Возвращаться через Зал Летучих Мышей и у меня нет желания. Но если пойдем по этому вот коридору, то не заберемся ли еще дальше в подземный лабиринт? И не забывайте — Аргус-то остался там... по ту сторону зала с мышами.

— Мы не знаем расположения гротов и коридоров в пещере, — вмешался Мухин, — а потому нельзя сказать — удаляемся от входа или приближаемся к нему.

— Так вы, Иван Антонович, за то, чтобы пойти дальше, а не возвращаться?

Доктор утвердительно кивнул.

— Но вы опять забыли... — краевед не договорил.

Миша Глебов, прислонившись к стене, громко захрапел. Светлана и Володя тоже задремали.

— Умаялись ребята, — с внезапной теплотой в голосе тихо сказал Санин. — Жалко будить.

— И не надо. Пусть спят, сон укрепит силы. Они очень устают, недоедают, но держатся молодцами. Да и нам не мешает отдохнуть.

Николай Павлович тоже чувствовал непреодолимое желание лечь, закрыть глаза хоть на десять минут. «Старею, — невесело подумал он. — А, бывало, по трое суток в окопах не спал...» Он еще пытался бороться с одолевающей дремотой. Рядом засвистел носом доктор. И начальник отряда положил голову на рюкзак.

Первым проснулся Мухин. Чиркнул спичкой, зажег свечу и посмотрел на часы. Свет разбудил чутко спавшего краеведа.

— Который час, доктор?

— Девять. Только вот не пойму — утра или вечера.

— Как, разве вы не ведете учета суткам?

— Вел... но, понимаете, Николай Павлович, где-то сбился — и все перепуталось. По моим подсчетам выходит, что пошли третьи сутки, а очень возможно — и четвертые.

— Досадно. Все равно, ведите учет. Потом проверим.

Иван Антонович понимал, что «потом» — это когда они выберутся из пещеры. «Когда?» — тоскливо подумал доктор.

Разбудили ребят. Съели по сухарю, запили водой с сахаром и вышли из каменного мешка, в котором отдыхали.

— Друзья, ищите воду, — говорил Мухин, шагая последним. — Осталось всего несколько глотков и фляга неприкосновенного запаса. Вода в пещере есть, мы уже убедились. Могут встретиться лужи, ручей и даже река. Прислушивайтесь, не раздастся ли где журчание или шум падающих капель.

Отряд шел, сворачивая из одного коридора в другой. Порой протискивались в узкие щели, порой пригибались или ползли. Но чаще все-таки шли в полный рост, ненадолго останавливаясь в небольших гротах, представлявших собой лишь более расширенную часть того же коридора. Иногда попадали в коридоры, сплошь заваленные камнями или настолько узкие, что пролезть было невозможно, и поворачивали назад. Несколько раз путь преграждали широкие и, вероятно, глубокие трещины. Если был обход — шли дальше, если обхода не находили — возвращались, ругая подземных архитекторов. Трудный путь быстро утомлял. Все чаще делали привалы, и каждый такой привал был длиннее предыдущего.

В одном из гротов доктор запнулся о камень и упал, но тут же быстро поднялся.

— Эврика!

— Что вы сказали? — не понял Санин.

— Повторил классическое восклицание Архимеда. Эврика, друзья! Смотрите! — Мухин протянул полную горсть песка.

— Песок! — разочарованно протянул Миша.

— Песок. Но какой! Мокрый! Мок-рый!

Иван Антонович объяснил, что упал он лицом в мокрый песок.

— Близко есть вода. Ищите ее, ищите. Каждый возьмите по свече.

Немедленно достали свечи, и желтые огоньки разбежались в разных направлениях, словно огромные светлячки.

— Эврика! — раздался вскоре звенящий от радости крик Володи Одинцова. — Эврика! Сюда, ко мне! Вот он, ручей.

Светлячки слетелись на крик мальчика. Володя стоял, высоко держа свечу. У его ног ласково журчал подземный ручей. Он был невелик. Вода, вытекая из широкой щели, образовывала лужицу, а затем вытягивалась в узкую полоску, исчезая в темноте.

— Великолепно! Вволю напьемся и умоемся. Умоемся! Воды много, хватит на все, — приговаривал Иван Антонович, очень страдавший от жажды.

— Большой привал, — коротко объявил Санин.

— Назовем ручей именем доктора Мухина, — сказал Володя, считая, что ему по праву можно первому предложить название. — Ручей доктора Мухина. А?

— Очень признателен, но почему ты именно меня удостоил столь высокой чести? — доктор насторожился, ожидая подвоха.

— Так ведь вы упали на мокрый песок.

— Понятно... А не лучше ли Ручей Владимира Одинцова?

— Не спорьте, — примирила их Светлана. — Назовите ручей Хрустальным. Вода в нем, как хрусталь.

Доктор обнял Светлану.

— Хрустальный? Очень хорошо звучит. Как по-твоему, Володя? Тоже нравится? Великолепно! А ты, Миша, чего молчишь?

— Я, Иван Антонович, думаю. Куда бежит ручей? Вот что я хотел бы знать. Вдруг это тот ручей, что протекал у входа, помните?

— Это мысль. И великолепная! Николай Павлович, если нам пойти за ручьем?

— Подождите. Допустим, ручей где-то выходит из подземелья. Но пройдем ли мы там? Вообразите: маленькая трещина на склоне горы, из нее пробивается вода. Вот мы

близко от этой трещины, но... мы не щепки. А может, ручей впадает в подземную реку. Под землей много рек.

— Тогда пойдем вверх по течению, — сказал Миша.

— Тоже мало шансов. Истоком может оказаться крохотный родник. Но я за твоё предложение. Идя за ручьем, мы всегда будем с водой. Не исключено, что ручей укажет нам верное направление, а может, и выход.

— Ура Мише Глебову! Ура Хрустальному ручью! — провозгласил доктор. — И да здравствует «гастроном»!

Доктор и Светлана занялись бутербродами, открыли две банки консервов. Иван Антонович нарезал хлеб тоньше, чем обычно: в его «гастрономе» осталась последняя булка и несколько пачек сухарей. Светлана уже хотела пригласить товарищей «к столу», когда в пещеру залетел посторонний звук. Разговоры смолкли на полуслове. Все насторожились.

— Лаает собака, — сказал Санин изменившимся голосом.

— Да, да, — подхватил Мухин. — Это собака! Нас ищут.

Ребята побежали к выходу, громко крича:

— Аргус! Аргус!

Доктор торопливо завертывал бутерброды в бумагу и запихивал обратно в «гастроном», краевед отыскивал свою палку, которую он куда-то сунул и не мог найти.

Вернулись ребята, ликуя крича:

— Это Аргус! Вот он! Вот он!

В освещенном свечой пространстве показалась собака. Сеттер был рад встрече с людьми не меньше, чем они. Он тыкался влажным носом в ладони туристов, прыгал и повизгивал от восторга.

— Аргуска! Славный умный песик, — Светлана обняла собаку, но та вырвалась и бросилась к Володе. Повертевшись среди людей и каждого наградив вниманием, Аргус побежал к выходу.

— Аргус, куда ты? — закричал Володя. — Назад! Назад!

Сеттер подполз на брюхе к юному хозяину, молотя хвостом по полу и тихо повизгивая. Потом вскочил и снова бросился к выходу.

— Назад, Аргус! — сердито приказал мальчик.

— Собака зовет нас за собой, — догадался Николай Павлович. — Там люди, которые ее послали. Берите вещи и пойдем за Аргусом. Не беспокойтесь, теперь он нас не бросит.

Иван Антонович и ребята, схватив рюкзаки, устремились за Саниным. Увидев, что люди идут, Аргус скрылся в коридоре. Туристы пошли в том же направлении.

Время от времени кто-нибудь призывно выкрикивал:

— Аргус! Аргус!

Но пес будто сквозь землю провалился. Даже лая не было слышно. Коридор привел людей в длинный и узкий зал. Начальник отряда остановился.

— Тут несколько выходов, можно ошибиться, — он посмотрел на Мухина. И доктор, тяжело дыша от быстрой ходьбы, ответил:

— Подождем здесь. Собака вернется. А с ней и люди.

— Да, так будет лучше.

Ребята тоже остановились. Сердца пяти человек, затерянных под землей, учащенно бились. Вот сейчас замелькают огоньки, покажутся люди...

— Эге-гей! — зычно крикнул Санин.

Эхо гулко повторило возглас, и едва замерли последние отголоски, как из глубин лабиринта донеслось:

— Охо-хо-о!

— Эге-гей! — отозвался Николай Павлович.

— Ого-гой! — ответили каменные своды.

— Сюда! Сюда! — крикнул Миша. — Мы здесь.

Путешественники стояли, оглядываясь по сторонам, не зная, откуда появятся люди. Прошло еще несколько минут. И вот мелькнул и исчез огонек. Показался снова и уверенно задвигался к группе туристов.

— Это они, — почему-то прошептал доктор. — Они идут.

Вбежал Аргус, а за ним человек с фонарем в руке.

Глава 12

РАССКАЗ ОДИНЦОВА

— Папка! — Володя бросился навстречу Одинцову. — Папка!

Учитель отбросил палку и обнял сына. Возле них кружился и радостно взлаивал Аргус. Сергей Денисович также горячо обнялся с Мишей, Светланой, доктором и стал искать глазами Санина. Краевед стоял в нескольких шагах от него.

— Ну, чего же ты? — Сергей Денисович протянул руки.

Короткое замешательство. Николай Павлович сделал шаг, второй, Одинцов тоже шагнул навстречу, и они крепко обнялись.

— Все здесь, — счастливым голосом проговорил учитель. — Живы! Живы и здоровы. И все здесь.

Когда волнение первых минут встречи улеглось, Николай Павлович удивленно спросил:

— Сергей, а где же остальные?

— Остальные?

— Ну те, кто пришли вместе с тобой.

— Я пока один. Я и Аргус.

— Как! — очки у Мухина едва не свалились. — Ты шутишь, Сережа? Не время.

Одинцов тихо возразил:

— Не шучу. А почему один — история длинная.

Наступило тревожное молчание. Даже ребята поняли, что встреча эта мало изменит их положение.

— Все равно, — вяло сказал доктор, — рассказывай. Мы собирались обедать... Ну, не в том, обычном понимании, а закусить. Прибежал Аргус, тут уже было не до еды. Пообедаем здесь...

Иван Антонович разложил бутерброды на плоском камне, прикрыв его обрывком газеты.

Проделал он все это как во сне, видимо, мысли Мухина были далеки от еды.

— У меня тоже кое-что есть, — Сергей Денисович показал на свой рюкзак. — Добавить?

— Потом. Сейчас рассказывай. Ты что-то скрываешь от нас. Зачем?

Учитель вздохнул.

— Вижу, вы догадались о самом главном. Значит, рассказывать легче. Да, я один. Со мной нет людей, которых вы ждали. Их нет и у пещеры. А случилось все так... Тот прокля... — Сергей Денисович поспешно поправился: — ...Тот день, когда вы спустились в пещеру, выдался ненастный.

Уже через час после вашего ухода пошел дождь. Все небо обложили низкие тучи. Потом подул сильный ветер, началась гроза. И какая гроза! Я еще не видел такой. Я оглох от грохота и ослеп от беспрерывных вспышек молний.

Было тоскливо, ничего не хотелось делать, и я решил отоспаться. Но какой уж там сон, когда над головой все время грохотало, словно рядом палили из пушек. Боялся, что ветер сорвет палатки и все имущество погибнет. Хорошо, что мы разбили лагерь на бугре. Но кое-где вода все же просачивалась.

Я лежал и думал о вас. Ругал вас и, признаться, завидовал. «Они там не чувствуют грозы», — думал я. Аргус клубком свернулся у меня в ногах и вздрагивал при каждом раскате грома. Гроза бушевала долго. Только к вечеру тучи разошлись, и ненадолго выглянуло багровое солнце. Потом снова все посерело, и опять пошел дождь. Нет, это был ливень, как в Экваториальной Африке. С гор хлынули потоки воды. Утром, когда я вышел из палатки, то не узнал реки. Она вздулась, пенилась и бурлила, тащила какие-то бревна и доски — очевидно, остатки разрушенного где-то моста, вывороченные с корнем деревья.

Наших лодок на берегу не было. Их тоже унесла река и, наверное, разбила в щепки о камни. Хорошо, что все вещи мы перенесли в палатки...

Но в те минуты я думал не о лодках, а пытался понять, почему вас все еще нет. Ты говорил, Николай, что на осмотр пещеры, возможно, уйдет весь день. Ты даже добавил, что мне незачем тревожиться, если вы задержитесь до утра. У вас были и продукты и вода. Я ждал вас вечером. Потом утром. Стоял на берегу, смотрел на грязную бурлящую воду и думал о вас. Не хотел даже на минуту допустить мысль о несчастье. Но как я ругал себя за то, что решительно не воспротивился экскурсии в пещеру, не помешал вам... День прошел в тревожном ожидании. Хмурый холодный день, словно то был не июль, а ненастный октябрь. Ночь не принесла ни покоя, ни сна. Что оставалось делать? Лодок не было, а добираться до ближайшего поселка через лес — на это ушло бы слишком много времени.

Я набил рюкзак продуктами, медикаментами и всем, что могло понадобиться, позвал Аргуса, и мы отправились на розыски.

У входа в пещеру я увидел шпагат, привязанный к кусту. Он послужил указателем: я шел по подземным галереям, не теряя его из виду. В одном из залов шпагат кончился. Его конец был слегка размочален. И тогда я понял, почему вы не вернулись...

Надо бы привязать к обрывку шпагата леску или шнур, а у меня ничего подходящего не нашлось. И здесь я допустил непоправимую ошибку: вместо того, чтобы вернуться, заставил Аргуса идти по вашим следам. Где-то следы затерялись. Если не путаю, это был мокрый грот. Стены сочились водой, вода капала с потолка. Глинистый пол был скользкий и тоже мокрый. Аргус беспомощно метался по гроту и не мог взять ваши следы. Он ведь не сыскная собака, а всего лишь охотничья...

Так, спеша вам на помощь, я сам попал в беду. Аргус добросовестно искал следы — какие, я уже не знаю, может, ваши, а может, мои. Мы переходили из пещеры в пещеру, кричали... — учитель чуть улыбнулся. — Кричал я, собака, разумеется, лаяла. И вот слышали ваши ответные крики. Аргус убежал, потом вернулся, и по его поведению я понял, что вы где-то близко. Он и привел меня сюда.

Одинцов замолчал, достал сигарету и закурил.

— Ты допустил ошибку, Сергей, — краевед старался говорить спокойно. — Но ты с нами, и это хорошо. Будем искать выход вместе.

— Нам поможет Аргус, — добавил Володя. — Все равно мы выберемся из пещеры.

— Разумеется, сынок, — Сергей Денисович притянул сына к себе. — Это только вопрос времени.

— Много ли у тебя продуктов? — спросил доктор.

— Взял столько, сколько мог нести. Несколько булок хлеба, концентраты, консервы, сухари, сахар, колбаса.

— Плохо, что смыло водой лодки. Если нас потом начнут искать, лодки показали бы на последний бивак отряда.

— Зато там остались палатки, — напомнил Миша.

— Палатки не видно с берега, — возразила Светлана. — Мы поставили их за березами. И там много кустов.

— Все равно их увидят, — упрямо настаивал брат.

— Увидят, Миша, обязательно увидят, — поддержал его Сергей Денисович.

— Еще лучше, если мы сами найдемся.

— Верно, девочка. Николай, куда вы шли до встречи со мной? У вас был какой-то план?

Санин коротко рассказал о приключениях отряда и закончил словами:

— Когда появился Аргус, мы отдыхали в зале, где нашли ручей.

— И снова его потеряли, — поправил Володя.

Только сейчас все вспомнили, что ручей, которому так радовались, остался где-то в одном из залов.

— Ручей надо отыскать во что бы то ни стало, — сказал краевед.

— Аргус поможет, — пообещал Сергей Денисович. — Он не раз находил воду.

Никто из туристов давно не ел досыта, но бутерброды жевали вяло. Настроение было подавленное, хотя каждый и старался не показать этого. Столько надежд возлагали на учителя, а теперь надежды развеялись. Впереди снова скитания по бесчисленным подземным галереям, коридорам и залам, снова мрак и гулкая тишина, так действующая на нервы...

— Не поддаваться унынию, — сказал начальник отряда, заметив удрученное состояние своих товарищей. В голосе его зазвучала бодрая нотка. — Прежде всего, поищем ручей.

Туристы надели рюкзаки, взяли палки и зажгли фонарики.

— Чья очередь падать? — спросила Светлана.

— Падать? — не понял Сергей Денисович.

— Чтобы найти воду, — и она рассказала, как нашли ручей.

— Вот оно что! Ваш способ хорош, но мы сделаем иначе. Аргус! Подойди ко мне.

Сеттер подбежал к хозяину, ожидая приказаний.

— Аргус, надо найти воду. Во-ду. Понял? Ищи воду, Аргус!

— Разве собака выполнит такое приказание? — удивилась Светлана.

— Выполнит. Вода будет. Идемте за ним.

Огни фонарей цепочкой растянулись по галерее. Теперь впереди шел Сергей Денисович и время от времени повторял:

— Ищи, Аргус, ищи воду!

Сеттер бежал уверенно, словно он бывал здесь много раз. Задерживался ненадолго у встречных ответвлений и торопился дальше. Но вот какой-то предмет привлек внимание пса. Аргус покрутился возле него, залаял, оглядываясь на хозяина.

— Что ты нашел? — учитель посветил фонарем. — Шляпа! Смотрите-ка, настоящая шляпа. И где-то я уже видел такую...

— Вот не на этой ли седой голове? — Мухин подошел к Одинцову и склонил голову. — Я потерял точно такую же, когда мы уходили от летучих мышей... Клянусь, это моя шляпа! Моя! Вот спасибо, Аргус! Услужил!

Доктор так обрадовался находке, что едва не пустился в пляс. Он немедленно водрузил шляпу на голову, а сеттер весело бегал вокруг него, вероятно, считая свою задачу выполненной.

— Воду ищи! Воду! — напомнил собаке Сергей Денисович. — О каких летучих мышах ты говорил, Иван Антонович?

— Мы попали в Зал Летучих Мышей, битком набитый мышами. Какую они подняли суматоху! Ты бы только видел. Впрочем, хорошо, что ты этого не видел.

И доктор стал рассказывать о приключении в Зале Летучих Мышей. Его рассказ прервал заливистый лай Аргуса.

— Нашел воду, — пояснил Сергей Денисович. — Он всегда так лает, когда находит воду. Испытано на охоте.

Сеттер бегал возле ручья в том самом зале, где несколько часов назад путешественники останавливались на отдых. И сейчас Николай Павлович решил здесь же остановить от-

ряд на привал. Все были утомлены, поэтому после ужина, не столь обильного пищей, сколько водой, легли отдыхать. По часам доктора был уже вечер шестого или пятого дня. Учитель отвязал притороченную к рюкзаку плащ-палатку и отдал ребятам. Они расстелили ее и устроились с комфортом. Дежурного на этот раз не поставили. Его с большим успехом заменял Аргус, к тому же теперь ждать сигналов было не от кого.

Часа через два Санин, всегда спавший чутко (привычка, выработанная на фронте), внезапно проснулся. Ему слышались странные звуки, словно рядом кто-то всхлипывал и тихонько шмыгал носом. Николай Павлович прислушался. Тишина. Даже доктор не храпит и не посвистывает. «Показалось, — подумал краевед, — а может, это вода в ручье». Он уже хотел повернуться на другой бок, как снова услышал те же звуки. Сомнений не было: кто-то всхлипывал, стараясь, однако, заглушить плач.

Санин приподнялся, зажег фонарик. Желтый луч медленно заскользил по спящим. Крайняя из трех фигурок чуть вздрагивала. Это Светлана.

Николай Павлович подошел к ней, осторожно тронул за плечо, тихо спросил:

— Что с тобой? Ты плачешь?

Светлана повернулась к нему, открыла глаза, полные слез.

— Я... я... нет, я не плачу, это просто... так...

— Тихо. Разбудишь ребят. Идем-ка, — он поманил Светлану за собой. — Сядь вот сюда, на этот камень, успокойся и скажи, чего испугалась.

— Ох, Николай Павлович, — Светлана уткнулась лицом в грудь краеведу. Ее острые худенькие плечи вздрагивали от беззвучного плача. Санин растерялся. «Не заболела ли?» Он неумело погладил мягкие волосы девочки. — Ну, скажи мне, что случилось. А может, разбудить Ивана Антоновича?

— Не надо, видите... я уже не плачу, честное слово, не плачу... Николай Павлович, ведь это я во всем виновата...

— Виновата? В чем же?

— Из-за меня мы заблудились в пещере. Я не заметила, когда шпатель порвался... И теперь мы никогда, никогда отсюда не выйдем...

— Глупенькая. Уж если хочешь знать, так виноват один я. Но, видишь, я не плачу, потому что уверен: мы найдем выход. Обязательно найдем. Ну, успокойся.

— Мне страшно, Николай Павлович. Здесь так темно все время. Одни только камни. Они холодные...

Острая жалость кольнула начальника отряда. Что ей сказать, как успокоить?

— Мы скоро выйдем из пещеры, скоро, — бормотал Санин, продолжая гладить голову девочки. — Вот увидишь. И опять поплывем по реке. Нас ведь много, а когда людей много, им ничего не страшно. Ну, а теперь постарайся уснуть. Ладно?

Светлана посмотрела на краеведа и улыбнулась.

— Я постараюсь, Николай Павлович. А вы им не расскажете?

— Им? — Санин догадался, кого она имела в виду. — Ну, конечно, не расскажу. Только ты больше не плачь. Обещаешь?

— Больше не буду.

— Вот и хорошо. Спи. Я прикрою тебя курткой.

Новый «день» принес новые заботы, но и порадовал.

Отряд шел почти все время по огромному, похожему на туннель, коридору, довольно прямому, посреди которого протекал, тихо журча, ручей. Он стал заметно шире и уже походил на небольшую речку. На берегу ручья туристы нашли сушняк — ветки и даже бревна, выброшенные когда-то водой. Радость от находки была велика. Через несколько минут коридор осветился багровым заревом. Костер разложили небольшой, экономя топливо.

— Огонь! — то и дело восклицал Иван Антонович. — Настоящий огонь! Великолепно!

Он радовался, как ребенок, заботливо подкладывал ветки и следил, чтобы они полностью сгорали. Потом доктор развязал свой рюкзак, долго копался в нем и, наконец, с торжеством вытащил алюминиевый охотничий котелок.

— Друзья, сегодня у нас будет великолепный обед. Царский! Это вам обещает доктор Мухин. Света, помогай. На первое суп с вермишелью, а на второе...

— Пшенную кашу, — подсказала девочка. — Ох, как хочется каши. С маслом. У меня есть концентраты.

— Пусть пшенная каша. Суп да каша — пища наша. И чай на третье. Великолепно! Меню составлено. Теперь за дело. Володя, принеси воды. А ты, Миша, следи за костром, да не бросай много веток. Пока не нужен большой огонь.

— Иван Антонович! — закричал Володя. Он стоял на берегу ручья. — Скорее сюда!

— Что еще там, — проворчал доктор, недовольный, что его отрывают от важного дела. — Иду, иду.

— Смотрите, — мальчик показал Мухину котелок с водой. — Что-то плавает. Может, рыбы? Только очень уж маленькие.

— Рыбы? — доктор оживился. Взяв у Володи фонарь, он направил луч света на котелок. В нем быстро плавали небольшие светлые, очень подвижные существа. С минуты Иван Антонович молча разглядывал их.

— Бокоплавы, — наконец, определил он. — Рачки бокоплавы. У рыбаков именуются мормышами. Хорошая насадка для зимней рыбалки. Воду придется процеживать. Бокоплавы — нежелательное добавление к супу или каше.

Вернулись начальник отряда и учитель, ходившие на разведку в боковые коридоры. Взглянув на них, Иван Антонович не стал задавать вопросов. Все и так было ясно. Учитель достал сигаретку и задымил, поглядывая на костер, а краевед раскрыл записную книжку.

— Если не ошибаюсь, пахнет супом, — сказал Сергей Денисович. — Почему же нам не дают есть?

— Пока не снята проба, никто не получит ни капли.

— Так снимай же скорее.

Мухин запустил в котелок ложку, помешал в нем, зачерпнул и подул на жидкость, а затем проглотил. Повторив процедуру, он объявил:

— Суп готов, можно обедать.

Туристы полезли в рюкзаки за кружками и ложками. Каждый получил по хорошему ломтю хлеба. Ели медленно, несмотря на голод, чтобы продлить наслаждение горячей пищей. Потом сварили полный котелок каши, съели все до последней крупинки и вскипятили чай.

Глава 13

АРГУС, ШЛЯПА И ТРОГЛОДИТЫ

Разбудил путешественников громкий лай Аргуса. Сеттер лаял зло, с надрывом. Сергей Денисович поднялся, зажег фонарик.

— Аргус! — позвал он. — Аргус!

Собака лаяла где-то в темноте коридора.

— На кого он? — Николай Павлович тоже поднялся и подошел к Одинцову. — С такой злостью.

— Наверное, учуял какое-нибудь животное.

— Животное? Откуда?

— Например, крыса. Встретили же вы летучих мышей. Только лает он как-то странно. Обиженно, что ли. Аргус, назад!

Первые пес не повиновался хозяину. Лай быстро удалялся и вдруг сменился отчаянным визгом.

— Он борется с кем-то! — освещая путь фонариком, учитель пошел на выручку собаки.

— Папка, я с тобой! — Володя проворно вскочил на ноги.

— Подождите, и я с вами, — Миша схватил палку.

Лай и визг смолкли. Это еще больше встревожило Одинцова. «Неужели собака погибла? Аргус сильный, справиться с ним не так-то просто». Володя и Миша догнали Сергея Денисовича. Они светили фонариками во всех направлениях и громко звали:

— Аргус! Аргус!

— Он где-то здесь, — сказал учитель. В это время из темноты пулей вылетел сеттер и бросился под ноги хозяину, едва не сбив его с ног. — Сюда, ребята! Вот он. Ну, за кем ты гнался и от кого позорно удрал?

Аргус только визжал и боязливо поглядывал в темноту огромного коридора. Подошли Володя и Миша, стали гладить и успокаивать пса.

— Он весь дрожит, будто из холодной воды вылез.

— И морда в крови. Смотри, папка.

— Аргус боролся с каким-то животным и, пожалуй, не с крысой, как я сначала подумал. Светите мне, ребята, вот так.

Сергей Денисович осмотрел собаку. Ран на ее теле не оказалось, но морда была слегка поцарапана.

— Почему же Аргус в крови? — Володя посмотрел на отца.

— Думаю, это кровь животного, с которым он дрался.

Сергей Денисович и ребята вернулись к биваку. Там уже горел маленький костер, а Санин, доктор и Светлана ползали по полу, держа в руках кто свечу, а кто фонарик.

— Это что такое? Занимаетесь гимнастикой? — пошутил учитель. — Странный комплекс.

— А вот и нет. Ищем очки и шляпу Ивана Антоновича, — объяснила Светлана. — Помогайте.

Миша и Володя немедленно включились в поиски пропавших вещей. Ребята полюбили доктора, и каждый очень хотел оказать ему хоть какую-нибудь услугу.

— А как у вас? Узнали, за кем гонялся Аргус? — спросил Николай Павлович.

— Бесспорно одно, — учитель сел на камень, — к биваку подходило какое-то животное или даже несколько. Аргуса в это время не было. А когда он вернулся, то вступил с ними в схватку и, кажется, не вышел победителем.

— Да куда же они подевались?! — с отчаянием воскликнул доктор, садясь на полу и беспомощно разводя руками. Кругленькая фигура Ивана Антоновича с взлохмаченными седыми волосами, обрамлявшими его голову наподобие

нимба, была комична. Но никто даже не улыбнулся. — Без очков я как без рук. А моя шляпа! Кому она понадобилась?

— Успокойся, у тебя же есть вторые очки, — попробовал утешить его Сергей Денисович. — Воспользуйся ими.

— Есть, есть — передразнил Мухин. — Ты-то отлично знаешь, я ношу их только на охоте. Они хороши на дальние расстояния, а здесь и с хорошими очками не много увидишь.

Еще раз осмотрели каждый метр пола вокруг бивака, каждую щель, перетряхнули все вещи, Володя и Миша сходили даже к ручью, но ни шляпа, ни очки не нашлись. Огорченный доктор достал вторые очки. Пока они со Светланой готовили завтрак, Миша и Володя отправились собирать хворост по берегам ручья.

— Интересно все-таки, куда подевались очки и шляпа Ивана Антоновича, — Володя пристально посмотрел на приятеля.

— Не интересно, а непонятно, — возразил тот. — И чего ты на меня уставился?

— Мишка, только честно, ты подшутил...

— Я?! Если уж на то пошло, так, может, это твоя проделка?

— Ты дурак, Мишка. Я бы спрятал твою шляпу или Светкину.

— Дурака возьми себе.

— Значит, не ты?

— Честное-пречестное, не я.

— Ладно. Ну, а что ты думаешь обо всем этом?

— Я думаю... я думаю... Очки и шляпу украли.

— Украли?! Да ты что, Мишка! Кто же украдет? Николай Павлович? Папка? Или Светлана? Выдумаешь тоже.

— Вот-вот, не они, понятно. А помнишь те звуки?..

— Когда мы дежурили в первую ночь, да? Помню, помню. Ох, Мишка, кто же это? Говори скорее. Как вспомню те жуткие крики — мороз по коже.

— И у меня тоже. Только признаваться стыдно. Так вот, я подумал... Ты не смейся, ладно?

Володя торопливо закивал головой.

— Это, Вовка, пещерные люди, вот кто!

— Дикари?! Первобытные?!

— Ага, они. Вот позабыл, как их еще называют... Троглодиты, кажется? Или...

Миша не договорил. Словно в ответ на его слова из глубин коридора долетел тоскливый заунывный вой.

— Вовка, опять они!

Ребята переглянулись, подхватили вязанки хвороста и побежали к биваку. Там тоже слышали странный звук и обсуждали это событие.

— Николай Павлович! — еще издали закричал Миша. — Вы слышали? Вот тогда, в первую ночь, помните, я вам рассказывал, тоже оно кричало. Вот так же: тоскливо-тоскливо.

— Оно? Кто же? Да ты не волнуйся.

— Пещерный человек! — выпалил мальчик. — Троглодит!

Санин переглянулся с учителем, и оба рассмеялись.

— Троглодиты? У тебя незаурядная фантазия, — весело сказал Николай Павлович. — Только в наше время троглодитов нет.

— Оригинально: первобытные люди на индустриальном Урале. В век атома и космоса! — добавил Сергей Денисович.

— А кто же тогда кричал? — вступился за друга Володя. — Кто?

— И кто украл у Ивана Антоновича шляпу и очки? — обиженно спросил Миша Глебов.

— В самом деле, кто? — Доктор придвинулся ближе. — Может, вы объясните? Меня это очень интересует. Да и вот их тоже, — показал он на Володю и Светлану. — Правильно я говорю?

— Очень даже правильно, — подтвердил Володя.

Краевед и учитель снова переглянулись.

— Гм! Может быть, — не очень уверенно начал Николай Павлович, — звуки издает не живое существо... Допустим, где-то скапливается вода, а затем вытекает из узкого от-

верстия. Или время от времени бьет из-под земли источник. Наконец, движение воздуха...

— Движение воздуха! Вода! Источник! Почему тогда Аргус поджал хвост?

И Миша показал на собаку. Сеттер то и дело поглядывал туда, откуда донеслись странные звуки, жался к людям и повизгивал. Он явно чего-то боялся.

— Что скажете, ученые мужи? — подзадорил Иван Антонович. — Ну, объясните!.. Сами не знаете, а смеетесь. Есть простой и верный способ узнать: пойти туда.

— Всем пойти? — растерянно спросил учитель.

— Зачем всем. Пойду я и еще кто-нибудь.

— Возьмите меня, Иван Антонович, — попросил Миша.

— Уж я обязательно узнаю.

— Меня тоже, — сказал Володя. — Папа, ты позволишь?

— Если это всерьез, так и я пойду с вами. Я тоже люблю отгадывать загадки, — сказал учитель.

— Ты останешься здесь с Николаем Павловичем и Светланой. Всем делать нечего. Мы скоро вернемся. И не беспокойтесь, будем осторожны. Ну, а если понадобится помощь — дадим знать.

Мухин схватил ружье и вместе с Мишей и Володей вступил во мрак коридора.

— А ружье зачем? — крикнул вдогонку начальник отряда. — Ни в коем случае не стреляйте! Слышите? Это опасно.

Но доктор и ребята уже скрылись за поворотом коридора.

Некоторое время были видны прыгающие отблески света и слышны звуки шагов. Потом свет исчез, и стало тихо.

—————

Глава 14

СЛЕДЫ КОСТРА

Шли медленно, светили под ноги и по сторонам фонариками, осматривая каждый встречный камень. Коридор тянулся в одном направлении. Временами своды его немного опускались, потом снова уходили ввысь. Справа шумел Хрустальный ручей. Он расширился, стал глубже и полноводнее. Настоящая подземная река.

— Вот бы здесь метро проложить, — заговорил Володя. — Провести электричество, радио. Киоски поставить, чтобы торговали газировкой и мороженым. Эскалаторы...

— Чудак ты, Вовка. А кто же будет ездить на твоём метро? Летучие мыши, что ли? Или троглодиты?

— Ничего ты не понимаешь. Ездили бы люди. Туристы. Любовались бы пещерой. Вот придут после нас геологи, откроют разные полезные ископаемые — и тогда проложат дорогу.

— Ну тогда и мы опять придем сюда, станем им помогать. Они ведь люди новые, не знают пещеру. А мы столько прошли. Николай Павлович все записывает и рисует в книжечке. Получается что-то вроде карты. Я видел.

Мухин слушал ребячьи разговоры и улыбался: «Вот фантазеры, вот мечтатели. Хорошо, что мечтают. И о дельном. Из таких потом вырастают ученые, первооткрыватели, даже... поэты». Разговаривая, юные разведчики не забывали зорко смотреть по сторонам. Им попадались выброшенные на берег рекой сучья и палки. Время от времени доктор останавливался и делал знак ребятам помолчать. Все прислушивались, но, кроме журчания воды, ничего не слышали. Иван Антонович хотел уже повернуть к биваку, как в освещенном фонариком кругу увидел груды обгорелых палок.

— Миша, Володя, взгляните-ка!

Ребята вместе с доктором, присев на корточки, рассматривали грудку угляй.

— Это не просто обгорелые ветки, случайно попавшие в пещеру с водой, — сказал Иван Антонович. — Кто-то побывал здесь и разводил костер.

Володя осторожно потрогал угли, словно боялся обжечься.

— Совсем холодные.

— А ты думал еще горячие? — доктор встал. — Видишь, как расплылась зола и перемешалась с песком? Костер раскладывали давно.

— Может, это... они? — мальчик ворошил палкой угли. — А я что-то нашел! Смотрите!

Он быстро выпрямился и приблизил фонарик к ладони. На ней лежала покрытая густым зеленым налетом медная пуговица, величиной в трехкопеечную монету.

— У троглодитов не было пуговиц, правда, Иван Антонович?

— Они заменяли их костяшками, — доктор взял пуговицу. — А здесь побывали самые обыкновенные люди, сидели у этого костра, и один из них потерял пуговицу от своей одежды...

— Потом они ушли, — подхватил Миша. — И мы пойдем по их следам. Уж они-то знали, где выход из пещеры, и, наверное, часто приходили сюда.

— А может, и сейчас здесь? — Володя оглянулся. — Тогда звуки не от ветра или воды, это кричали люди. Только не пещерные.

— Ничего ты не понимаешь, Вовка. Зачем же этим людям прятаться от нас?

— А если они боятся?

— Ха! Боятся! Молчи уж.

Вернувшись в лагерь, разведчики рассказали о том, что видели. Медная пуговица у всех вызвала интерес. Она переходила из рук в руки. Особенно долго ее рассматривал краевед.

— Такие теперь не делают, — сказал Санин. — Пуговица много лет пролежала в пещере. Володя, подари ее мне.

— Возьмите, пожалуйста. Я все равно потеряю.

Путешественники решили идти по коридору, пока будет возможно. Это и не так утомительно, и вода рядом, и топливо для костра можно собрать. Вначале шли без особой осторожности, зная, что не встретят ни трещин, ни ям, ни других опасных препятствий. Но когда миновали остатки старого костра, начальник отряда попросил всех быть внимательнее. Коридор с глинистым полом, на котором кое-где выступали камни, имел наклон в том направлении, куда и катил воды Хрустальный ручей.

На одном из привалов, пока туристы отдыхали, Сергей Денисович прошел немного вперед. Учителя, как и краеведа, заинтересовали следы побывавших когда-то в пещере людей, и он надеялся найти новые доказательства, которые помогли бы решить эту загадку. Одинцов неторопливо осматривал и пол, и стены коридора. Пройдя метров сто пятьдесят, он увидел на стене стрелу, четко выведенную углем. «Стрела»! Сергей Денисович подошел ближе. «Ну да, стрела!.. Острый конец направлен в глубь коридора и чуть загибается влево... Что это может означать? Ага, наверное, здесь надо повернуть влево... Кто и когда пользовался этим указателем?».

Дальше учитель не пошел, а вернулся к биваку.

— Здесь, как в большом городе, — удивленно стал рассказывать он Санину о своих наблюдениях. — Представь, для пешеходов расставлены знаки...

— Ты нашел стрелу? — сразу догадался краевед. — Мы видели их несколько. Пробовали даже следовать указаниям стрел, но потом сбились. Не пойму, как люди в темноте разглядывали свои знаки.

— А почему в темноте? У них могли быть свечи или фонари.

— Или факелы, согласен. Но не это сейчас важно. Куда ведут указатели? Не там ли выход?

— Почему бы и нет? Иначе для чего рисовать стрелы?

— Дай бог, чтобы твоя гипотеза подтвердилась.

Туристы подошли к тому месту, где была нарисована большая черная стрела с изогнутым концом. Начальник отряда, взглянув на нее, уверенно сказал:

— Поблизости должно быть ответвление от главного коридора. С левой стороны.

— Вот оно! — тотчас отозвался Миша Глебов. Он успел пройти вперед и призывно помахивал фонариком. В стене зияло большое отверстие неправильной овальной формы.

— Значит, сюда надо свернуть? — сказал, подходя, доктор. — Но, может, впереди есть и другие коридоры?

Санин пожал плечами.

— Возможно.

— С вашего позволения я пройду еще немного. Будет печально ошибиться и свернуть не в тот коридор, а потом возвращаться. Света, пойдешь со мной? Ты не очень устала?

— Нисколько! Пойдемте, Иван Антонович.

Они ушли и скоро вернулись.

— Коридор заканчивается глухой стеной, — с удовольствием сообщил Мухин. — Теперь уж точно — надо лезть в эту дыру.

— Мы видели там несколько больших щелей, — добавила Светлана, — только все узкие-узкие.

— И около них нет ни стрел, ни других знаков.

— А куда же девается Хрустальный ручей? — Николай Павлович ждал ответа с записной книжкой в руках.

— Уходит под землю, — ответил доктор. — У самой стены вода бесшумно стекает в большую щель.

— Бесшумно? Значит, там нет обрыва, а пологий спуск.

— Допустим, но скажите, что мы станем делать без воды?

Вопрос был серьезным. Санин распорядился устроить большой привал с ночевкой на берегу Хрустального ручья. Прежде чем вести отряд дальше, Николай Павлович хотел лично проверить, в каких условиях придется двигаться.

Иван Антонович одобрил начальника отряда. С первого же дня подземной жизни доктор исподтишка наблюдал за товарищами. Пока он не беспокоился за их здоровье. А вот настроение в отряде с каждым днем ухудшалось.

Все чаще проскальзывало плохо скрытое раздражение. Володя и Миша порой ссорились из-за пустяков, Светлана стала задумчивой и малоразговорчивой, Санин иногда бывал слишком резок, а учитель, хотя и старался казаться бодрым и даже шутил, но тоже не мог скрыть нарастающего беспокойства. Да и сам доктор изменился, и все реже звучало его любимое «великолепно». Но на здоровье никто не жаловался. И все-таки Мухин принял кое-какие меры: старался по возможности разнообразить скудную пищу, регулярно выдавал всем витаминизированное драже, которым снабдила его предусмотрительная жена. Теперь Иван Антонович задумал провести осмотр всех членов отряда и сообщил о своем намерении Николаю Павловичу.

— Правильно, доктор, — согласился Санин. — Хотя как будто и все в порядке, но осмотр не помешает.

После ужина Иван Антонович велел мальчикам собрать побольше хвороста и развести костер. При его свете и пользуясь фонарем, доктор с особым вниманием осмотрел каждого туриста. Осмотром он остался доволен: все были здоровы и ни на что не жаловались. Правда, у мальчиков на руках и ногах было больше ссадин и царапин, чем у остальных, да Светлана сказала, что у нее часто стала болеть голова и режет глаза.

— Это пройдет, — успокоил Мухин Светлану. — Я дам тебе таблетки, будешь принимать их «утром» и «вечером».

Когда по расчетам наступила ночь, туристы легли отдыхать. Утром после завтрака Санин и Одинцов, взяв клубок шпагата, отправились разведывать боковой ход. Володя и Миша тоже хотели пойти с ними, но доктор категорически воспротивился. Зато Аргус без всякого разрешения увязался за хозяином.

— Сегодня у нас хозяйственный день, — объявил ребятам Иван Антонович. — Дел много, и вы, конечно, захотите мне помочь. Не так ли?.. Приведем в порядок одежду и обувь, переберем вещи в рюкзаках, словом, приготовимся к новому большому походу. Кроме того, надо заготовить крепкого чаю и кофе да накормить всех хорошим обедом, ведь

Хрустальный ручей мы оставляем. Ну, и еще хворосту в дорогу набрать.

Ребята приуныли. Нет ничего скучнее, как заниматься такими делами. Но пришлось подчиниться. Прежде всего Иван Антонович велел ребятам снять всю одежду, кроме трусов, и прямо на берегу Хрустального ручья устроил стирку. Светлана, самая опытная в таком деле, показывала Мише и Володе, как надо намыливать, полоскать и выжимать белье. Мыло имел каждый, но расходовали его бережно. Выстиранную одежду развесили на жилковой леске, натянутой поперек коридора вблизи костра. Потом занялись починкой. Одежда ребят изрядно потрепалась за время скитаний под землей, а обувь пострадала еще больше. Для ремонта использовали кусочки проволоки и леску. Инструментами служили ножи и ножницы. Кончив с ремонтом, взялись за рюкзаки.

И когда доктор стал перебирать вещи в своем рюкзаке, ребята слышали его удивленный возглас:

— Вот тебе раз! Ведь это она?!

— Кто она? — переспросила Светлана.

— Да шляпа же.

Ребята, побросав рюкзаки, окружили доктора. Иван Антонович держал известную всем зеленую фетровую шляпу, порядком измятую и вымазанную глиной.

— Верно, шляпа ваша, — очень удивился Миша, — а мы-то думали, что ее украли...

— Троглодиты, — ехидно закончил Володя. — А выходит вы, Иван Антонович, сами засунули ее в рюкзак.

— В такой крошечной темноте и не то еще сделаешь. Я никак не могу привыкнуть. Вот вчера, к примеру, проснулся и думаю: отчего же ночь такая темная, ни одной звездочки не видно.

— Наверное, и очки у вас в рюкзаке, — заметила Светлана.

— Сейчас посмотрю, — Мухин бережно расправил вновь обретенную шляпу и надел на голову, а затем бесцеремонно вытряхнул оставшиеся вещи из рюкзака. И, конечно же, среди разных свертков, баночек, коробочек и обрывков бу-

маги оказались очки. Радости доктора не было предела. Он то снимал очки, с особым старанием протирая стекла, то надевал. Настроение у Ивана Антоновича сразу поднялось.

Из рюкзаков вытряхнули набившийся мусор, и все вещи аккуратно уложили снова.

— Все, Иван Антонович? — Володя первый управился с работой. — Теперь можно хворост собирать?

— Как, все? — доктор прекрасно разыграл удивление. — Теперь приведем в порядок и себя: помоемся, подстрижем волосы, ногти. Вот побриться нечем, бритва осталась в лагере. Правда, это относится только ко мне. Запомните: турист в любых условиях должен следить за собой и быть молодцом. Берите пример с Сергея Денисовича, он всегда выглядит отлично. Вот ножницы, Володя, приступай.

Сраженный таким неопровержимым аргументом, Володя вздохнул, придвинулся к огню и начал подстригать ногти. А Мухин, отыскав подходящую нишу в стене, задрапировал ее палаткой, подогрел воду в котелке и устроил ребятам настоящую баню. И даже с паром. Для этого накалили в костре камни, на палках перенесли в нишу и облили водой. Пар повалил, как дым из паровоза.

После бани пили чай с вареньем — банку вишневого варенья доктор берег именно для такого случая.

— Сколько же мы прошли под землей? — спросила Ивана Антоновича Светлана.

— Много. Скажем, километров пять-семь, а может, и больше.

— Неужели пещера такая большая? И сколько же нам осталось...

— Вот этого не знаю. Мой знакомый, побывавший в Кунгурской пещере (кстати, замечу, по преданию в ней останавливались на отдых дружины Ермака), так вот, мой знакомый слышал от местных жителей, будто она тянется на многие десятки километров. Рассказывают, что однажды в пещеру впустили собаку. И что бы вы думали? Собака выбралась из пещеры только через несколько дней и в тридцати километрах от входа! Насколько это достоверно — судить трудно. К сожалению, собаки не могут рассказывать

о своих путешествиях. Да и была ли такая собака — сомнительно.

— Значит, у Кунгурской пещеры много входов и выходов, — сказал Миша. — Тогда и у нашей пещеры тоже. Правда? А вот где их искать? Приспособить бы Аргуса...

— Аргус один не пойдет, — возразил Володя.

После чая Иван Антонович разрешил ребятам пойти за хворостом — занятие для них более интересное, и они, не мешкая, направились к ручью.

— А мне опять с обедом возиться? — уныло сказала Светлана. — Закрепостили кухней бедную женщину.

— Если приготовление пищи — очень ответственное дело, — не по душе «бедной женщине», то чем бы она хотела заняться? — скрывая улыбку, серьезно поинтересовался доктор.

— Она хотела бы тоже собирать хворост. Вдруг найдет что-нибудь важное.

— Пусть попытается, — Иван Антонович ласково взглянул на Светлану. — Только я не думаю, что на берегу ручья можно найти что-то важное.

— Вот спасибо! — «бедная женщина» запрыгала от радости, обняла Мухина и поцеловала в покрытую густой щетиной щеку. — Спасибо, миленький Иван Антонович. Я побегу к ребятам.

— Беги, беги. Только будь осторожна.

Светлана убежала туда, где мелькали огоньки фонариков Миши и Володи. Часа через два ребята вернулись. Каждый притащил по хорошей вязанке хвороста.

— А ничего важного я так и не нашла, — рассказывала Светлана доктору. — Только сучья да камни. И никаких новых знаков на стене. Ничего.

— Не огорчайся, «бедная женщина», — Мухин лукаво взглянул на нее, — и помоги бедному закрепощенному старику-доктору приготовить обед.

Глава 15

ХРАМ БОГОВ

Доктор то и дело доставал из брючного кармашка старинные часы с двойной крышкой, смотрел, который час, и озабоченно бормотал:

— Задерживаются. Все сроки прошли.

Ребята сидели по другую сторону костра и, казалось, не замечали волнения Ивана Антоновича. Миша что-то рассказывал, а его сестра и Володя громко смеялись. Давно

уже доктор не слышал такого беззаботного смеха. Ребята словно забыли, что сидят у костра глубоко под землей, а не на лесной поляне.

Мухин опять вытащил часы, но открыть их не успел. Из темноты в освещенный круг вбежал пегий сеттер и поставил лапы на колени доктору. От неожиданности тот едва не выронил часы.

— Безобразник! Можно ли так бросаться на людей?

Аргус виновато вильнул хвостом.

— Почему один? Где твой хозяин? Как ты мог оставить его? А?

Сеттер замолотил хвостом, не сводя взгляда с доктора.

— Вот оставлю тебя без обеда, негодник.

«Негодник» тихо заскулил. Он готов был понести любое другое наказание, только не это. Его и так последние дни кормили не очень сытно.

— Ладно, не скули, получишь свою порцию.

Доктору было скучно, и он обрадовался случаю поболтать. В это время послышались шаги. К биваку подошли Санин и Одинцов. Оба выглядели усталыми, лица и руки их были перепачканы глиной. Ребята тотчас прекратили свои рассказы и обступили взрослых.

— Где вы были? Что там интересного? Расскажите.

— Все, все расскажем. Но сначала нам надо умыться и чего-нибудь пожевать.

— У нас есть настоящая баня, — с гордостью сказала Светлана. — Даже с паром.

— Баня? Чудесно! — Сергей Денисович потер от удовольствия руки. — А веничек, случайно, не найдется? Я, грешник, люблю попариться.

— Веника нет. Зато пару сколько угодно.

Миша подбросил в огонь хворосту, Светлана сбегала к ручью за водой, а доктор приготавливал посуду и хлеб.

— Мы прошли метров пятьсот, — говорил Одинцов, снимая ботинки. — Но какие метры. Сначала шли по шнуру, потом рискнули его оставить, там блуждать негде. До сих пор была легкая прогулка. Левый коридор забит камнями, идти можно только пригнувшись, а местами — ползти. Ино-

гда встречаются небольшие залы, вытянутая рука почти достает потолок. Мы их называли камерами-одиночками.

— Расскажи об идолах, — вставил Николай Павлович.

— Это самое замечательное.

— Ты испортил все дело, — с досадой возразил учитель.

— Я хотел сделать ребятам сюрприз.

— Сюрприз?! — Светлана оживилась. — Ой, как я люблю сюрпризы!

— Ты любишь торт «Сюрприз», — поправил брат. — Не мешай рассказывать.

— Сам не мешай. Сергей Денисович, про сюрприз, а?

— В одном из гротов мы увидели... — Одинцов обвел взглядом настороженные лица ребят. Даже доктор перестал бренчать посудой. — Мы увидели идолов.

— Идолов! Вот здорово! — Володя с завистью смотрел на отца. — Идолы золотые? С драгоценными камнями?

— Каменные, только не рубиновые и не изумрудные. По-моему, из обыкновенного известняка. Огромные. Каждый метра в три-четыре высотой. Высечены грубо, но посмотреть их стоит. А добираться туда трудно. И мы подумали: не лучше ли выбрать иной путь...

— Зачем другой, пойдем этим, — зашумели ребята. — Туда же стрела показывает. Мы не боимся и не устанем, вот увидите.

— Вас не страшат острые камни, темные лазейки, в которых можно застрять, как мышь в мышеловке?

— Вы же прошли! И мы пройдем.

Сергей Денисович широко улыбнулся.

— Что я говорил, Николай? Не обижайтесь, ребята, я просто хотел испытать вас и... немного, как бы это сказать...

— Приукрасил, — подсказал краевед.

— Вот именно. А на самом деле путь не такой уж тяжелый. По этому коридору вы шли как по проспекту, а там как в печной трубе. И воды нет. По крайней мере, мы не встретили. А без воды... ни туды и ни сюды.

— Значит, все неправда? — разочарованно перебила Светлана. — Никаких идолов нет? Это вы все... приукрасили?

— Есть. Есть. И любопытные. Вот вам еще одна загадка.

После бани Сергей Денисович достал зеркальце, бритвенный прибор и старательно побрился. Потом подравнял ногти, почистил костюм и даже ботинки. Закончив туалет, он и Николай Павлович сели ужинать. Ребята снова атаковали их вопросами. Наконец, начальник отряда заявил:

— Ладно, увидите идиолов. А сейчас отдыхайте и набирайтесь сил. Выступаем рано. Хорошо бы взять с собой хворосту и в гроте развести костер.

— Взять хворост? — переспросил Одинцов. — Верно, Николай. Приготовим вязанки, сколько сможем нести. Не очень удобно, зато на привале костер. Чай, суп — награда за труды.

— Возьмем, возьмем, — с готовностью согласился Миша.

— Мы хворосту насобирали много. Вовка, готовь вязанку.

И он тут же взялся за дело. Светлана тоже хотела приготовить вязанку, но Володя тихо сказал:

— Давай я тебе сделаю. Поменьше.

— И понесешь за меня?

— Ну уж, понесешь-то сама.

Светлана обиделась.

— Готовь. Только такую же, как у всех.

— Не задавайся. Ты же девочка, тебе трудно будет.

— Ну и пусть.

— Как хочешь, только потом не хнычь.

— А я хныкала, да? Ты видел? Видел, чтобы я хныкала?

Володя растерялся.

— Ладно, чего уж, — и пошел за хворостом.

Утром следующего дня туристы вступили в левый коридор, куда указывала стрела. Сергей Денисович если и «приукрасил» свой рассказ, то не так уж погрешил против правды. Коридор представлял собой узкую трубу. Потолок местами сильно нависал, приходилось нагибаться, чтобы не удариться головой об острые выступы. Часто встречались каменные завалы и осыпи — следствие разрушений стен и потолка. Через них пробирались с большим трудом, на каждом шагу рискуя вывихнуть или сломать ноги.

Санин и Одинцов подбадривали своих спутников, напоминали, что скоро встретится просторный грот, где можно отдохнуть. Путешественники в кровь исцарапали руки и ноги, пот градом катился с вымазанных глиной лиц, но никто не роптал. Ребята даже подшучивали друг над другом и то и дело спрашивали учителя, где же обещанные идолы.

— Теперь близко, — отвечал Сергей Денисович. — Потерпите.

— Мы терпим, — бодро отзывался Миша. — А идолы настоящие? Может, это сталактиты?

— Первосортные. Без подделки.

Труднее всех приходилось Мухину. Доктор хотя и похудел за последние дни, но не настолько, чтобы соревноваться в ловкости с товарищами. К тому же он нес «гастроном», ружье и большую вязанку хвороста. Начальник отряда не раз предлагал ему передать хотя бы часть груза, но Иван Антонович упорно отказывался.

— Назвался груздем — полезай в кузов, — говорил доктор. — Мне такой променад полезен — сброшу еще килограммов десять. Сколько на курортах бывал — не помогало. А здесь полный комплекс лечебных процедур.

Аргус бежал рядом с хозяином. Он вел себя так, словно не в первый раз путешествовал по пещере. Иногда сеттер убежал далеко вперед, иногда останавливался и отставал, а потом нагонял людей. Он больше не проявлял беспокойства, не лаял, не вглядывался тревожно в темноту коридора.

Одолев особенно трудный каменный барьер, туристы втиснулись в высокую, но узкую щель. Краевед объявил:

— Сейчас будет Храм богов.

Несмотря на усталость, ребята встретили это сообщение ликующим «ура». Доктор Мухин тоже попробовал крикнуть «ура», но голос у него сорвался, и он, конфузливо умолкнув, ускорил шаг. Ребята надеялись увидеть большой зал, вроде тех, какие попадались раньше, а вместо этого они попали в небольшой грот. Он имел только три стены. Вдоль двух стен стояло по три каменных изваяния. Голова каждой фигуры почти касалась потолка. Но хоро-

шенько рассмотреть богов не удавалось: света фонариков не хватало.

— Костер! Скорее разожжем костер, — крикнул нетерпеливый Миша Глебов.

Ребята сбросили рюкзаки и стали торопливо разводить костер.

— Стой! — Миша схватил за руку Володю, уже приготовившего спички и клочок бумаги. — А если все затянется дымом? Тогда мы не только ничего не увидим, но и удерем отсюда, чтобы не задохнуться.

— Разжигайте, — успокоил их Санин. — Сергей Денисович здесь курил, и дым сразу уносило вверх, словно вентилятором.

Володя чиркнул спичкой и сунул горящую бумагу под кучу мелких веток. Рыжие язычки заплясали по хворосту. Когда костер разгорелся, Миша подбросил веток. Багровое пламя взметнулось, осветив весь грот. Каменные боги наконец-то показались во всей красе. Это были грубые подобию человеческих фигур в полный рост, каждая высотой более трех метров. Суровые и величественные, они смотрели на пришельцев, словно великаны на пигмеев. Одни стояли, скрестив на широкой груди сильные руки, другие — опустив их вдоль могучего туловища. Здесь были и мужчины — грозные и надменные, и женщины — бесстрастные, с непроницаемыми лицами.

— Какой гигантский труд надо затратить, чтобы вытесать из глыб эти монументы, — говорил доктор, ни к кому не обращаясь, осторожно ощупывая шероховатый камень ближней статуи.

— И как только их протащили под землей в грот? — вторил ему совершенно подавленный Миша Глебов.

— Идолов могли сделать здесь, — ответил Санин. — По всей вероятности, мы в храме наших далеких предков.

— Колоссально! Непостижимо! Великолепно! — восторгался Иван Антонович, переходя от одного изваяния к другому.

Светлана от изумления долго не могла опомниться. Наконец она прошептала:

— Мне страшно. Они такие грозные.

Володя услышал шепот девочки.

— Чего ты боишься? Это же камень. Обыкновенный камень.

— Я и сама знаю, но... как они смотрят! Будто недовольны, что мы сюда пришли.

— Глупости, — поспешно возразил Володя, хотя и ему стало казаться, будто лица идолов оживают, гримасничают.

Путешественники неторопливо рассматривали каменных богов, негромко обменивались репликами.

— А это что?

На большую, почти круглую плиту с легким углублением посередине, вначале никто не обратил внимания. Санин и Миша подошли к ней.

— В первый приход мы ее не заметили. Интересно. Очень интересно, — он потрогал углубление в плите, заполненное сероватым порошком. — Зола... Да это жертвенник!

Начальник отряда снова уступил место ученому. Вынув нож, Николай Павлович стал ковырять им слежавшийся слой золы. Вначале зола легко поддавалась его усилиям, потом нож уперся во что-то твердое. Ребята, обступившие жертвенник, наперебой предлагали свою помощь.

— Нет, нет, я сам управлюсь.

Осторожно работая ножом, Санин извлек небольшую кость.

— Так я и предполагал, — сказал он и попросил Володю посветить ему. — Кость человека.

— Человека! — содрогаясь, повторила Светлана. — Здесь сожгли человека.

— И не одного, — подтвердил краевед, — уверен, что жертвенник наполнен костями снизу доверху.

— Это ключица, — Иван Антонович завладел находкой.

— Жаль мало света, и я не могу хорошо рассмотреть ее.

Володя и Миша тоже начали копать золу ножами и скоро вытащили еще несколько костей.

— Довольно, ребята, — остановил их краевед. — Здесь надо работать специалисту. Когда мы сообщим о находке, придут ученые и организуют раскопки по всем правилам. Грот при тщательном осмотре обещает много интересного. Нам такое дело не по плечу.

Костер, оставленный людьми, догорал. Грот то ярко освещался, то погружался в полумрак. На лицах богов заплясали фантастические тени.

— Жечь костер только для того, чтобы любоваться идолами — не слишком ли большая роскошь? — сказал Одинцов. — Топливо надо беречь.

Иван Антонович, успевший придти в себя от изумления, поддержал учителя.

— Не остаться ли нам здесь на ночевку? — он с надеждой поглядел на Санина. Доктор мужественно переносил все тяготы пути и очень утомился, но ни за что не признался бы в этом даже себе.

— Сегодня мы прошли достаточно, — подумав, ответил начальник отряда. — Можно переночевать здесь.

Николаю Павловичу и самому хотелось побольше побыть в гроте, сделать зарисовки и описание статуй. Даже Светлана, хотя и побаивалась каменных чудовищ, тоже высказалась за ночевку: ведь такое больше нигде не увидишь.

— Друзья, а какой здесь воздух! — радостно сказал доктор, когда вопрос с ночевкой решился, и он приступил к кулинарным обязанностям. — Свежий и чистый, как в сосновом бору. Я пришел сюда совершенно разбитым, а сейчас чувствую себя бодрым и готов продолжать путь.

Доктор не хвастал.

— Да, да, Иван Антонович, — отозвался на его замечание учитель. — И со мной происходит то же самое. Удивительно.

— И со мной тоже, — добавил Миша. — Я будто только что искупался или вернулся с лыжной прогулки.

Легкость и прилив энергии чувствовали все.

— Это не простой грот, — заключил Иван Антонович, — а волшебный. Мы еще не проникли в его тайны, а их у него, наверное, много.

— Много, — согласился Николай Павлович. — Вот хотя бы идолы. Какой ваятель создал их? Когда? Тайна... Сюда приходили люди на поклонение божествам. Что это за люди? Опять тайна. А сколько еще тайн у пещеры? Пока мы этого не знаем.

Глава 16

МОСТ

Иван Антонович неожиданно оказался пророком. Когда туристы устроились на отдых и погасили все огни, грот наполнился мягким голубоватым светом. Он исходил от каменных колоссов. Каждая фигура словно окуталась туманным покрывалом. Свечение было необычайно красивым.

— Мальчишки, мальчишки, — затормошила Светлана брата и Володю, — смотрите на идолов! Смотрите скорее!

Ее голос слегка дрожал. Не только ребята, но и взрослые слышали взволнованный возглас Светланы.

— Что это? Что? — забормотал Мухин, то и дело снимая очки, протирая стекла и надевая их снова. — Волшебство! Настоящее волшебство... А, теперь я начинаю догадываться... Да, да, это должно быть именно так.

— О чем вы догадываетесь? — спросил Санин. — Статуи фосфоресцируют. Вот наш сюрприз. Необычное явление мы с Сергеем заметили еще вчера во время разведки и уговорились молчать. Теперь любуйтесь. Представляете, как такое чудо действовало на воображение тех, кто приходил в пещеру поклоняться светящимся идолам.

— Фосфоресцируют, говорите? — повторил Иван Антонович. — А по-моему, здесь совсем другое. Но... не буду топиться с выводами. Подождем немного.

— Ты разжигаешь наше любопытство, — вмешался Сергей Денисович. — Что, по-твоему?

— Терпение, рано делать выводы. Надо проверить. До утра я буду нем, как рыба.

А ребята, лежа на плащ-палатке и подперев головы руками, тоже возбужденно переговаривались и тоже спорили.

— Будильник у нас видел? — спрашивал Миша Володю. — Ну тот, что на секретере стоит. Когда вечером выключишь в комнате лампочку, на нем все цифры видно. И стрелки. Ночью проснешься — пожалуйста, смотри, который час. И здесь то же самое.

— А у Витьки Красина орел есть, фигурка такая. Сидит на скале, крыльями взмахнул, — перебил Володя. — Тоже светится. Мы с Витькой накрывались одеялом и смотрели. Красиво.

Светлана с любопытством, не отрываясь, смотрела на идолов. Они и пугали и притягивали ее — непонятные, величественные, грозные.

— Знаете, ребята, жутко подумать, что когда-то сюда приходили темные-темные люди. Дикари... И падали на колени перед идолами. Они молились, выкрикивали заклинания. А потом приводили жертву... Какого-нибудь пленного воина. Приводили его в храм и убивали...

— Да ну тебя, — вздрогнул брат. — Выдумашь тоже.

— Убивали, — продолжала Светлана, не обращая внимания на брата и сама содрогаясь от ужаса нарисованной картины. — Убивали и сжигали на жертвеннике. Потом все пели религиозные гимны и опять отправлялись на новую войну.

— Светка, перестань, — взмолился Миша. — Не очень-то приятно слушать твои глупые вымыслы.

— Это не вымыслы. И не глупые. Так было. Сначала убьют, потом сожгут. А может, и живьем...

Миша схватил сестру за руку и больно сжал.

— Да перестанешь ты, противная девчонка!

— Ну не буду, не буду. Отпусти, больно же!

Володя вдруг сказал:

— Мишка, а наверное, и правда так было. И *они* это видели.

Они — каменные идолы — презрительно и мрачно смотрели на ребят, излучая мягкий искрящийся голубоватый свет.

Долго еще туристы любовались загадочными идолами, тихо переговаривались, строя разные предположения. Но понемногу разговоры умолкли. Утомленные путешественники заснули.

Утром Иван Антонович тщательно осмотрел свои руки и довольно улыбнулся.

— Ага! Так я и знал! А ну, друзья, взгляните-ка на свои царапины и ушибы.

Удивительная вещь: ссадины и царапины ни у кого не болели. Ранки затянулись, покрылись коросточками. Даже синяки не давали о себе знать, словно их и не было.

— Исцеление, полное исцеление! — удивленно говорил Санин. — Даже моя нога болит меньше. — Но как объяснить это чудо? Доктор, слово за вами.

— Вчера я сказал, что догадываюсь, но хотел проверить и убедиться. Мы подверглись, правда слабому, радиоактивному облучению. Мой коллега — московский профессор Синявский — в одной из статей писал о том, что есть пещеры, куда вместе с водой попадают изотопы углерода. Соединяясь с осадками солей, они вызывают свечение сталактитов и сталагмитов, подобное тому, какое мы видим здесь, в гроте. Слабое радиоактивное излучение ионизирует воздух. В таком воздухе в сотни раз меньше болезнетворных микробов, чем на поверхности земли. И это еще не все. Ровная плюсовая температура в пять-десять градусов и влажный чистый воздух способствуют размножению полезных микроорганизмов. Вот и все объяснение вашего чудесного исцеления, Николай Павлович. Помнится, тогда я подшучивал над профессором, считая все это фантазией ученого. А теперь еще раз убедился, что к таким сообщениям надо относиться серьез-

нее. Этот грот настоящая здравница. В будущем здесь устроят лечебницу, санаторий.

Бодрые, хорошо отдохнувшие туристы не без сожаления покидали грот, названный Волшебным. Продолжение коридора, выходявшего из Волшебного грота, было шире и просторнее того, по которому отряд шел накануне. Реже встречались камни, заграждавшие проход, а если и встречались, то сложенные в пирамиды вдоль стен. По мере продвижения откуда-то все явственнее доносился глухой шум, похожий на шум идущего поезда. Звуки нарастали. Путешественникам пришлось говорить очень громко, чтобы слышать друг друга.

Внезапно Сергей Денисович остановился и предупреждающе поднял руку.

— Дальше идти нельзя. Впереди пропасть.

Зажгли все фонари и осветили ровную площадку.

Площадка обрывалась у слегка извилистой трещины шириной около десяти метров. Одинцов, стоя у самого края, старался заглянуть вниз.

— Не перепрыгнешь. И глубина, видимо, большая. Шум доносится снизу. Николай, дай моток шнура.

— Что ты собираешься делать?

— Измерить глубину пропасти.

Учитель привязал к шнуру продолговатый камень и стал медленно его опускать. Удара камня о дно пропасти он не услышал, но почувствовал, как шнур в его руке сначала ослаб, а потом начал мелко вибрировать. Сделав заметку, Сергей Денисович вытянул груз. Камень был мокрым.

— Глубина почти пятнадцать метров, — сообщил он. — По щели мчится бурный поток.

— Удобный случай пополнить запасы воды, — заметил практичный доктор.

— Воду-то мы достанем, а вот что дальше?

— Нельзя ли перебраться на ту сторону? — Санин подошел к Одинцову. — Дай твой фонарик, Сергей.

Краевед лег на выступ и, направляя сильный луч света, осматривал стенку щели. Ниже метров на пять он заметил небольшую площадку. На ней свободно могли поместить-

ся три человека. Еще ниже слабо вырисовывалась вторая площадка, от которой в обе стороны тянулся узкий карниз. «Если спуститься и пойти по карнизу? — размышлял Николай Павлович. — Может, там щель уже и мы сумеем переправиться на ту сторону. Рискованно, но не возвращаться же».

Санин поднялся.

— В пропасть спуститься можно. Там есть площадки и карниз. А идя по карнизу, может, удастся переправиться. Или вернемся и пойдем в другом направлении?

Доктор Мухин привычным движением снял очки, протер стекла и посмотрел на пропасть.

— Зачем же обратно, Николай Павлович? Лучше переберемся через пропасть. При спуске труднее всех придется мне, но я — за спуск.

— Это вы правильно, Иван Антонович, — немного волнуясь, добавил Миша Глебов. — Если можно, я первый спущусь.

— Ты? Ну уж нет! Я был в альпинистском лагере и знаю, как подниматься и как спускаться по скалам. Папа, — Володя повернулся к отцу, — скажи им, ведь это правда?

— Правда. Но мы были вместе, так давайте уж я и спущусь первым.

— А почему не я? — Светлана посмотрела на Санина. — Думаете, если девчонка, так и нельзя? Да? Я самая легкая, мне удобней и... честное слово, я не боюсь.

— Подождите, — начальник отряда поднял руку. — Все за то, чтобы продолжать путь?

— Все, все!

— Добровольцев лезть в пропасть хоть отбавляй. Себя я не предлагаю, доктору тоже не советую. Да и ты, Сергей, наверное, шутишь. Комплекция, вес... А вот ребята — дело другое.

— Мой вес и комплекция ни при чем. Я настаиваю.

Краевед взглянул на товарища и чуть заметно пожал плечами.

— Я все-таки не понимаю.

— А тут и понимать нечего. Я хочу спуститься в пропасть первым, — и учитель тихонько сжал руку доктора: молчи, не вмешивайся.

Иван Антонович ответил тоже пожатием: понимаю, молчу.

— Хорошо, если ты настаиваешь. Итого — четверо.

— Чур, я первая!

— Я первый попросил, — сказал Миша.

— Спускаться буду я, не спорьте.

— Тогда, жребий!

— Пусть жребий, — согласился Николай Павлович. — Спуск труден, но не опасен, любой из вас справится.

Санин вырвал листок из записной книжки, разделил на четыре равные части и на одной бумажке написал слово «Спуск». Затем скатал бумажки в трубочки, бросил в шляпу и предложил тянуть жребий. Первая запустила руку в шляпу Светлана, развернула белую трубочку и чуть не плача сказала:

— Пустая. До чего же я невезучая.

Володе тоже досталась чистая бумажка. Насупившись, он отошел в сторону. Остались Миша и Сергей Денисович. Миша оказался проворнее: не успел учитель протянуть руку к шляпе, как он уже запустил туда свою.

— Спуск!

Миша, не мешкая, стал готовиться: снял рюкзак, куртку, проверил ботинки и объявил:

— Я готов.

Николай Павлович достал веревку, проверил ее крепость.

— Здесь тридцать метров. Вполне хватит.

Выбрали самые крепкие ремни и обвязали ими Мишу в талии и под мышками.

— Будь мужествен, — Санин пристально посмотрел в глаза юному разведчику. — Если увидишь, что спуститься нельзя, выбирайся наверх. И помни: мы рядом и придем на помощь.

Миша получил самый лучший фонарик и небольшой топор. То и другое привязали на всякий случай к отдельному шнуру. Веревку взяли доктор и учитель.

— В добрый час! — напутствовал Мишу Иван Антонович.

Миша подошел к обрыву, сел и посветил фонариком.

— Первая площадка совсем близко. Можно просто спрыгнуть.

Он ловко перевернулся на живот и, цепляясь за выступы камней, нащупывая ногами опору, стал опускаться. Светлана и Володя, лежа на краю выступа рядом с Николаем Павловичем, следили за ним, давали советы. Разведчик довольно легко добрался до первой площадки и два раза дернул веревку: все в порядке. Спуск на следующую площадку прошел также благополучно. Здесь Миша повторил сигнал и, отвязав веревку от ремней, осторожно пошел по карнизу. Справа бурлил невидимый поток. Миша, освещая путь фонарем, медленно продвигался к дну пропасти. Карниз имел наклон и, видимо, заканчивался у самой воды. Скоро брызги стали попадать в лицо. Поток стремительно неся почти рядом. Миша остановился, на глаз определил ширину потока. «Метров пять-семь. А если переплыть? Течение сильное, отнесет, ударит о камни. И вода, наверное, холодная. Вот бы мост сделать...» Желтый круг света выхватывал из мрака то клокочущую, в хлопьях пены воду, то мокрые черные камни. Вот он уперся во что-то темное, ровное и длинное. Это что-то лежало поперек потока на высоте двух-трех метров от воды. Луч света заскользил слева направо. «Мост! — мелькнула радостная догадка. — Это же мост». Миша подошел ближе, наклонился и увидел два толстых бревна, переброшенных с одного края пропасти на другой. Бревна были черные от времени и мокрые от постоянно летящих на них брызг.

Разведчик сейчас же решил переправиться на правый берег, но остановился. «Этот мост сделали давно. Кто? Может, те люди, которые ходили поклоняться каменным богам? Бревна, конечно, сгнили и рухнут, как только я на них встану». В груди появился неприятный холодок. «Мой отец погиб в тайге, когда переправлялся через реку. Он говорил, что геолог пройдет везде. Другие после него прошли, а он

погиб... Отец бы не остановился сейчас. А вот если бы меня увидела мама...»

Миша встал на ближнее бревно. Нога заскользила «Нет, не так. Лучше лечь». И он сразу лег на плотно прилегающие друг к другу бревна. Помогая себе руками и ногами, пополз по мосту. Внизу бесновалась вода, обдавая его холодными брызгами, словно негодуя на юного смельчака. Гладкие скользкие бревна чуть дрожали. Миша посмотрел на противоположный берег. Совсем близко. Еще метра три, два... Поднялся, быстро пробежал оставшееся расстояние. Только теперь услышал, как часто-часто бьется сердце. Все-таки не просто перебраться по бревнам над ревушим в темноте потоком.

Освещая фонариком площадку, Миша увидел в стене темное отверстие и, не задумываясь, направился к нему.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Оставшиеся на краю пропасти туристы с волнением ждали возвращения Миши Глебова. Светлана и Володя видели, как он спустился на вторую площадку, отвязал веревки и пошел по карнизу. За поворотом карниза свет Мишиного фонаря исчез. С этой минуты тревога не покидала весь отряд.

— Это ошибка, — почти кричал учитель, так как шум потока глушил слова. — Отпустить мальчика одного!

— Ты паникер, Сергей, — раздраженно ответил краевед, — а раньше таким не был.

— Раньше, раньше. Мы уже расплачиваемся за одну твою ошибку.

— Второй не будет. И прекрати панику.

Оба замолчали, понимая, что могут наговорить друг другу ненужные грубости.

А доктор то и дело спрашивал:

— Он возвращается? Чего вы молчите?

— Пока не видно, — отвечали ему.

Володя старался успокоить Светлану.

— Ты не бойся за Мишку.

— Миша смелый, — уклончиво отвечала она.

— Я завидую ему, — признался Володя.

— Я тоже. Вы, мальчишки, счастливые. Вам все можно.

— Уж это точно. А чего не разрешают, мы все равно делаем. Потихоньку, конечно, чтобы потом не очень ругали.

Сергей Денисович достал сигаретку. Табак он берег и выкуривал не более одной-двух сигарет в сутки, но сейчас закурил «сверхплановую». Нервно затягивался: «Послали мальчишку, надо было мне. И чего я их слушал».

— Ну как там? — снова раздался голос Мухина. — Идет?

— Как будто мелькнул свет... Нет, показалось.

— Надо идти навстречу. Может, с мальчиком беда.

— Подождем еще немного.

— Он там, на площадке, — крикнул вдруг Санин, не выпуская конца веревки из рук. — Просигналил подъем.

— Но почему нет света? — возразил учитель. — Мы не видели, чтобы он подошел, — и, сложив руки рупором, закричал: — Ми-и-ша-а!

— Ми-и-ша-а! — подхватили Володя и Светлана.

Под каменными сводами гулко отдалось:

— И-и-ша-а-а...

Веревка в руках Санина снова дернулась три раза.

— Не кричите, Миша все равно не слышит. Он поднимается.

Сергей Денисович и ребята направили свет фонарей на вторую площадку. Там неясно вырисовывалась фигура юного разведчика. Веревка натянулась. Доктор еще крепче ухватился за нее обеими руками.

— Поднимается! — радостно закричал Володя. — Сейчас будет на первой площадке... Сейчас... Вот лезет на нее... Мишка-а-а! Урра! Лезь быстрее!

Волнение людей передалось и Аргусу. Пес бегал вдоль обрыва, заглядывал вниз и нетерпеливо коротко взлаивал.

Над площадкой показалась голова Миши, а через минуту его уже обнимал учитель, жали руки Володя и доктор, целовала Светлана и прыгал вокруг них довольный Аргус.

— Ну, как там?

— Что видел, рассказывай!

— Страшно было? По-честному, боялся?

Вопросы сыпались со всех сторон. Миша только счастливо улыбался и не знал, кому отвечать.

— Спуск совсем легкий. Ну, ясное дело, надо осторожно. Там есть мост. Из черных бревен. Они скользкие.

И герой дня подробно рассказал обо всем.

— А когда я перешел мост, то увидел опять коридор, он тянется далеко-далеко. Я немного прошел и вернулся.

— Ты смелый. Спасибо, спасибо от всех нас, — и Николай Павлович крепко, как большому, пожал Мише руку. — Теперь мы спокойно пойдем по твоим следам.

— Перед спуском надо подкрепиться, — очень довольный, что все кончилось благополучно, сказал Иван Антонович. — Внимание: «гастроном» открывается.

Путешественники снова перешли на сокращенный паек и постоянно чувствовали голод. Но и на этот раз Мухин не увеличил порции. Каждый получил по сухарю и по два кусочка сахара. Зато чаю было вдоволь. Покончив с едой, начали спускаться в пропасть. Миша уверял, что можно обойтись и без веревок, но Санин не согласился рисковать. Только веревку не стали держать в руках, привязали к каменной глыбе.

Первым спускался учитель. Он категорически настоял на этом. Благополучно достигнув второй площадки, Сергей Денисович подал условный сигнал, и следом за ним спустился Володя, а потом Миша. На веревке им отправили все рюкзаки, вязанки хвороста и в заключение спустили Аргуса. Сеттера пришлось связать, он не давался, обиженно визжал и успокоился только когда увидел хозяина. Учитель и ребята перенесли вещи к мосту и просигналили: все идет хорошо.

Тогда стал спускаться Иван Антонович. Доктор шутил, пробовал даже что-то напевать, но все понимали, как трудно ему — далеко не спортивного склада человеку. Миновав первую площадку, Мухин уверовал в свои способности скалолаза и дальше уже спускался смелее. Но именно эта часть спуска была труднее. Брызги потока долетали сюда, на мокрых камнях ноги скользили. Пospешив, доктор едва не сорвался и повис на веревке, болтая ногами в воздухе.

— Спокойно, Иван, спокойно! — крикнул учитель. — Ни же есть выемка. Постарайся нащупать ее. Левее, еще левее...

Ноги доктора шарили по стене, сам он то чуть поднимался, подтягиваясь на руках, то повисал. Вздых облегчения вырвался из груди тех, кто стоял на карнизе, когда Мухин, нащупав, наконец, выемку, стал спускаться дальше. Больше Иван Антонович уже не пел.

Достигнув карниза, доктор хотел встать, но ноги не держали его, и он грузно сел на камни.

— Кажется... прибыл, — удивленно проговорил Иван Антонович. — Чертовски забавная штука спускаться в темноте по скалам. Такое занятие для любителей острых ощущений. Я не из их числа. Но... все хорошо, что хорошо кончается.

— Вы спускались даже ловчее меня, — попытался ободрить его Миша.

Доктор грустно улыбнулся.

— Никогда пятьдесят не могут соперничать с тринадцатью. Увы! Помогите-ка мне встать.

Иван Антонович, пошатываясь, побрел к мосту, не ведая, что там его ждет не менее серьезное испытание. Светлана спустилась без приключений. Последним спускался Николай Павлович. Ступив на вторую площадку, он отрезал часть веревки: «Еще пригодится» — и пошел за товарищами.

Переправа через мост была хотя и не менее опасна, чем спуск, но прошла благополучно. Сначала перешли, вернее, переползли бревенчатый мост Сергей Денисович и ребята, затем с помощью оставшейся веревки перетянули связанные вместе рюкзаки, хворост, а потом переправились доктор и Санин.

Спуск в пропасть и переправа через поток настолько утомили туристов и отняли так много времени, что о дальнейшем пути не могло быть и речи. Пройдя по новому коридору до первого грота, отряд остановился на отдых. Грот был так мал, что шесть человек едва поместились в нем. Грот тут же окрестили Малюткой.

Утром Иван Антонович проснулся раньше всех и стал готовить завтрак. Развязав «гастроном», он разложил свертки, банки и стал прикидывать, чем же накормить своих спутников. За этим занятием его и застал Санин. Вчерашняя гимнастика нелегко далась Николаю Павловичу: поврежденная нога опять разболелась и спал он плохо.

— Готовите завтрак?

— Думаю, из чего бы приготовить, — поправил Мухин.

— Продукты кончаются. Вот все, что осталось.

— А в других рюкзаках?

— И там немного. Неделю еще протянем, но если не найдем выхода за это время...

— Уменьшите порции.

— И так перешли на голодный паек. Ребят жаль, они все время голодные, только молчат.

— Ребятам не уменьшайте. Нет ли в потоке какой-нибудь живности? Рыбы, например? Вы по этой части специалист.

— В подземных реках и ручьях рыбы не водятся. Но... попробуем, чего не бывает. После завтрака я возьму Володю и Мишу, сходим к потоку, он близко.

— Пока есть вода и хворост, чаще варите супы.

Начальника отряда тоже беспокоило продовольствие: кто знает, сколько еще придется блуждать в подземном лабиринте... Чем питаться отряду? Санин все время думал об этом и не находил решения. А голод все сильнее давал себя чувствовать. Оставшиеся продукты сэкономили, но надолго ли их хватит даже при такой жесткой экономии.

В грот вбежал Аргус, покрутился возле доктора и улегся в ногах хозяина. «Вот наше НЗ, — невесело усмехнулся Санин, глядя на собаку. — Будет жаль верного пса, но... Странно, почему у Аргуса так раздулся живот? Не воды же он столько выпил...»

— Ты где шлялся, бродяга? — Николай Павлович строго посмотрел на пса. Сеттер, пряча глаза, виновато заколотил хвостом по полу.

— Доктор, посмотрите, как располнел Аргус. С чего бы?

Иван Антонович сиял очки, посмотрел на собаку, надел очки посмотрел еще раз.

— У него на морде капельки крови. Определенно он где-то позавтракал. Говори, псина, где раздобыл еду?

Аргус облизнулся, как бы желая уничтожить улики, и стыдливо отвел глаза.

— Не хочешь признаться? — продолжал допрашивать Мухин. — Так мы тебя выследим, — доктор повернулся к Санину. — Я думаю, в соседних залах он встретил каких-то зверьков и отлично ими закусил.

— Здесь можно встретить зверей? Вы шутите.

— Не зверей, а зверьков. Видели же мы летучих мышей! Ну, а теперь, допустим, крысы. В Кунгурской пещере они водятся.

— Крысы? Бррр! Неужели вы, доктор, стали бы есть...

— Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Когда проснулись остальные члены отряда, Мухин велел всем смыть грязь и хоть как-то привести себя в порядок. Ребята впервые попробовали воспротивиться, но доктор сердито сказал, что гигиена не отменяется ни при каких условиях. Его поддержал учитель, и бунтарям пришлось подчиниться.

После туалета и более чем скромного завтрака Иван Антонович предложил Володе и Мише пойти с ним к потоку, попытать рыбацкое счастье. Ребята охотно согласились. Нашли крючки, леску, из веток смастерили удилища. Для насадки взяли немного копченой колбасы из неприкосновенного запаса. Очень скоро рыболовы вернулись. Их постигла неудача. В ревушем, бешено мчащемся потоке ничего не удалось выловить. Да, вероятно, там и не водилась рыба.

Собрав вещи, туристы оставили грот Малютку. Коридор, по которому они теперь шли, ничем не отличался от многих ранее пройденных. Встречались нагромождения камней, узкие трещины, небольшие и ничем не примечательные гроты, залы и галереи. За день прошли, наверное, около километра. На отдых остановились в длинном сухом зале — одном из многих тупиков. Аргус опять куда-то убежал и вернулся часа через два. Сеттер не подошел, как всегда, к доктору, из рук которого привык получать свою порцию, а спокойно улегся около хозяина.

— Смотрите, Николай Павлович, — удивился Мухин, — наш четвероногий бродяга снова удачно поохотился. Он сыт по горло и даже не обращает внимания на сухарь, который я ему показываю. Признаюсь, завидую Аргусу и хотел бы проникнуть в тайну его походов.

— Давайте сообща шпионить за ним.

— В этом нет нужды, — заметил Сергей Денисович. — Тебе-то, Иван Антонович, непростительно забывать, что Аргус — собака охотничья.

— Помню, но что из того?

— А вот что.

Сергей Денисович взял ружье доктора и сделал вид, будто собирается уходить. Сеттер, не спускавший с хозяина глаз, тотчас вскочил и приготовился последовать за ним.

— Вот видите, мы собрались на охоту. Аргус поведет меня туда, где есть дичь.

— Браво! — воскликнул Мухин. — Браво и тебе и Аргусу. Так отправляйтесь же...

Он замолчал. В зал залетел странный воющий звук, уже слышанный раньше путешественниками.

— Опять кричит! — Иван Антонович схватил учителя за руку. — Слышите, кричит!..

Аргус, едва раздался непонятный звук, прижался к ногам хозяина, зарычал, поглядывая в темноту коридора. Крик повторился: тягучий, воющий, в нем ясно слышались тоскливые ноты.

— Тот самый звук, — подтвердил Николай Павлович. — Как будто кричит животное. Не с ним ли тогда боролся Аргус?

Странные звуки затихли.

— Отложи охоту на завтра, Сергей, — посоветовал доктор.

— Пожалуй, — согласился учитель, тем более, что Аргус, кажется, потерял к ней всякий интерес.

Сколько туристы ни прислушивались, криков больше не услышали. Миша и Володя вызвались сходить на разведку, но Санин остановил их.

— В другой раз, ребята. Сейчас будем отдыхать.

На ужин доктор выдал каждому сухарь, кружок копченой колбасы и кусочек сахара. Ели медленно, стараясь не потерять ни крошки.

— «Гастроном» скоро закроется на ремонт, — грустно сообщил Иван Антонович и, спохватившись, бодро доба-

вил: — Зато утром я накормлю вас отличной кашей. Придется израсходовать часть воды, но воду-то мы найдем.

Никто не ответил Мухину. Путешественники молчали, и доктор знал, о чем думают его товарищи. Даже ребята, тесно сбившиеся в кучку на плащ-палатке, не вели обычных шумных разговоров. Перебирая отощавший рюкзак, Иван Антонович достал маленькое зеркало, задумчиво посмотрел в него. «Э, да ты стал бородатый, как сибирский кержак». Он потрогал светлую бороду, перевел взгляд на Санина и с удивлением отметил, что у него тоже отросла довольно длинная борода. Только Одинцов брился почти каждый день, и потому выглядел как обычно, даже щеголевато. На привалах учитель не только брился, но и не забывал стричь ногти, расчесывать густые волнистые волосы и чистить костюм от приставшей грязи. Даже носовой платок у него всегда был свежий и пахнул «Шипром».

Среди ночи Иван Антонович проснулся от странного тревожного ощущения. Слабо горел один из фонариков. Мухин слышал тихий разговор учителя и краеведа. В интонации их голосов он тоже уловил тревожные нотки. Доктор приподнялся на локте:

— Опять крики? Или что-нибудь новое?

— Вот уже полчаса доносится какой-то неясный гул, — ответил Санин. — Он все время нарастает.

— Может, близко шумит водопад или разлилась подземная река? — высказал догадку Иван Антонович. — Тогда нас затопит здесь, как сусликов в норе.

— Это не вода, — покачал головой учитель. — Аргус не так бы вел себя. Животные, предчувствуя стихийные бедствия, проявляют панический страх. А мой пес нервничает, как перед дракой. Здесь что-то другое.

Мухин подошел к выходу в коридор и с минуту слушал. Станный звук, непонятный, а потому особенно тревожный, приближался. Как будто по проселочной дороге тащился обоз и десятки немазанных телег скрипели на разные голоса.

— Ничего не пойму. Надо быть готовыми к любым неожиданностям, — сказал, возвращаясь, Мухин. — Разбудить ребят?

— Мы не спим, — донесся голос Миши. — Случилось что-то?

— Нет, нет, — поспешно возразил Николай Павлович. — Просто где-то что-то шумит.

Но беспокойство взрослых передалось и ребятам. Володя и Миша спешно обувались, искали шляпы и палки.

— Вы куда? — спросил Сергей Денисович.

— Куда потребуется, — быстро ответил Володя. — Иван Антонович сказал же, что надо быть готовыми.

— Сергей Денисович, — перебила Светлана, — посмотрите на Аргуса.

Сеттер все более возбуждался: бегал вокруг людей, рычал и наконец, громко залаяв, бросился в коридор.

— Назад, Аргус! Назад! — крикнул учитель.

Но пес уже исчез, и лай его быстро затих.

Через несколько минут вдали снова раздался яростный лай собаки, пронзительный свистящий писк, словно из десятка трубок вырвались струйки пара.

— Зажгите свечи, — приказал начальник отряда. — И фонари. Все до единого.

Зал осветился довольно ярко. Держа фонарь над головой, Санин вышел в коридор. За ним поспешили доктор, учитель и ребята. Пройдя метров сто, они остановились. По коридору двигалась волнообразная темная масса, словно растекался поток расплавленного гудрона. Из его гущи доносился остервенелый лай Аргуса. Собаку не было видно, свет фонарей и свечей не достигал туда, но чувствовалось, что сеттер ведет бой. Темный поток приближался. От него уже отделилось несколько живых клубков. Они громко пищали и свистели.

— Крысы! — скорее угадал, чем рассмотрел Санин. — Это крысы. С ними шутки плохи. Назад, в зал.

Грызуны занимали всю ширину узкого здесь коридора. Черные, блестящие, словно только что из воды, они двига-

лись сплошной массой в сторону людей. Каждая крыса величиной с хорошего котенка.

Туристы спешно отступили в глубь зала и принялись заваливать камнями узкий проход. Из темноты пулей вылетел Аргус, перескочил баррикаду и заметался по залу, хрипло взлаивая. В пылу сражения сеттер сорвал голос. Все работало четко, и каменный барьер быстро поднимался.

— Они подходят! — крикнул Миша, выглянув в коридор.

Вооруженные палками, а доктор еще и ружьем, путешественники вскарабкались на баррикаду, готовые всеми силами отражать натиск грызунов, если им вздумается завернуть в зал.

Ждать пришлось недолго. Черная лавина докатилась до зала и полилась дальше. Аргус, стоявший возле хозяина, завизжал от нетерпеливого желания броситься в бой. Грозно зарывчав, сеттер прыгнул в самую гущу живого потока. Тотчас там раздались пронзительные крики грызунов. Но доставалось и собаке. Она крутилась волчком, высоко подпрыгивала и злобно лаяла. Врагов было слишком много, Аргус не мог с ними справиться и, как ошпаренный, выскочив из гущи крыс, стрелой взлетел на вершину баррикады. Там он остановился, рыча и щелкая зубами.

Между тем десятка два грызунов, отделившись от основной массы, тоже полезли на баррикаду. Люди палками сбрасывали их с камней, отшвыривали ногами. А мимо тек-

ла черная бурлящая река, и казалось, ей нет конца. Если бы все животные устремились в зал, остановить их было бы невозможно. Доктор поднял ружье к плечу, но выстрелить ему помешал Санин.

— Вы с ума сошли, — грубо крикнул начальник отряда.
— Хотите похоронить нас всех под грудой камней? Уберегите ружье.

Мухин что-то пробормотал и, отложив ружье, снова взял палку.

Шесть человек, выстроившись в шеренгу, едва успевали сбрасывать с баррикады тех грызунов, которым удавалось на нее подняться. Борьба быстро выматывала туристов и без того измученных постоянным недоеданием и тяжелыми переходами. Николай Павлович понял, что долго ему с товарищами не продержаться, и крикнул Володе и Светлане:

— Тащите сюда хворост. Весь.

Ребята прыгнули на пол, подхватили вязанки хвороста и снова вскарабкались на барьер. Сухие ветки запылали сразу. Едкий дым за клубился под сводами коридора. Пылающий хворост образовал поверх баррикады сплошной заслон. Огонь и дым сразу остановили грызунов, они стали разбегаться. Но и людям приходилось нелегко. Едкий удушливый дым, густыми клубами поднимавшийся к потолку, ухудшил и без того плохую видимость. От дыма слезились глаза, щекотало в носу и горле, вызывая кашель. К тому же во все стороны летели искры, попадали на руки, на одежду. К счастью, токи воздуха уносили большую часть дыма в коридор, иначе туристы не вытерпели бы и оставили свое убежище. Санин, Одинцов и доктор стояли вдоль баррикады и теперь следили только за тем, чтобы огонь не угасал. Обгорелые ветки падали туда, где продолжали двигаться крысы. Там раздавались пiski задетых горящими ветками животных.

Светлана, сбежавшая за новой охапкой хвороста, вдруг закричала:

— В зале крысы!

Сергей Денисович, Володя и Миша кинулись ей на помощь. Аргус тоже принялся гоняться за крысами.

В пещеру проникло не более десятка животных, и с ними быстро покончили.

Сухие ветки сгорали, огонь требовал пищи, а хворосту больше не было.

— Давайте все, что может гореть, — распорядился начальник отряда. — Быстро!

Из рюкзаков вытряхнули полотенца, носки, рубашки. Тряпки полетели в огонь, распространяя удушливый дым. Но и этого хватило ненадолго. Внезапно раздался оглушительный грохот падающих камней, крик. Затем наступила тишина.

Глава 18

В ЛОВУШКЕ

— Папка! — отчаянно закричал Володя. — Папка! Где ты?

— Здесь! Я здесь, сынок.

У дальней стены зала слабо светил единственный фонарик. Узкий луч с трудом пробивал медленно оседающую пыль. Противно пахло горелыми тряпками. Кто-то тихо стонал. Сергей Денисович лежал на гряде камней. Все тело его ныло от ушибов. «Что же произошло? — пытался сообразить учитель. — Обвалился потолок? Или рухнула стена?» Невидимый в полумраке, к нему подполз сын, прижался сбоку. Мальчика била нервная дрожь.

— Почему грохотало? — прошептал Володя. — Почему так темно? И где Николай Павлович, Миша? Где Света, Иван Антонович?

— Спокойно, сынок, спокойно, — тоже шепотом ответил отец. — Сейчас все узнаем.

Нащупав в кармане куртки огарок свечи и спички, Сергей Денисович зажег огонь, встал, стряхнув с себя мелкие камни, и осмотрелся. В нескольких шагах от него смутно вырисовывалась на полу детская фигура, чуть подальше — вторая. Значит, Миша и Светлана здесь, это кто-то из них стонал. Но где же Николай, доктор? Ни того, ни другого не видно. А там, где был проход в коридор, перегороженный баррикадой, теперь до самого потолка поднималась каменная осыпь. Рука, державшая огарок свечи, задрожала. Кольнула тревожная догадка: доктора и Санина засыпало камнями. Они стояли на баррикаде, когда произошел обвал. С минуту Сергей Денисович беспомощно оглядывался, все еще надеясь увидеть товарищей, потом подошел к ближней детской фигурке. Это был Миша. Учитель тронул его за плечо.

— Миша.

Мальчик, лежавший вниз лицом, вздрогнул и повернулся. На Одинцова глянули большие испуганные глаза.

— Сергей Денисович... вы... Я думал, всех придавило камнями. Я очень испугался...

Миша не договорил, увидев сестру. Она лежала, поджав ноги, прикрыв голову руками. Миша кинулся к ней.

— Света, Света, чего ты? Све-ета! — он со страхом посмотрел на учителя. — Сергей Денисович, почему она молчит? Све-ета!

Одинцов, молча отстранив Мишу, приподнял голову девочки. Глаза ее были закрыты, рот плотно сжат.

— Она в обмороке. Подержи-ка свечу, а ты, Володя, дай флягу с водой.

Смочив носовой платок, учитель обтер лицо Светланы и несколько капель воды влил ей в рот. Ребята с тревогой смотрели то на девочку, то на него. Миша и Володя еле сдерживались, чтобы не разреветься, до того их напугала Светлана. Сергей Денисович заметил это.

— Сейчас она придет в себя. Испуг, легкий обморок. Это не страшно, — а сам думал: «Что надо делать в таких случаях? Ведь я ни черта не смыслю в медицине...» Он продолжал обтирать влажным платком лицо девочки, помахивал им, как веером, вызывая приток свежего воздуха.

Наконец Светлана глубоко вздохнула, открыла глаза и вдруг разрыдалась. Ребята и учитель стали успокаивать ее, но она не унималась и продолжала плакать почти без слез, делая короткие быстрые вдохи, дрожа всем телом. Постепенно рыдания затихли.

— Уснула, — шепотом сообщил ребятам Сергей Денисович. — Это нервное потрясение. Так бывает и со взрослыми. Вы не беспокойтесь, сон укрепит ее, и все пройдет.

— Папа, а где Иван Антонович и Николай Павлович? Их завалило камнями? Давайте скорее искать их.

— Вот что, ребята, ведь вы мужчины? И какие бы испытания нам ни выпали, надо выдержать все. Случился обвал... Да, обвалилась часть потолка этого зала. Проход закупорило, засыпало камнями. Перед самым обвалом, я помню, доктор и Николай Павлович стояли на баррикаде...

— Их убило?! — глаза Миши опять округлились от ужаса. — Они... там? — он показал на груды камней.

— Да нет же, скорее всего оба успели спрыгнуть в коридор.

— Тогда они стали бы кричать нам, — возразил Володя. — А они молчат. Почему они молчат? И Аргуса тоже нет.

— Может, они кричали, только насыпь слишком толстая, звуки через нее не проникают. И Аргус, наверное, с ними. А теперь вот что. Нас трое... трое мужчин. Что надо сделать? Разобрать каменную осыпь. И чем скорее, тем лучше. Задача трудная. У нас есть и вода, и продукты, а у Ивана Антоновича и Николая Павловича — нет, рюкзаки-то все остались здесь. Им еще труднее, чем нам. Они, разумеется, тоже примут меры: начнут разбирать завал с той стороны. А пять человек многое сделают. Будем работать энергично, но понемногу, чтобы сильно не устать. Вы меня поняли?

— Поняли, — ответил за себя и за своего друга Миша. Он хотел казаться спокойным, как подобает мужчине, хотя очень волновался.

— Тогда не будем терять времени, за дело. Да, вот еще что: воду, ребята, придется экономить, у нас ее не так много.

— И свет, — добавил Володя.

— И свет. Потушим свечу, а один фонарик оставим, этого пока достаточно.

Сергей Денисович осторожно поднял Светлану и перенес к дальней стене. Там он уложил девочку, спавшую глубоким сном, на плащ-палатку, приспособив один из рюкзаков вместо подушки, и прикрыл своей курткой. Потом учитель осмотрел завал. Большие и мелкие камни вперемежку с глиной плотно закупорили проход в коридор. Напрасно учитель прислушивался, надеясь уловить голоса товарищей или лай Аргуса, ни один звук не долетал из коридора. Сергей Денисович отлично понимал, что он с ребятами попал в ловушку. Если не удастся пробиться в коридор, они погибнут в этом каменном мешке. Но сознание опасности не породило паники, наоборот, появились спокойствие и уверенность. Надо пробиться, во что бы то ни стало надо пробиться в коридор! В этом спасение. Где начать работу? Лучше на самом верху осыпи, там она не такая плотная.

Пристроив фонарик на камнях так, чтобы свет его падал на намеченное место, Сергей Денисович показал, где будут работать ребята, а где он сам. Миша и Володя должны сменять друг друга примерно через полчаса. Так они меньше устанут.

— Осторожно, ребята, — предупредил их учитель. — Сверху будут сыпаться камни. Обмотайте головы куртками. Начнем.

С этими словами учитель взялся за первый камень, слегка расшатал его и спустил вниз по насыпи. Второй камень тоже легко поддался его усилиям, за ним последовал третий, четвертый. Иные камни сидели крепко, точно вмурованные. Их приходилось долго расшатывать, а уж потом вынимать и скатывать на пол. С потолка зала у места обвала беспрерывно сыпались земля и щебень, едкая пыль набивалась в глаза, в нос и рот, щекотала горло. Сергей Денисович сделал себе и ребятам из носовых платков маски, прикрывающие нос и рот. Это помогло. Миша, мальчик сильный и крепкий, работал очень старательно, но круп-

ные камни плохо поддавались его усилиям. Тогда Володя помогал приятелю, и вдвоем они выковыривали упрямый камень.

— Стоп! — сказал учитель. — Отдохнем. Видите, как хорошо подвигается дело. Подкрепимся и продолжим.

Спустившись с насыпи, он разыскал свой рюкзак, достал пачку галет и сахар. После еды работу возобновили. Руки у всех покрылись водяными мозолями и множеством царапин, ныли от непрерывной тяжелой работы, но ребята не жаловались. Только движения их становились все медленнее. Сергей Денисович объявил новый перерыв.

— Поспите немного. Я разбужу вас, когда придет время.

— Мы не устали, — запротестовал Володя, хотя еле держался на ногах. — Можно еще поработать.

— Конечно, можно, — Миша пыхтел, раскачивая длинный, как полено, камень, плотно засевший в глине. Камень не поддавался.

— Отдыхать! — строго повторил Сергей Денисович.

Ребята спустились с насыпи, легли, подстелив свои куртки, и через минуту уже спали. Сергей Денисович грустно улыбнулся:

— Мы не устали...

Присев возле ребят, он вытащил сигаретку, подумал и положил ее обратно в портсигар: в зале и без того было душно, все еще пахло гарью. «Отчего случился обвал? — размышлял учитель. — Неужели мы так неосторожно бросали камни, когда воевали с крысами? Живы ли Николай, Иван?...»

Одинцов резко повернулся. Светлана, чуть приподнявшись на руке, смотрела на него.

— Как себя чувствуешь, дочка?

— Хорошо, только в голове шумит. Я долго спала?

— Не очень. Поспи еще.

— Не хочу.

— Тогда поешь, — учитель протянул девочке галеты и сахар. — Вода в этой фляге.

— Спасибо, — Светлана равнодушно начала грызть твердые как камень галеты. — Где мы, Сергей Денисович?

— Все еще в том же зале. Помнишь? — и он коротко рассказал ей, что случилось. — Вот ребята отдохнут и снова примемся за работу. Осталось совсем немного. А в коридоре нас ждут Николай Павлович и доктор.

— Я тоже буду работать, — Светлана встала.

— Что ты, что ты, — забеспокоился учитель. — Полежи, отдохни. Мы и втроем управимся.

— Нет, я буду, — девочка упрямо сдвинула брови. — Тогда мы скорее выйдем отсюда.

— Хорошо, только не сейчас. Подожди. Работать начнем все вместе.

— Ладно.

Сергей Денисович прислонился к стене и незаметно задремал. Очнулся он от прикосновения Светланы.

— Там, — она показала рукой на завал, — стучат.

Учитель поднялся, подошел к осыпи. Обостренный слух различил глухие удары, следовавшие с небольшими промежутками.

— Это они! — сказал Сергей Денисович. — Доктор и Николай. Разбирают завал с той стороны. Разбуди ребят.

Подобрав камень, он быстро поднялся на осыпь и несколько раз ударил камнем по камню. В ответ раздалось несколько таких же ударов. Все сомнения отпали. Там были товарищи.

А Миша и Володя не могли проснуться. Светлана тормошила то одного, то другого, мальчики только мычали и поворачивались на другой бок. Кое-как она все-таки разбудила их. Глаза у ребят слипались, они не понимали, чего хочет Светлана.

— Да вставайте же! — начала она сердиться. — Нам стучат. Понимаете? Ну, поднимайтесь.

— Вот пристала! — Миша отмахнулся. — Уйди! Я хочу спать.

— Надо работать, Миша. Ну же, поднимайся.

Мальчики полезли на осыпь. Сергей Денисович уже расчищал завал.

— Ну, ребята, поднатужьтесь! — радостно говорил он. — Скоро будем на свободе.

Володя и Миша, поняв наконец, что случилось, стряхнули сонливость и стали помогать ему. Временами учитель делал знак прекратить работу, и четверо пленников, замерев, прислушивались. С той стороны завала все явственнее доносились удары, скрежет камней.

— Слышите?! — хрипло говорил учитель. — Они там работают.

— Работают, — подтверждала Светлана. — Как будто даже голоса слышно.

И они с удвоенным рвением вновь принимались разбирать камни. Щебень, куски глины с шумом катились на пол. Так шел час за часом. Ребята тяжело дышали, но не просили отдыха. Учитель обливался потом, он тоже не щадил себя. Иногда вдруг откуда-нибудь срывался камень и, глухо постукивая, скатывался на пол. Сергей Денисович кричал ребятам, чтобы они побереглись, а сам только тряс головой, прикрытой шляпой, и чихал от набившейся в нос пыли. Переждав немного, он брался за следующий камень, оставляя на нем следы крови из лопнувших мозолей. Ногти он давно обломал, пальцы кровоточили, но, казалось, Одинцов не замечал боли. Его пример заражал ребят. Миша и Володя словно соревновались друг с другом, кто больше сделает. Светлана пристроилась возле них, выбирая мелкие камни. Если кому-нибудь встречался камень покрупнее, все трое соединяли свои усилия и с победным возгласом скатывали его на пол.

А с другой стороны завала тоже слышались возня, стук камней, удары какого-то инструмента. И это придавало новые силы. И вдруг они услышали:

— Сергей! Сергей!

— Здесь! — хрипло отозвался учитель.

— Вы все живы?

— Живы! Живы! — закричали ребята.

— Слушай внимательно, Сергей, — теперь можно было узнать голос Санина. — Мы с доктором разбираем завал. Осталось немного. Отойдите все в дальний угол зала и ждите. Если случится второй обвал, вас не заденет. Через минуту продолжаем работу. Понял меня?

— Понял, Николай.

— Тогда уходите.

Сергей Денисович повернулся к ребятам.

— Всем спуститься с осыпи. К той стене, где вещи. Быстро!

Ребята, а следом за ними и учитель отошли к дальней стене зала. Сергей Денисович направил свет фонаря на то место, где они только что разбирали завал. Четыре пары глаз, не отрываясь, смотрели на желтоватый круг света. Там вновь слышались удары. Они раздавались все громче. Шуршала, осыпаясь, земля, ударяясь друг о друга, скатывались камни.

И вот появилось небольшое отверстие, в него просунулась рука, за ней вторая. Еще несколько камней, постукивая, скатилось с осыпи и в образовавшейся дыре показалась голова Санина.

— Отведи свет в сторону. Я ничего не вижу.

Учитель направил луч фонаря влево.

— Все равно ничего не видно. Подождите.

Голова исчезла, но тут же появилась и рядом с ней вспыхнул свет. Два луча скрестились, как гигантские мечи, а затем разошлись. Луч фонаря краевода ощупал стены и остановился на учителе. Помедлив секунду, другую, он двинулся в сторону, ненадолго задерживаясь на каждом из ребят, словно пересчитывая их.

— Все здесь, все живы, — начальник отряда подумал и добавил: — Я еще немного расширю дыру, а вы соберите вещи и вылезайте.

Минут через десять пленники благополучно выбрались в коридор, где их с нетерпением ждали Иван Антонович, Санин и Аргус. Доктор плакал и не стыдился слез. Он каждого горячо обнимал и бессвязно бормотал одно и то же:

— Милые вы мои! Вот ведь как... Живы! А я-то... Молодцы! Милые вы мои...

Волновался и Николай Павлович.

Обычно сухой, резковатый и малоразговорчивый, сейчас он говорил много и возбужденно, для каждого находил теплое слово.

— Говоря по совести, Сергей, я не надеялся всех вас увидеть. Кто-то мог погибнуть. А вы живы и целехоньки!

Не скрывал своей радости и Аргус. Пес прыгал возле хозяина и ребят, лизал им руки, а если удавалось, и лица, визжал и взлаивал — словом, всячески выражал свой восторг.

— Объясните же, наконец, как мы оказались заживо замурованными? — спросил Сергей Денисович, когда волнение немного улеглось. — Я так и не понял, что вызвало обвал?

Краевед хотел ответить, но Мухин схватил его за руку:

— Я сам... сам объясню. В том, что все мы едва не погибли, виноват я... Один я. За это преступление, именно преступление, — жестко повторил Мухин, — я готов понести любое наказание. Постой, не перебивай, дай сказать все, объяснить... Устройте надо мной суд, судите по всей строгости, беспощадно. Я не заслуживаю жалости. Да, да, не заслуживаю... Но дайте сказать все. Никогда я не прощу себе этот опрометчивый поступок. Подожди, Сергей, сначала выслушай...

— Иван, к чему все это? В чем ты виноват? — учитель замолчал и вопросительно посмотрел на Санина: дескать, уж не рехнулся ли наш доктор. Мухин перехватил этот взгляд.

— Я в своем уме, и ты в этом сейчас убедишься... Обвала бы не случилось, Николай Павлович предупреждал, я не послушал... Помните, когда там, наверху, мы сожгли последние тряпки, а крысы все еще шли? Я... выстрелил из ружья. Вот причина обвала. Ты, Сергей, с ребятами в это время был в зале, а я и Николай Павлович — на баррикаде. Нас швырнуло в коридор, вернее, мы скатились прямо на грызунов. Это были их последние ряды. Камнями нас здорово побило. Сколько-то мы пролежали на полу оглушенные. А когда пришли в себя, крыс уже не было. Аргус тоже оказался с нами, а вы... Сначала мы не знали, где вы и что с вами. Неужели задавлены обвалом? Ужасно! Но кто-то мог остаться в живых. Потом припомнили, что вы были в зале, и решили: даже в худшем случае погибли не

все. А раз так — значит, вы в ловушке, в зале, проход в который завален камнями, щебнем и землей...

— И тогда, — теребил начальник отряда, — Иван Антонович сказал, что он будет разбирать завал и сейчас же начнет работу...

— А Николай Павлович ничего не сказал, он просто встал рядом со мной. Мы работали, забыв про свои синяки, забыв обо всем, кроме того, что надо спасти вас. Остатывались только, чтобы глотнуть воды из фляги Николая Павловича. У нас ничего не было, кроме этой фляги, топора и одного фонарика. Как мы обрадовались, услышав стук. Кто-то жив! Кто-то в зале тоже разбирает завал. Потом различили голоса... Вот и все.

Доктор умолк и горестно покачал седой головой.

— Я, один я виноват. Если можете — простите...

— Иван Антонович, миленький, — Светлана бросилась к Мухину, обхватила за шею худыми руками. — Не надо так. Ну не плачьте. Мы же все здесь, с вами. Вот Миша, Володя, вот Сергей Денисович. И мы вас простили, потому что очень, очень любим. Правда, мы простили Ивана Антоновича?

— Брось, Иван, — голос Сергея Денисовича задрожал.

— Ты же видишь, все обошлось. Ну, поступил неосмотрительно, не нарочно же. Да перестань, в конце концов, реветь. И нечего болтать о каком-то прощении.

— Нет-нет, подумать только! Заживо похоронил людей...

— Лучше подумаем о том, что делать дальше.

— Всем нужен отдых, — заговорил Санин. — Хорошо бы чего-нибудь пожевать. Устроимся прямо здесь, потому что более подходящего места поблизости нет. И еще — надо выспаться...

Он не договорил. Неожиданно и совсем близко опять прозвучал уже знакомый крик.

—————

ПЛЕННИК ПОДЗЕМЕЛЬЯ

— Узнаем же наконец, кто тревожит нас этим криком, — словно обрадовавшись, что можно сменить тему разговора, воскликнул Сергей Денисович и, освещая коридор, направился в ту сторону, откуда, как ему показалось, раздался крик. За ним, прихрамывая, поспешил краевед.

— Это где-то здесь, — возбужденно говорил Николай Павлович, направляя луч фонаря на стены и пол. — Ага, вот тут кое-где глина, нет ли на ней следов.

— Если и были, то их стерли крысы, — возразил учитель.

— Крик мы слышали после того, как грызуны прошли. Доктор с ребятами догнали Санина и Одинцова.

— Не забывайте только, что у нас кончается запас батареек, берегите свет, — напомнил Сергей Денисович.

— И осторожность — мы не знаем, с кем имеем дело, — добавил Николай Павлович, вспомнив, что он опять начальник отряда и отвечает за каждого человека.

Группа людей довольно быстро шла по коридору. Впереди нее прыгали желтые пятна света. Аргус жался к хозяину, урчал и возбужденно повизгивал. Псу, видимо, хотелось броситься вперед, но страх удерживал его.

— Николай, ты прав, — изменившимся голосом произнес учитель. — Вот следы.

На мягкой глине виднелся отпечаток босой ноги человека. На расстоянии шага Одинцов увидел второй отпечаток. Ребята направили лучи фонарей на следы.

— Здесь прошел человек, — сказал Николай Павлович. — Совсем недавно. Может быть, только что.

— Черт возьми, — пробурчал доктор. — В этой тьме я ничего не могу разглядеть. Где следы человека?

— Значит, в пещере все-таки есть люди! — торжествующе сказал Миша Глебов. — Я так и знал.

— Не ври, — возразил Володя. — Откуда ты мог знать?
— Ну... не знал, а догадывался.
— Может, это наши следы? — вмешалась Светлана.
— Выдумашь! Кто же из нас ходит босиком?
— Да мы здесь еще не проходили.
— Позвольте, — доктор сбросил очки и нагнулся, стараясь разглядеть отпечатки. — А не зверем ли оставлены следы? Например, медведем.

— Пещерным медведем, — подсказала девочка.
— Нет, обыкновенным. Пещерные-то давно перевелись. След медвежьей лапы походит на след босой ступни человека.

— Да, здесь проходил медведь, — подтвердил Сергей Денисович. — И, судя по следам, довольно крупный. Левая передняя лапа у него повреждена. Он ставит ее осторожно, потому и отпечаток слабый.

— Правда, папка! — отозвался Володя. — Пальцы едва видны.

— Иван Антонович, побудьте с ребятами здесь, а мы с Сергеем немного пройдем по следам.

— Мы с вами! — зашумели ребята. — Нам тоже интересно. Николай Павлович, возьмите нас!

— Тогда и меня в придачу, что же я буду делать один? — решительно заявил Мухин. Он так суетился, словно старался хоть чем-то искупить свою вину перед товарищами.

Санин посмотрел на Одинцова.

— А если это не медведь? Ты же, Сергей, сам сказал: след медвежьей лапы походит на след босой ноги человека.

— Видишь ли, отпечатки не очень ясные, да и свет плохой, разглядеть их трудно. Но, я думаю, это все-таки был медведь. Давай пройдем еще немного, а Иван с ребятами подождет здесь.

— Лучше не ходи туда, Сережа, — осторожно заметил Мухин. — Сам знаешь, встреча с медведем не сулит ничего приятного. Зачем тревожить косолапого?

— Так-то оно так, да вот начальник отряда думает, будто здесь прошел человек. Хочу его разуверить. Не беспокой-

ся, мы пройдем немного и вернемся. А ребята тем временем пусть принесут рюкзаки.

— Тогда возьмите мое ружье, может пригодится.

— Чтобы устроить еще один обвал? — заметил Санин.

— У нас есть ножи и топор. Этого достаточно.

— Как знаете, — пробормотал доктор, на него упоминание об обвале подействовало удручающе. — Миша, Володя, Света, пойдемте за рюкзаками.

Аргус, поглядывая в темноту, дрожал и повизгивал от нетерпения. Сергей Денисович, поглаживая, успокаивал его.

— Вот Аргус точно знает, кто там. Он уже встречался с ним. И мой пес боится, чего раньше не случалось.

— Жаль, собака не может рассказать нам об этой встрече, — шутливо отозвался краевед. — Так что же? Разведаем?

— Совсем немного. Нам все равно придется туда идти, другого-то пути нет.

Перебрасываясь короткими фразами, учитель и краевед пошли по коридору, освещая фонариками каждый выступ, каждый камень. Пол в коридоре был покрыт глиной лишь местами, и потому следы часто терялись. Но потом их удавалось найти. Внезапно громко и зло залаял сеттер: чувствуя рядом хозяина, он наконец поборол страх.

— Чего ты, дурак, — вздрогнув от неожиданности, сердито сказал Одинцов. — Цыц!

Сеттер рванулся вперед, и Сергей Денисович невольно ускорил шаги. Слева встретилось ответвление коридора, пес потянулся к нему. «Если там медведь, Аргус поджал бы хвост. Тогда кто же...»

— Николай, — учитель показал на щель. — Свернем сюда?

— Конечно. Иди, Сергей, я за тобой.

Едва Сергей Денисович пролез в узкий проход, как в ответ на лай и рычание Аргуса из темноты послышалось глухое ворчание. Одинцов вздрогнул и отступил. В луче света мелькнула и исчезла большая тень, учитель даже не успел ее рассмотреть. Аргус бросился к ней. Его лай сразу же захлебнулся и перешел в сдавленный визг. Забыв об осторожности, Одинцов поспешил на выручку собаке. Навст-

речу двинулось что-то темное и мохнатое, вцепилось, повалило. Фонарик вылетел из рук учителя и погас. Рядом отчаянно взвизгнул Аргус.

Сергей Денисович чувствовал, как нестерпимо больно сдавило грудь и острая боль разлилась в левой руке. Он задышался, слабел с каждой секундой. А сверху давила и давила огромная тяжесть, и Одинцов ничего не мог сделать, чтобы сбросить ее.

Потом Сергей Денисович ощутил внезапную легкость и глубоко вздохнул. Но подняться не смог, руки и ноги не повиновались. В ушах зазвенело от громкого рева. Но тут же рев оборвался, перешел в захлебывающийся хрип. Снова отчаянно залаял Аргус.

В лицо учителю ударил яркий сноп света.

— Сергей, Сергей, — звал краевед.

— Помоги подняться.

Николай Павлович подхватил Одинцова под мышки, приподнял и поставил на ноги. Учитель прислонился к стене, его пошатывало, в голове не умолкал звон.

— Тебе плохо? Сильно он тебя помял?

Голос краеведа доносился словно из-под земли.

— Не очень. Сейчас пройдет, — Одинцов закашлялся.

— Что это было?

— Медведь, как ты и предсказывал. Посмотри.

Санин направил свет на мохнатую грудь на полу.

Возле зверя крутился и рычал Аргус.

— Это... ты его?

— Да, топором.

— И кажется, вовремя.

А в коридоре встревоженно гудели голоса доктора и ребят:

— Они прошли дальше.

— Нет, свернули сюда, в эту щель.

— Сережа, Николай Павлович, где вы?

Поддерживаемый товарищем, Одинцов вышел в коридор.

— Вот они! — выкрикнул радостно Миша. — Сергей Денисович, кого вы встретили?

Подошли Володя и Светлана, а потом и запыхавшийся Иван Антонович.

— Бог мой! — Мухин всплеснул руками. — Сережа, на кого ты похож! Кто тебя так отделал?

— Побывал в дружеских объятиях Топтыгина.

— Боролся с медведем? Но ведь это безумие.

— Я же не знал, что там медведь. А прикончил его Николай. Второй раз он спас мне жизнь.

— Будешь еще считать, — недовольно отозвался краевед. — Иван Антонович, займитесь-ка им, он еле стоит на ногах.

— И правда! Миша, Володя, костер. Живо! У нас еще осталось немного хвороста.

— Мы хотим посмотреть медведя, — сказал Миша. — Можно?

— Можно, только потом, — ответил начальник отряда. — Сначала я сам посмотрю.

И Санин снова скрылся в щели.

Разложили костер. При его свете доктор смазал Одинцову йодом все царапины, которых было довольно много.

— Кости-то он тебе не переломал, Сережа, — говорил Иван Антонович. — Ты еще дешево отделался. Предостерегал же я, так не послушали старика. А вот с рукой что-то неладно. Засучи-ка рукав. Вот так. Володя, посвети сюда. Ого, распухла! Сделаем компресс. Несколько дней походишь с перевязанной рукой.

Вернулся Санин.

— Зверь крупный. Мы легко с ним справились только потому, что он страшно тощий. Кожа да кости.

— Можно все-таки посмотреть? — нетерпеливо спросил Миша.

— Теперь можно.

Миша, а за ним и Володя направились к щели.

— Ребята, я с вами, — попросила Светлана. — Я никогда не видала живых медведей.

— Да он не живой, — поправил брат. — Ладно, иди уж.

Иван Антонович тоже захотел посмотреть на медведя, а когда вернулся к костру, сказал:

— Нет худа без добра. Пополним запасы продовольствия. Мишка действительно худющий, но мясо на нем кое—где есть.

— Интересно, как он попал в пещеру? — спросила Светлана.

— Очень просто, моя милая. Где-то нашел лаз. Уж не знаю, зачем ему понадобилось в него соваться. Может, из любопытства, а может, мишка надеялся чем-нибудь поживиться. Ну, а потом заблудился и выбраться не смог, стал пленником подземелья. Потому и отощал, есть ему в пещере нечего. Николай Павлович, вытащим добычу сюда.

— А справимся?

— Ребята помогут.

— Поможем, — с готовностью отозвался Володя.

— И я помогу, — учитель хотел встать.

— Нет, нет, Сережа, ты сиди, отдыхай, мы как-нибудь управимся.

Доктор, Санин и ребята с трудом выволокли медведя на освещенное костром место. Аргус прыгал вокруг людей, тащивших его поверженного врага, и громко, победно лаял.

— Ух и здоровущий! — восхищенно объявил Миша. — А почему он не убежал?

— Потому, что бежать было некуда, — объяснил Николай Павлович. — Маленькое ответвление кончается тупиком.

— Он мог напасть на нас, — в голосе Светланы послышался страх.

— Думаю, мог, — согласился Сергей Денисович, поправляя перевязь на руке. — Случаи нападения медведей на людей, правда, не так часты. Обычно зверь избегает встречи с человеком. Опасны шатуны.

— Шатуны? Кто такие?

— Медведи, которые вовремя не залегли в берлогу на зимнюю спячку, или среди зимы их кто-то потревожил. Такие медведи шатаются по лесу злые и голодные, зимой им питаться нечем.

Дальше сегодня решили не идти, а расположиться на отдых здесь же, в коридоре. В отдыхе нуждались все. Пос-

ледные события и волнения особенно сильно утомили туристов. Доктор с помощью Санина освежевал медведя и жарил хороший кусок мяса на огне. После ужина улеглись спать. Николай Павлович и Мухин решили попеременно дежурить: могли вернуться крысы или появиться вторая волна кочующих грызунов, а это не сулило ничего хорошего.

Начальник отряда дежурил первым. Пристроившись на камне, он достал записную книжку, порядком истрепанную за дни скитаний в пещере, и стал записывать последние события.

«Возможно, пещерные крысы искали воду, — писал Николай Павлович, — а может, другая, неизвестная нам причина, заставила животных собраться в одном месте в таком огромном количестве и куда-то передвигаться. Подобные случаи известны. Что касается медведя, то этот несчастный пленник подземелья, как назвал его доктор Мухин, заставил нас пережить немало тревожных минут. Это он пугал всех своим ревом. Вероятно, медведь бродил в пещере давно, отощал и справиться с ним было не так трудно. Тем не менее он сильно помял Одинцова, и не подоспей я — неизвестно, чем бы все кончилось».

Глава 20

И СНОВА В ПУТЬ

Ночь прошла спокойно: ни Санин, ни Мухин не заметили ничего подозрительного. И, наверное, поэтому путешественники проспали дольше обычного. После завтрака доктор нагрузил медвежьим мясом свой рюкзак и рюкзаки

товарищей. Одинцова он хотел освободить от добавочного груза, но учитель решительно запротестовал.

— Если у меня побаливает рука, то это не значит, что я не могу нести груз наравне со всеми. Другой вопрос — надо ли столько брать.

— Пригодится, продуктов у нас мало. И еще неизвестно, сколько будем блуждать.

— Надеюсь, немного.

— И я надеюсь. А медвежатины все-таки возьмем побольше.

Володя прислушивался к разговору отца с доктором.

— Иван Антонович, вы же ведете счет дням. Сколько мы в пещере? — спросил он.

— Больше недели, если я не ошибаюсь.

— А мне кажется, много-много дней, может быть, месяц или даже больше.

Доктор потрепал Володю по плечу.

— Это только кажется, дружок.

Прибежал рыскавший где-то Аргус и положил к ногам хозяина крупного черного зверька. Учитель осветил фонариком добычу сеттера и брезгливо отшвырнул ногой.

— Крыса!

— Крыса? — с интересом переспросил Мухин. — Как я и полагал, твой пес уже давно промышляет такими животными. Вот разгадка его упитанности. А сегодня он не только до отвала наелся сам, но и тебя решил угостить. Между прочим, Сережа, ты собирался поохотиться на этих зверьков.

— Прошу тебя, перестань, — перебил Сергей Денисович. — Меня мутит от таких слов.

— Зверек как зверек, — доктор словно не слышал товарища. Он подошел к добыче Аргуса. Миша и Володя тоже заинтересовались рядовым той армии, с которой недавно они так доблестно сражались. Светлана предпочла остаться на месте: она сделала вид, что помогает учителю увязывать рюкзак.

— Вот видите, ребята, — объяснял Мухин, — пещерная крыса, в отличие от обычной, совсем слепая. Это оттого,

что она всю жизнь проводит под землей. Глаза зверьку стали не нужны. Они атрофировались. Зато другие чувства — слух, обоняние — развиты гораздо сильнее, чем у их сородичей, обитающих в домах и продовольственных складах.

— Пора отправляться в путь, — объявил начальник отряда. — Сегодня мы и так выступаем с опозданием. Осталось всего несколько свечей, фонарики заряжены последними батарейками. Не забывайте об этом и расходуйте свет экономно. Запасы воды тоже кончаются.

— В путь, так в путь, — Одинцов поднялся. Поврежденную руку он держал на перевязи. — «Турист в движении жизнь ведет, в движении...»

— Ну, если ты после вчерашнего приключения уже петь можешь, тогда все в порядке. Первым пойду я.

И Николай Павлович пошел впереди отряда, освещая коридор фонарем. Аргус по обыкновению бежал рядом с хозяином. Миша и Володя тихонько переговаривались: у них еще не улеглись впечатления от встречи с медведем. Ребята строили самые невероятные предположения, стараясь догадаться, зачем зверю понадобилось лезть в пещеру и долго ли он в ней бродил. Светлана не вмешивалась в их разговор, думая о чем-то своем.

— Ты что невеселая? — Санин взял ее под руку. — Тебе нездоровится?

— Здоровится. Мишука жалко, Николай Павлович. И потом... вот вы говорили, что он долго ходил по пещере, потому и худющий. Уж если медведь не мог выбраться...

— То и мы не сумеем? Это тебя пугает?

— Да, — честно призналась девочка. — Скажите, а можно жить в пещере?

— По правде говоря, не знаю. Даже в наше время пещеры изучены еще мало. А между тем это своеобразный и интересный мир. Для ученых здесь много работы. Известно, например, что в большинстве пещер температура всегда держится на одном уровне.

Обычно это десять — пять градусов выше нуля. В холодную погоду теплый воздух подземелий устремляется нару-

жу, а в жаркую — с поверхности в пещеру. Получается отличная вентиляция. В некоторых пещерах есть вода: ручьи, реки и большие озера; есть и жизнь под землей: насекомые, животные — постоянные обитатели, а не такие случайные гости, как наш медведь. В пещерах обитают крысы, поселяются летучие мыши, а в ближних к выходу залах — даже голуби. Но человек, попав в пещеру, вряд ли смог бы приспособиться к жизни в ее условиях.

— И, по-моему, тоже. Здесь всегда темно.

— Вот это самое страшное. В темноте человек беспомощен, ты сама убедилась.

Миша и Володя, оставив свои разговоры, прислушивались к словам Санина.

— Николай Павлович, а сколько мог бы человек прожить под землей? — спросил Миша.

— Я не специалист по пещерам, но, насколько мне известно, такого опыта еще не ставили, — засмеялся краевед. — По-моему, все зависит от условий и от человека, который решится на подобный эксперимент. Я имею в виду, прежде всего, его здоровье. Недавно появилась книга французского спелеолога Кастере «Десять лет под землей...»

— Десять лет! — присвистнул Володя.

— Десять. Этот ученый посвятил большую часть своей жизни исследованию подземного мира. Вы понимаете, что Кастере не провел десять лет в одной пещере, не выходя из нее. Ученый много раз спускался в разные пещеры и часто бывал на краю гибели. Попадал в подземные водопады, висел над пропастью вниз головой, нырял под погруженный в воду потолок пещеры, разгуливал по льду подземных озер. В Пиренеях, вблизи селения Монтеспан, под дном подземной реки он открыл туннель и вход в сухую галерею. Галерея вывела отважного исследователя в зал, где он нашел глиняные статуи мамонта, бизона, лошади, оленя, гиены. Возраст статуй ученые определили в двадцать тысяч лет. В другой раз Кастере обнаружил в подземном гро-

те много доисторических рисунков, а также орудия труда доисторических людей.

— Другой французский ученый — Мишель Сиффр, — продолжал Николай Павлович, — спустился к подземному леднику Скарассон где-то в районе франко-итальянской границы. Он хотел не только изучить подземный ледник, но и испытать на себе физиологические и психические последствия длительного одиночества, состояние человека, потерявшего чувство времени. Замечу, что Мишелю Сиффру всего 24 года. Он пробыл под землей в полном одиночестве два месяца.

— Два месяца! — не удержалась от восклицания Светлана. — Один? Как ему, наверное, было страшно!

— Опыт закончился вполне благополучно, хотя ученый, потеряв ориентировку, ошибся при подсчете времени почти на месяц. С ним происходили странные вещи. Примерно спустя месяц он начал чувствовать сильную усталость, темнота раздражала его, он стал рассеянным. Например, принимал телефон за магнитофон...

— За магнитофон? — Миша засмеялся. — Вот чудак! А еще ученый. Я бы не перепутал.

— Не перебивай, Мишка, — сердито сказал Володя. — «Я бы, я бы!» Вот посадить тебя на месяц в пещеру, так телефон с телевизором спутаешь. Николай Павлович, еще про этого ученого, а?

— Еще? Ну, вот например, Мишель Сиффр писал свой дневник красными чернилами, ему надоел черный цвет. Он считает, что красный приятнее. Голубой и зеленый напоминают черный, желтый его раздражал. Ученый пришел к выводу, что под землей нужны светлые и теплые тона.

— Нашу пещеру тоже надо исследовать, — мечтательно произнес Володя, — вот когда я окончу школу...

— Снова придешь сюда? — dokonчила Светлана. — Ты опоздаешь, Миклухо-Маклай. Здесь побывают раньше тебя и не останется ни одного неизученного уголка. Узнают и тайну каменных идолов.

— Между прочим, ребята, Мишель Сиффр в 13 лет (правда, в порядке исключения) был принят в члены француз-

ского Альпийского клуба, в секцию спелеологов. В 17 лет он участвовал в кругосветном плавании на океанографическом судне, а в 20 зарегистрировал 37 научных сообщений в Академии наук. В 21 год Мишель получил диплом об окончании Сорбонны и в 22 года возглавил геологическую экспедицию на острове Цейлон. Вот так, ребята. А вам, кстати, сколько лет?

— Мне тринадцать, — гордо сказал Володя. — И Мишке тоже...

— А вот и нет! Я старше тебя на целых четыре месяца.

— Подумаешь, четыре месяца! Не задавайся.

— Не ссорьтесь, ребята. Тринадцать лет — отличный возраст. Впереди у вас много интересного. Каждый выберет себе дело по душе и смело пойдет к цели. Я еще надеюсь дожить до тех дней, когда услышу о ваших славных делах, и тогда с гордостью скажу: этих ребят я знал, когда им было по тринадцать лет.

За интересным разговором время летело незаметно. К тому же и путь был сравнительно легкий, если не считать встречавшихся камней, осыпей, небольших спусков и подъемов. Подошла пора сделать обеденный привал. Мухин что-то долго подсчитывал на пальцах, беззвучно шевелил губами и наконец, с глубоким вздохом склонился над своим «гастрономом». На полиэтиленовой скатерти появилась банка тушеного мяса, банка сгущенного молока и несколько сухарей.

— Прошу к столу, — и доктор широким жестом показал на приготовленные яства.

Голод постоянно мучил туристов, но никто не поспешил «к столу». Ребята ждали, когда начнут есть старшие. Получив свою порцию, каждый, не торопясь, приступал к обеду. Одинокая свеча колеблющимся светом озаряла усталые изможденные лица.

— Конечно, обедом это не назовешь, — говорил Иван Антонович, глядя в лица спутников, — легкая закуска, пожалуй, даже чересчур легкая. Вот если бы у нас остался еще хворост, то на вечернем привале можно устроить

великолепный пир... Шашлык из медвежатины, суп, ну и кофе...

Мухин замолчал. На его слова никто не отозвался. Даже заманчивая картина ужина не произвела впечатления. Сергей Денисович задумчиво массировал больную руку, краевед листал записную книжку и делал пометки. Ребята, кончив есть, лежали, подложив под головы рюкзаки, и против обыкновения молчали.

Поддавшись общему настроению, доктор не пытался больше завязать разговор. Аккуратно свернув скатерть и завязав рюкзак, он посмотрел на часы, а потом на Санина.

— Пойдем дальше?

— Пора. Как с водой?

— Плохо, Николай Павлович. Если сегодня не найдем воду, придется опять перейти на лимит.

— Будем искать. Выступаем, друзья.

И снова маленький отряд туристов двинулся в путь по извилистому коридору, карабкаясь по камням, обходя трещины и сгибаясь под низко нависающим потолком. Санин опять шел первым, освещая путь, проверяя палкой каждое сомнительное место. Если встречалось препятствие, начальник отряда предупреждал товарищей. Тогда зажигали еще несколько фонарей и благополучно обходили опасное место.

Глава 21

НАХОДКА

Утомленные большим переходом, путешественники подыскивали место для ночлега. Воду не нашли, и это еще больше омрачило настроение. Даже Иван Антонович приуныл.

Начальник отряда остановился и поднял руку с фонарем. Желтое пятно заскользило по серому, шероховатому камню. Санин увидел грубо нарисованную стрелу. Он подождал, пока подтянулись остальные туристы.

— Еще один знак. Точно такая же стрела, какие мы уже встречали. Коридор здесь снова разветвляется. И если стрела показывает верное направление, надо повернуть влево.

— Так в чем же дело? — спросил Одинцов. — Пойдем, куда показывает стрела.

— А если тот, кто ставил знаки, сам не знал, куда шел, и просто отмечал путь? Заметь, стрелы обычно мы находим там, где коридор раздваивается и надо выбрать одно из двух направлений.

— Доверимся указателю и на этот раз. Время делать привал на ночлег.

Доктор и ребята ждали, что решат Санин и Одинцов. Наконец начальник отряда свернул влево, и все гуськом двинулись за ним по узкому проходу. Очень скоро они попали в большой зал, напоминавший давно пройденный Волшебный грот. Здесь тоже поднимались сталагмиты, а с потолка в них целились копы сталактитов, в центре зала и вдоль стен высились колонны самых причудливых форм. Но туристам было не до любования красотами. Они надеялись найти здесь воду.

И снова повезло Володе: среди камней он увидел небольшое углубление с кристально чистой водой.

— Идите сюда, — позвал Володя, размахивая фонариком, чтобы привлечь внимание. — Здесь есть вода.

Когда туристы подошли к мальчику, тот стоял на коленях, пытаясь сдвинуть большой камень.

— Она была! Только что... и вдруг куда-то пропала.

— Кто «она»? — не понял отец. — Зачем ты хочешь сдвинуть камень?

— Да вода же! Вот только что была тут, в ямке. Видишь, камни еще мокрые. И вдруг — утекла. Вот сюда.

— А ты, Вовка, случайно, не того?.. — Миша сделал неопределенный жест.

— Чего «того»? — передразнил Володя. — Это ты, может, «того». Когда я вас позвал, здесь была вода.

— М-да... — Иван Антонович пощупал мокрые камни. — Была-то была... да утекла. Иметь бы волшебную палочку, прикоснуться ею к этим камням, вот так, как делаю этой палкой я, и сказать: да будет вода!

Едва доктор произнес последнее слово, как из-под камня на дне ямки брызнул фонтан. Это было настолько неожиданно, что возглас изумления невольно вырвался у всех сразу, даже у краеведа.

— Иван Антонович! Вы волшебник! — Светлана во все глаза смотрела на Мухина. — И палка у вас волшебная!

— Вот это чудо так чудо! — добавил восхищенный Миша.

Между тем вода быстро заполнила углубление, поглотила фонтанчик и все прибывала, бурля и разбрасывая сверкающие брызги.

— Я же говорил! — Володя торжествующе посмотрел на отца и Мишу. — А ты — «того».

Путешественники черпали кружками воду, наполняя фляги. Светлана вскрикнула:

— Ой, какая холодная! Зубы ломит.

Не прошло и пяти минут, как вода в источнике успокоилась и... так же быстро стала убывать. Она стекала под камень, который незадолго перед этим хотел сдвинуть Володя. Еще минута — и в углублении остались только мокрые камни.

— Иван Антонович, давайте скорей волшебную палку, — весело сказал Миша. — Пусть опять брызнет вода, я еще не налил флягу.

— Сейчас, сейчас, — заторопился доктор, отыскивая палку. Он снова коснулся камней: — Да будет вода!

Но вода не показалась.

— На этот раз чуда не получилось, — разочарованно протянул Миша. — Может, вы не тем концом, а?

— Здесь нет чуда, — заговорил Николай Павлович. — Это так называемый перемежающийся источник. Такие встре-

чаются иногда. Если я не ошибся, через минуту-другую вода опять появится.

Действительно, и без «волшебной» докторской палки снова забил фонтанчик, а потом вода забурилась, заполнив все углубление.

— Спешите, вода опять убежит.

Все вволю напились и наполнили фляги. Только после этого Светлана, глядя на Николая Павловича, сказала:

— Назовем зал Колонным, вон сколько здесь колонн.

— Вполне подходящее название, если никто не возражает, я так и запишу.

Но никто не слушал, о чем говорили начальник отряда и Светлана, и потому возражений не было. Николай Павлович вписал название зала в записную книжку и пометил на карте.

— Сделаем здесь привал, — объявил он. — Иван Антонович, можете выполнить свое обещание: угостить нас великолепным ужином.

Доктор снял шляпу и почесал затылок.

— Не состоится ужин. Хворосту не осталось.

— Экая досада. А я размышлял о шашлыке. Ну что ж, обойдемся без шашлыка. Хорошо и то, что нашли воду.

— Николай Павлович! — вдруг послышался возглас Миши. — Здесь лежит чурбан. Большо-ой!

Голос его звенел от радости. Санин и доктор поспешили к Мише. У стены среди обломков известняка лежал обрубок дерева около метра длиной.

— Великолепная находка! — Иван Антонович нагнулся к чурбану. — Ого! Тяжелый. Миша, помоги-ка мне.

Вдвоем они выкатили обрубок дерева на середину зала. Вокруг них собрались все туристы.

— Знаете, друзья, что это такое? — вопрошал оживившийся Иван Антонович.

— Обыкновенный чурбан, — ответил Володя.

— Ошибаешься! Это суп, это шашлык, это даже, может быть, каша и чай. Дайте мне топор. Где топор?

Мухину подали топор, и он, поплевав на руки как заправский дровосек, принялся за дело. Дерево попалося креп-

кое. Иван Антонович порядком вспотел, прежде чем нарубил кучу щепы. Его сменил Миша, а потом Володя. Тут же между двумя камнями развели маленький костер и поставили на огонь котелок с водой. Светлана помогала доктору готовить обед. Передав ей наблюдение за котелком, Иван Антонович нащепал тонких длинных лучинок и зачистил их. Потом он нарезал маленькими кусочками мясо и нанизал на заготовленные палочки. Все это Мухин делал не торопясь и аккуратно, как всегда. Палочки с мясом доктор положил на пышущие жаром угли. По залу разнесся дразнящий запах.

— Чем так вкусно пахнет? — поинтересовался учитель.

— Не догадываешься? А еще на Кавказе был, — и доктор, неожиданно изменив тон, заговорил с грузинским акцентом: — Паедем, дарагой, на Кавказ. Шашлик кушать будишь, кишмиш кушать будишь.

Сергей Денисович и Светлана рассмеялись, до того это забавно получилось у доктора.

— Не подозревал в тебе такого таланта, Иван. Ты актер. И великолепный.

— Когда-то играл. В самодеятельном коллективе, — скромно пояснил Мухин. — И, говорили, неплохо... Света, как там у тебя?

— Суп готов, — девочка помешала ложкой в котелке, зачерпнула немного дымящейся жидкости.

— Сергей Денисович, попробуйте. Не пересолила?

— Чудесный суп. Иван, ты кудесник, и у тебя отличная помощница. Не знаю, что бы мы делали без вас.

— То же самое, — ответил польщенный доктор. — Дело не во мне и Свете, а в продуктах, которые, увы! кончаются. А вот что будем делать без продуктов...

Из темноты появился начальник отряда, остановился на грани освещенного круга. Багровые отблески костра упали на его лицо. Николай Павлович был взволнован, и все это сразу заметили.

— Что еще случилось? — тревожно спросил Одинцов.

— Ничего не случилось. Я нашел вот это, — Санин показал небольшой сверток. — У выхода из зала, вон там.

Учитель взял сверток, наклонился к костру.

— Можно посмотреть?

— Конечно, только, пожалуйста, осторожно.

Доктор бросил палочки с шашлыком и, суетливо поправляя сползшие на кончик носа очки, спрашивал:

— Что там, в свертке? Ну же, Сережа, показывай.

Сергей Денисович протянул находку Санину.

— Лучше уж ты сам, Николай. Не умею я обращаться с такими штуками.

Краевед, с беспокойством следивший за учителем, охотно принял сверток.

— Сейчас посмотрим.

Подошли Миша и Володя.

— Ужинать скоро будем? — спросил Миша. — Есть хочется... Николай Павлович, что вы делаете?

— Тс-с! — остановила его сестра. — Не мешай.

Пять пар глаз напряженно смотрели на Санина. А он, не торопясь, отыскал узелок, долго копался, развязывая его, и наконец снял бумажную обертку. В руках у Николая Павловича оказались три свернутые в трубку тетради.

— Тетради, — сильно волнуясь, сказал Санин. — Я почему-то сразу подумал, что в свертке бумаги.

Он осторожно расправил одну из тетрадей и еще ближе придвинулся к костру. Перевернул несколько страниц, исписанных сверху донизу химическим карандашом. Местами на страницах расплзлись бесформенные пятна, как будто сюда попала вода. Часть листов слиплась, их нельзя было разъединить, не рискуя порвать.

— Читай, — попросил Одинцов. Волнение краеведа передалось и ему.

— Читайте! Читайте!

— Очень плохо видно, — словно извиняясь, сказал Николай Павлович. — Мало света. Друзья, это дневники. Вот числа: мая двадцать первого, мая двадцать третьего. И так далее...

— Сделаем так, Николай, — предложил учитель. — Сейчас поужинаем, а потом ты намчитаешь.

При упоминании об ужине Светлана бросилась к котелку с супом, а доктор — к палочкам с шашлыком, от которых шел горьковатый дым.

Николай Павлович бережно завернул тетради в бумагу. Путешественники достали кружки, заменявшие им тарелки, и Мухин разлил горячую, на диво ароматную жидкость.

Все ели торопливо, до того велико было у каждого желание поскорее послушать записи в дневниках. Миша и Володя первыми управились с супом и шашлыком и вызвались нацепить лучины, чтобы светить Санину, когда он будет читать дневники.

Все уселись вокруг Николая Павловича. Он торжественно достал первую тетрадь и чуть глуховатым голосом начал читать.

Глава 22

«ЗАВТРА УТРОМ...»

«Мая 21 дня. В пути мы уже третий день. Полагаю, прошли верст пятьдесят. Устал я изрядно, а вот Алеше хоть бы что. Он бодр и весел, как всегда. Путь наш был труден, почти все время шли лесом. Нет здесь ни дорог, ни тропок. Я поздравил себя с тем, что не ошибся в выборе спутника. Но Алеше ничего не сказал.

Собственно, Алешу я не выбирал, вначале-то один собирался отправиться, а потом уж так случилось, что он пошел со мною. Алеша часто бывал у нас в доме, помогал по хозяйству, выполнял мелкие поручения. В школе он учился прилежно, и я советовал родителям отдать паренька в гимназию, обещая похлопотать и

все устроить. Но батюшка Алеши рассудил иначе.

— Будет с него науки, — сказал он мне, — выучен читать и писать, чего еще? Опять же считать умеет. Пусть в лавку садится, помогает отцу.

И Алеша «сел в лавку». Отец его — мелкий хлеботорговец — сам был неграмотен, держал приказчика, который и вел все дела. А потом узналось, что приказчик сей был на руку не чист и батюшка Алешин выгнал его. Вот Алеша и стал вроде приказчика.

Зайду иной раз к нему в лавку, спрошу:

— Как живешь, Алеша?

— Спасибо за внимание, Василий Федорович, — ответит парень учтиво, а сам вздохнет. — Хорошо.

Вот это его «хорошо» меня как ножом по сердцу. Поговорим — и вроде легче каждому станет. А бывало, заглянет в лавку батюшка Алеши, нахмурится.

— Нечего лясы точить, займись делом, Алешка, — скажет. — Вон из Раздольного муку привезли.

— Сейчас, тятенька, — и парень, кивнув мне на прощанье, убежит во двор.

Когда началась война, батюшку Алеши забрали в солдаты. Приехал дядя по матери и все дела в свои руки взял. Алеша с дядей не ужился, между ними часто бывали ссоры. Как-то вечером зашел Алеша ко мне, а я письмо Евгения Павловича Самарского только что получил.

— Как живешь, Алеша, — спросил я по привычке. Знал, худо он живет: матушка больна, дядя покоя не дает, да еще и выгнать из лавки грозит.

— Разве это жизнь, — ответил Алеша, — мая-

та одна. Уйду в город. Там, рассказывают, сейчас на заводы людей берут.

— Так ведь надо работу знать. И город от нашего села далеко.

— Это ничего, доеду с хлебным обозом. Ремеслу, какому ни на есть, выучусь.

Помолчали. И ему горько, и мне тяжело.

— Письмо получили, Василий Федорович? — спросил Алеша и показал на конверт, который я вертел в руках. — Не с фронта ли?

— С фронта мне писать некому, — ответил ему. — А письмо получил я от старого своего друга из Екатеринбурга.

И рассказал ему, что просил меня Самарский об услуге. Прошлым летом Евгений Павлович отыскал в каком-то архиве карту и при ней письмо. Неизвестный путешественник описывал открытую им пещеру и чудеса, которые он там повидал. Вот Самарский и просил узнать, есть ли такая пещера в наших краях, а если есть, то побывать в ней и все ему подробно описать.

— Что же вы? Пойдете? — спросил Алеша.

— Надо бы, да одному такое путешествие не под силу. И годы мои уж не те, чтобы по горам лазать.

— Зачем же одному, — воскликнул Алеша.

— Меня возьмите. Найдем эту пещеру, если она есть.

«В самом деле, почему бы не взять?» — подумал я.

Вот так через неделю мы и отправились в путь.

Мая 23 дня. Карта, нарисованная неизвестным путешественником, удивительно точно привела нас к Барсучьему ручью, а затем и к тому месту, что было обозначено на карте под названием Голубой поляны. Последний пере-

ход меня так вымотал, что уж и не рад я стал затеянному делу. Слава богу, дальше идти не понадобилось. В письме все было точно описано. По приметам нашли пещеру.

Алеша отмерил тридцать два шага от Барсучьего ручья на северо-запад, и за кустами открылась нам узкая щель. Это, надо полагать, и есть вход в пещеру.

Ночь мы решили провести на Голубой поляне, а утром с божьей помощью начать свое дело.

Пока я все это записывал, Алеша успел разложить костер, приготовить ужин и нарубить смолья. В пещере мы пробудем дня четыре, а может, и неделю. У нас припасены свечи, да еще фонарь и к нему две бутылки керосину. Алеша сказал, что неплохо захватить с собой вязанку смолья, и я с ним согласился.

Уж звезды высыпали на небе, когда мы все хлопоты закончили. А завтра утром...»

Николай Павлович замолчал. Слушатели нетерпеливо покашливали.

— Завтра утром, — подсказал Миша. — Читайте дальше, Николай Павлович.

— Дальше невозможно ничего разобрать. Листы слиплись, буквы расплылись. Видимо, в дневник попала вода.

— Тогда пропусти несколько страниц, — посоветовал учитель.

В ответ Санин показал часы.

— А не хватит ли на сегодня? Время отдыхать.

— Мы не устали, еще послушаем, — просительно сказал Володя. — Почитайте. Интересно же, что было завтра утром.

— Мне не меньше твоего хочется это узнать, — строго сказал Санин. — И всем хочется. На каждом привале будем читать по несколько страниц. А сейчас — спать.

— Тысяча и одна ночь, — вздохнул Володя. — Пойдем, Мишка, постели делать.

Доктор и учитель тоже не стали упрашивать начальника отряда еще почитать, знали: он не поддается уговорам. Устраивались спать кто как мог.

— Мальчишки, а как, по-вашему, что было дальше? — спросила Светлана.

— Дальше? — Володя повернулся на бок и подпер голову рукой. — Они, ясное дело, спустились в пещеру и пошли. Помните, мы с Николаем Павловичем первые увидели стрелу и под ней надпись? Там было написано... Ага, там было написано всего четыре слова: «Были здесь... давно... снова». Запомнить легко. Это они написали — Василий Федорович и Алеша.

— И стрелы тоже они рисовали, — добавила Светлана.

— Понятно, они, — отозвался Миша, — кто же еще.

— Постой, Мишка, а ведь в дневнике сказано, что кто-то до них побывал в пещере. Какой-то путешественник. Он и карту нарисовал. С этой картой шли Василий Федорович и Алеша.

— Нам бы карту, — опять перебил Миша, — мы бы живо выбрались отсюда. Может, она в тех тетрадках, а?

Светлана вздохнула.

— Наверное, они потеряли карту и заблудились.

— Выдумашь! — проворчал брат. — Уж карту-то они берегли, знали, что без нее им не выбраться.

— Потеряли же дневники.

— Затвердила: потеряли, потеряли. Тебе очень хочется, чтобы они заблудились, да?

— Да нет...

— Тогда молчи лучше.

Ребята еще поспорили, высказывая разные догадки о судьбе Василия Федоровича и его спутника. Но мало-помалу голоса утихли, усталость взяла свое, и все трое крепко уснули.

Утром доктор по обыкновению осмотрел товарищей, справился о самочувствии. Осмотром он остался доволен и дал команду умываться, благо воды было вдоволь.

Покинув Колонный зал, туристы снова попали в коридор. Но теперь он был шире, просторнее. А через несколь-

ко часов все заметили удивительное явление: темнота, постоянно окружавшая людей, как будто стала менее плотной, словно в пещере начинался пасмурный рассвет. Путешественники заволновались.

— Где-то близко выход, — возбужденно говорил Иван Антонович. — Как же еще можно объяснить это явление. Прибавим шаг, друзья.

— Выход близко, факт, — радостно вторил Миша Глебов. — Я уже вижу твое лицо, Володька.

— И я твое вижу, — отозвался товарищ. — Под носом у тебя сажа, будто усы.

— Мальчишки, смотрите. — Светлана вытянула руку и пошевелила пальцами. — Шевелятся! Видно!

В коридоре все более светлело. Теперь туристы видели не только друг друга, но и мрачные каменные своды, нависшие над ними, и обломки камней, и трещины, змеями расползавшиеся по стенам и по полу коридора. Санин погасил фонарик, надобность в нем отпала.

— Но если близко выход, — с удивлением говорил Сергей Денисович, — то какой же это огромный лаз! Он не может оставаться незамеченным. Местные жители должны о нем знать.

— А ты не допускаешь, Сережа, что лаз прикрывают кусты или деревья, как там, где мы вошли в пещеру? — возразил Мухин. — И добраться к нему, наверное, совсем нелегко.

— Не спорьте, — вмешался начальник отряда. — Если даже вход в пещеру ничем не прикрыт и местные жители о нем знают, что из того? Не так-то много охотников бродить под землей. И не забывайте: с пещерами часто связывают предания и страшные истории, а это отпугивает любопытных. Потерпите еще немного, скоро мы все узнаем. А сейчас пора делать привал. Или пойдем дальше?

Нетерпение было так велико, что все отказались от отдыха, несмотря на усталость.

— Сегодня будем ночевать в лесу, — радостно говорили ребята. — Увидим небо, звезды! И будут шуметь деревья.

Мухин достал часы.

- Это еще что за новости?!
- Какие новости? — спросил Сергей Денисович.
- По моим расчетам, сейчас девять часов вечера. Следовательно, должно смеркаться. А в пещере светает.
- М—да... Что-то и в самом деле не так.

Путешественники зашагали быстрее, словно опасаясь что свет исчезнет. Но, если у кого и были такие опасения, то они скоро рассеялись. Свет усиливался, стали видны даже мелкие предметы. Потолок коридора все поднимался, как бы образуя гигантский навес, а стены, изгибаясь, расходились вправо и влево.

Светлана нагнулась и радостно вскрикнула.

— Володя! Миша! Смотрите, трава! Настоящая трава! Она показала мальчикам пучок желто-зеленой травы.

— Покажи-ка и мне, — Иван Антонович снял очки, протер стекла и стал разглядывать травинки, словно то была необыкновенная редкость.

— А вот еще! — крикнул Миша.

— Я тоже нашел! Смотрите все! — послышался возглас Володи.

На каменистой почве кое-где виднелись пучки травы. И чем дальше шли туристы, тем больше было травы. Она уже стелилась сплошным ковром. Но самое удивительное было впереди. Поднявшись на небольшое возвышение, путешественники увидели темную широкую полосу.

— Озеро! — воскликнул Сергей Денисович. — Озеро!

Глава 23

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЛНЦЕ!

Учитель не ошибся: перед туристами расстилалась зеленовато-серая гладь большого озера. Берег, на котором стояли люди, полого спускался к воде, а справа и слева отвесно поднимались скалы. Их вершины уходили в туманную высь. Противоположный берег рисовался размывчатыми очертаниями. Издали вода казалась тусклой как засывший свинец, — ни волны, ни ряби. Озеро словно заснуло. Влажный теплый воздух тоже был неподвижен.

Из-за облаков выглянуло солнце — большое, ослепительное, жаркое. И все вокруг мгновенно преобразилось: ярче, сочнее стала зелень травы, серые камни покрылись теплой желтизной, тысячами бликов вспыхнула, заискрилась вода в озере.

— Урр-ра! — дружно закричали Миша, Володя и Света. — Мы на свободе! Ой, как здорово! Урр-ра! Урр-ра!

— Да здравствует солнце, да скроется тьма! — с чувством продекламировал учитель. — Конец нашим мытарствам.

А доктор, сильно волнуясь, повторял восторженно:

— Свобода! Ведь это свобода, друзья! Как здесь легко дышится! Какой великолепный воздух!

Миша и Володя, приплясывая, побежали вперед, и Светлана устремилась за ними, обиженно крича:

— Мальчишки, мальчишки! Так нечестно. Я тоже с вами!

Возбуждение, охватившее путешественников, передалось и Аргусу. Сеттер принялся носиться вокруг людей, громко, радостно взлаивая.

Только Николай Павлович ничем не выдавал своих чувств. Он молча стоял, опершись на палку-посох, и не отрываясь смотрел на озеро.

— Доктор, — не поворачивая головы, сказал вдруг Санин. — Вы ошиблись. Ошиблись не на двенадцать часов... На много суток. Но это не ваша вина. Мишель Сиффр ошибся на месяц. А вот на сколько мы...

— Я, право, старался быть точным, — растерянно ответил Иван Антонович. — Что же теперь делать?

— Не это сейчас важно, — вмешался Сергей Денисович, — а вот кто скажет, где мы находимся? Николай, тебе знакомо это озеро?

— Нет, не припоминаю. Озеро трудно сразу узнать, если и бывал на нем раньше. Вон под скалой, что нависла козырьком, удобное место для привала.

— Не лучше ли спуститься ближе к озеру? Под рукой будет вода и топливо для костра. Я вижу кое-где деревья.

— У воды всегда холодно, а если подует ветер или пойдет дождь — нам негде будет укрыться. Осмотримся, отдохнем и будем пробираться к реке, к своему лагерю.

Доводы краеведа были убедительны, и туристы остановились под навесом скалы.

Сбросили рюкзаки и стали устраивать лагерь. Ни на минуту не умолкали громкие возбужденные голоса, все чаще слышались шутки. Аргус, круживший все время около людей, куда-то убежал. Вскоре его лай раздался в кустах на берегу озера.

— Мой пес промышляет себе завтрак, — пояснил Сергей Денисович. — Если там есть дичь, то и мы будем с добычей. Вот когда пригодится твое ружье, Иван.

— Насчет дичи не знаю, — заметил Мухин, — а уж рыба-то в озере должна быть. Ребята, готовьте снасти. После обеда пойдем рыбачить. И попробуйте накопать червей, потому что хлеба не осталось ни крошки.

Мише и Володе такое приглашение не надо было повторять дважды. Они развязали почти пустые рюкзаки, вытащили баночки с рыболовными принадлежностями и побежали к кустам срезать подходящие удилища.

Солнце опять скрылось за облаками, и краски сразу померкли.

После пережитой радости наступила странная апатия. Туристы смотрели на озеро, на кусты и скалы, изредка перебрасываясь короткими фразами. За время скитаний в пещере все похудели, одежда и обувь изодрались. Словом, вид у каждого был далеко не бравый.

— Как врач, я настаиваю, Николай Павлович, на длительном отдыхе, — заявил Мухин начальнику отряда. — Необходимо привести себя в порядок и набраться сил. Только тогда можно продолжать путь. Еще неизвестно, куда мы попали, может, придется немало шагать до ближайшего населенного пункта.

— Доктор, да я разве против отдыха? Он необходим. Проведем здесь сутки, а если мало — двое, трое. Давайте устраиваться капитально. Что же касается населенного пункта... Замечаете, какая здесь тишина? Не слышно ни гудка электровоза, ни шума трактора или автомашины. Даже коровы не мычат, — невесело закончил Санин.

И словно в ответ на его слова откуда-то с криком вылетело несколько серых птиц и повернуло к озеру.

— Вот, Иван, ты сокрушался, что здесь нет дичи, — заметил учитель. — Дай ружье, и я обеспечу отряд великолепным обедом.

— Великолепным! — доктор не заметил, что Одинцов умышленно воспользовался его любимым словечком. — Да разве обед из ворон может быть великолепным.

— Как?! Неужели это вороны?

— Сережа, Сережа, — Иван Антонович укоризненно покачал головой. — А еще охотник. Разумеется, вороны. Их кто-то вспугнул... Ребята ушли в другую сторону, а вот Аргус, кажется, шныряет среди камней. Но если мы видим ворон, то почему не быть и другим пернатым? Утки, например, это уже настоящая дичь, достойная выстрела моей «тулки».

— Все так. Но позволь привести высказывание известного советского орнитолога, ныне покойного профессора Бутурлина. Вот что он писал в «Настольной книжке охотника»: «Сорок и даже ворон я всегда ел с удовольствием. В Англии грачи считаются изысканным блюдом аристократии».

— Ну и пусть их едят на здоровье, — не сдавался Иван Антонович. — Во Франции лягушек едят и улиток. А я — коренной русак, предпочитаю не изысканные блюда, а простую вкусную и здоровую пищу.

— Присоединяюсь к доктору, — сказал Санин. — А кто объяснит, почему здесь так тихо и пустынно? Как будто нога человека не ступала на этот берег.

— Вот задача, над которой и я ломаю голову. И не нахожу ответа. Знаешь, Николай, мне почему-то тревожно. Нет радости, нет уверенности, что все уже позади, все лишения и опасности.

— Н-да... — кивнул краевед. — Понимаю. Но оставим пока наши сомнения при себе. Мы еще ничего толком не знаем.

— Не знаем, но хорошо уже, что над головой у нас опять небо, а не каменная толща.

Из-за кустов показались ребята. Они несли длинные прутья для удилищ и шляпы, наполненные чем-то серым.

— Иван Антонович! — еще издали закричала Светлана. — Иван Антонович, мы насобирали грибов. Здесь их много, можно набрать целый вагон.

— Пока столько не требуется, — засмеялся доктор. — Надо еще посмотреть, что за грибы. Может, вы набрали поганок и мухоморов. Давайте сюда вашу добычу.

Ребята вывалили на плащ-палатку крупные, с мясистыми шляпками грибы. Мухин взял один гриб, разломил и понюхал.

— Если не ошибаюсь, подосиновик. Великолепно! У нас будет изысканный обед. Сегодня мы поедем вволю, а правой послужит свежий воздух.

Иван Антонович положил в кучку разломленный гриб. Готовить обед на этот раз помогали все. Одни чистили грибы, другие носили воду, третьи заготавливали топливо и следили за костром. И ожидания изголодавшихся товарищей Мухин не обманул. Он приготовил отличное кушанье из грибов, в крышке от котелка, заменившей сковородку, поджарил мясо, а когда все было съедено, сварил кофе. Давно туристы не ели так вкусно и сытно, а главное — обедали не в мрачном подземелье, а на свежем воздухе, любуясь озером и голубым небом.

После обеда Иван Антонович пошел с ребятами к озеру. Учитель и краевед тоже решили побродить по прибрежным скалам и, если удастся, выяснить, куда попал отряд.

Иван Антонович подвел ребят к группе деревьев, росших у самого берега. Это были невысокие осины и березы с тонкими ветвями. По пути Володя вспугнул довольно крупное животное. Рассмотреть его не удалось — оно тут же скрылось в кустах. В болотистой низинке заметили несколько лягушек. При виде людей они зашлепали по воде, а потом повылазили на кочки, нimalo не смущаясь гостей. Над озером пролетали стайки птиц.

Рыболовы облюбовали на берегу места и закинули удочки. Некоторое время поплавки спокойно лежали на воде. Первой посчастливилось Светлане: поплавок ее удочки дрогнул и нырнул, оставив на воде медленно расходящиеся круги. Володя, стоявший рядом, увидел это.

— Чего зеваешь? Подсекай!

Девочка неумело взмахнула удилищем. В воздухе мелькнула крупная рыба и шлепнулась на берег.

— Чебак, — тоном опытного рыбака определил Володя. — А вот и у меня клюнуло!

Он ловко выбросил на берег плоскую блестящую рыбу.

— Как интересно! — Светлана торопливо нацепила на крючок червяка и взмахнула удилищем. — Я сейчас еще поймаю.

— Лови, только не махай так. Еще зацепишь меня крючком.

— Ладно, я буду осторожно. А мой чебак больше твоего. И тебе завидно.

— Скажешь! Я и побольше ловил.

Начало клевать и у других рыболовов.

— Нет ли в озере щук? — Иван Антонович посмотрел на Мишу. — Как думаешь?

— Наверное, нет. И вообще их лучше не ловить, — просто-сердечно ответил тот.

— Это почему?!

— Щука вас опять ищет.

— Э, сейчас я не в лодке. Чтобы стащить меня в озеро, нужна приличная акула или крокодил.

Доктор привязал к удилищу толстую капроновую леску, порывлся в карманах и достал большой пластмассовый поплавок и тройной якорек. Нацепив на якорек бойкого живца, Иван Антонович закинул снасть в воду. Белый с красным поплавок спокойно улегся рядом с листом одинокой кувшинки. Некоторое время доктор держал удилище в руках, ожидая поклевки. Потом ему это надоело, и он воткнул комель удилища в мокрый прибрежный песок.

Между тем ребята продолжали таскать окуней и чебаков. Наблюдая за ними, Иван Антонович совсем забыл о своей снасти. Вдруг Миша закричал:

— Ключуло! Ключуло!

Мухин бросился к снасти. Едва он успел схватить удилище, как оно согнулось в дугу, чертя тонким концом воду. Как и тогда, в лодке, между доктором и его добычей завязалась отчаянная борьба. Иван Антонович проявил подлинное искусство, умело маневрируя снастью. Туго натянутая леска звенела и угрожала лопнуть. Но вот сопротивление ослабло, и Мухин под торжествующие крики ребят выволок на берег крупную рыбу.

— Это щука? Щука? — Миша первый прибежал посмотреть на докторский трофей. — Когда плыли по Юрюзани, вы такую же поймали? Еще она вас...

— Икупала? Совершенно верно. То была щука. И сейчас перед тобой великолепный экземпляр хищницы той же породы.

Щука, светло-серая, в желтых пятнах, шевелила плавниками, свивалась в кольцо и снова выпрямлялась, как стальная пружина.

— Пойдемте в лагерь, — доктор посмотрел на часы. — Нас, наверное, заждались и будут беспокоиться. Кто понесет мою добычу?

Миша и Володя попятились от щуки, но, посмотрев друг на друга, устыдились минутного страха.

— Я! — одновременно воскликнули оба.

— Кто-нибудь один, — лукаво сказал доктор. — А впрочем...

Иван Антонович срезал гибкую ветку, пропустил ее через щучьи жабры и связал кольцом. В кольцо он продернул свое удилище.

— Несите!

Володя положил на плечо один конец удилища, Миша — второй, и рыболовы зашагали к лагерю. Хвост озерного хищника волочился по траве. Светлана и доктор несли остальной улов: три больших кукана с крупной рыбой.

Санин и Одинцов давно вернулись к биваку. Их прогулка была не так приятна. Они облазили правый берег, насколько было возможно. Нагромождения камней уходили в озеро, а дальше поднимались хотя и невысокие, но неприступные скалы. Взобраться на них, не имея альпинистского снаряжения и инструмента, нечего было и думать. Краевед и учитель вернулись.

— Если и слева скалы так же круто обрываются у самой воды, нам нелегко будет выбраться отсюда, — подвел итог Николай Павлович. — Тогда путь один: через озеро. Как считаешь?

— Ты будто подслушал мои мысли. А на чем переплывем озеро?

Начальник отряда пожал плечами.

— Ну, это дело будущего. Не будем пока говорить о наших подозрениях доктору и ребятам. Они уверены, что все хорошо. Не стоит их разочаровывать.

Когда рыболовы пришли в лагерь, учитель и краевед сидели около костра. Сергей Денисович безуспешно пытался заштопать многочисленные дыры на пиджаке.

— О! Да вас надо поздравить с большой удачей, — сказал Николай Павлович. — Как вы ухитрились поймать такого крокодила? Неужели на удочку?

— «Крокодила» поймали всей артелью, — ответил Мухин и рассказал, как было дело.

Заметно стемнело. В костер подбросили хворосту, и доктор, несмотря на усталость, с удовольствием занялся кулинарией. Как только появились грибы и рыба, настроение у него сразу поднялось. Иван Антонович шутил и смеялся, часто повторяя свое любимое «великолепно».

— Скоро будем дома, — говорил он Светлане, помогавшей готовить ужин. — Ты соскучилась о доме?

— Немножко. Что-то делает сейчас мама? Вы ее не знаете, Иван Антонович. Она так всегда беспокоится о нас с Мишей. Обещали писать каждую неделю, а послали всего одно письмо... Что она думает о нас?

— Думает, что вы неблагодарные дети.

— Вот и не угадали. Наша мама добрая, но ужасно беспокойная. Она, конечно, уже решила, что с нами что-то случилось. Сходила к Одинцовым и там узнала, что писем от Сергея Денисовича и Володи тоже давно нет. Тогда... тогда началась паника. Людмила Павловна, как и мама, из-за каждого пустяка волнуется. Вот они подождали еще немного, а потом заявили в милицию и во все места, куда еще можно заявить. Нас, наверное, уже разыскивают. Или... или считают погибшими...

— Подожди, подожди, — Иван Антонович с тревогой взглянул на девочку. — А моя жена? Что же она делает, не получая писем? Идет к Одинцовым, встречает там твою маму. А дальше... ты представляешь? Я боюсь это вообразить даже на минуту. Втроем они поставили всех на ноги, взбудо-

ражили весь город. Скажу тебе по секрету, каждый раз, когда я возвращаюсь с охоты или рыбалки, Антонина Васильевна заявляет, что больше я никуда не поеду, с нее хватит, что из-за меня она посидела на десять лет раньше и так далее и тому подобное. Но проходит время, и Антонина Васильевна все-таки отпускает меня на охоту. При этом она говорит: едешь в последний раз.

— Антонина Васильевна, наверное, вас очень-очень любит и потому беспокоится. Любит, да?

— Я, право, не знаю... э, то есть да. Ну, конечно же, она меня любит, она сама как-то призналась мне в этом... М-м... лет тридцать назад. Попробуй-ка уху, не пересолил ли я?

Ужинали туристы в темноте, только костер освещал площадку, разбрасывая искры.

— Николай Павлович, — доктор снял очки и стал протирать стекла, хотя в этом не было никакой нужды. — А ведь мы ждем.

— Ждете? Чего?

— Ну не прикидывайтесь. Вы же обещали читать дневник.

— Продолжение следует, — Одинцов подбросил в костер толстых веток. Пламя высоко взметнулось в черное небо, разбрасывая веселые искры.

Николай Павлович нехотя вытащил из рюкзака заветные тетради.

— Ну, ну, скупой рыцарь, поторапливайся.

— Честно говоря, совсем не хочется продолжать чтение, хотя я, как и вы, стораю от любопытства. Почему? Очень боюсь нечаянно испортить записи. Но, подчиняясь большинству, уступаю. Уговор такой: читаю только то, что хорошо разобрать. Лучше бы познакомиться с дневниками Василия Федоровича дома. Ненастными осенними вечерами, в уютной гостиной...

— Не фантазируй, Николай!

— Читайте сейчас.

— Читайте, читайте!

— Хорошо, хорошо, не шумите. — Начальник отряда раскрыл первую тетрадь.

Светлана, Володя и Миша придвинулись к нему, загляывая в дневник.

— «Июня первого дня. Вторая неделя, как мы в пещере. А может, третья? Не думал, не гадал, что мы столько пробудем здесь. Судя по расходу наших запасов, минуло не более недели...

Знаки на стенах находим не везде, где им полагалось быть. Весьма возможно, стрелы и надписи кое-где стерлись, их могло смыть водой в мокрых галереях и гротах...»

— Значит, не Василий Федорович рисовал стрелы, — удивился Одинцов, — а тот, кто побывал в пещере еще раньше.

Санин утвердительно кивнул головой.

— Извини меня. Продолжай, пожалуйста.

— «...Грот, в котором стоят таинственные идолы, все еще не встретили. А ведь это самое замечательное в пещере. Обидно возвращаться, не повидав идолов. Неужели мы где-то ошиблись? Все время сверяюсь с картой.

Июня третьего дня. Слава богу! После долгих блужданий разыскали мы этот грот. Стоят в нем вытесанные из целых глыб известняка шесть фигур. Полное подобие человеческому телу. Крайне сожалею, что я всего лишь скромный учитель и не смыслю в такого рода делах. Когда сюда пожалует Евгений Павлович, он, разумеется, даст всему надлежащее объяснение.

Алеша подавлен. Идолы потрясли его, как, впрочем, и меня. Просит рассказать, что это и как они сюда попали, а я, к стыду своему, и сам ничего толком не пойму. В темноте идолы светятся. Уж не наваждение ли?.. Ходим во-

крут статуй, щупаем их осторожно, говорим шепотом, а чего боимся — сами не знаем.

В этом гроте мы славно отдохнули, хотя были в нем не так и долго. Царапины наши и ушибы все болеть перестали. Непостижимо! Господи, что же это за чудо?

Пора бы и уходить, а мы не можем, сила магическая так и притягивает. Сколько смотрим — не насмотримся. Подумал я, с Алешей посоветовался, и решили мы не возвращаться на Голубую поляну: уж слишком далек и тяжел путь. Проще дальше идти, там недалеко и выход из пещеры. Только придется переходить через подземную речку, что на карте обозначена и названа Летой. Есть там мост деревянный. А может, и нет его, ведь столько лет прошло...

...На берегу того озера будем искать жилище путешественника, а уж затем переплывем на другой...»

Николай Павлович умолк.

— Здесь опять неразборчиво. До конца тетради все страницы испорчены. Можно разобрать лишь отдельные буквы и кое-где полные слова.

— Какая досада, — учитель пошарил по карманам, но вспомнил, что последнюю сигарету выкурил еще несколько дней назад. — Насколько я понял, речь шла о двух путях, ведущих из пещеры на поверхность. Именно это для нас особенно важно.

— Первым путем мы и воспользовались, — вставил Иван Антонович, очень внимательно слушавший и чтение дневника, и разговор учителя с краеведом. — А вот каков второй путь?

— Что толковать о втором пути. Не возвращаться же ради него в пещеру. В дневнике ясно сказано: надо переплыть озеро.

— Да, — согласился Санин, — ты верно рассуждаешь, Сергей. И все-таки, мне тоже хотелось бы узнать, что за второй путь. Незаконченная фраза в дневнике, наверное, содержала сведения об озере и его берегах.

— Еще вы читали про жилище среди скал, — несмело вставил Володя. — Вот бы его посмотреть.

— Жилище? Да-да. «На берегу того озера будем искать жилище путешественника...» Завтра можно и нам попробовать поискать его. Пожалуй, довольно читать, а?

— А две другие тетради? — спросил Мухин.

Николай Павлович достал тетради и осторожно раскрыл одну. Листы в ней так слиплись, что не отделялись друг от друга.

— Боюсь, записи погибли безвозвратно. Я не буду заниматься ими сейчас. Надо днем. Если посчастливится разыскать жилище, о котором упоминается в дневнике, быть может, там мы найдем еще кое-что.

Глава 24

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ КОРОТАЕВ

Мухин проснулся от легкого толчка в плечо. Думая, что рядом улегся Аргус, как он иногда делал, доктор проворчал:

— Пошел прочь, негодный пес, — и плотнее прикрылся курткой. Толчок настойчиво повторился. — Вот я тебя, нахала...

Иван Антонович повернулся и открыл глаза. При начинающемся рассвете он увидел смеющуюся Светлану.

— Света! — доктор сел, снял очки и протер стекла. — Как ты меня напугала.

— Я не хотела пугать. Просто немножко потрясла за плечо, а вы подумали, будто Аргус, и испугались. Нет, сначала рассердились, а потом испугались.

Сконфуженный Иван Антонович опять принялся за очки.

— Прости старика. Я и в самом деле подумал, что лезет Аргус. Зачем же ты разбудила меня в такую рань?

— И совсем не рань. Николай Павлович обещал искать жилище неизвестного путешественника. Надо готовить завтрак.

— Правильно. Как хорошо спится на вольном воздухе! — Доктор потянулся и зевнул. — С удовольствием поспал бы еще часок. Так что ж нам приготовить на завтрак? При таком обилии продуктов я даже теряюсь.

За завтраком начальник отряда сказал:

— Необходимо обследовать левый берег. От этого зависит, как действовать дальше. Возможно, посчастливится набрести на жилище неизвестного путешественника. Всем идти незачем...

Поднялся шум. Никто не хотел оставаться в лагере.

— Не шумите. Прогулка будет не из легких.

— А мы не боимся. В лагере все равно делать нечего.

— Хорошо, хорошо, — сдался Санин, отлично понимая настроение товарищей. — Тогда собирайтесь.

— Нищему собратся — подпоясаться, — весело сказал Одинцов. — Ребята, Иван, живо готовьтесь, пока начальник добрый и не раздумал.

Собственно, собираться было нечего. Все рюкзаки оставили в лагере, только доктор Мухин, как всегда, не захотел расстаться с ружьем.

Около километра прошли по берегу, покрытому травой и редким кустарником. Потом начался подъем на скалы. С каждым шагом идти было все труднее. Путешественники медленно взбирались на кручи, с опаской преодолевали трещины, часто возвращались поискать более легкий путь. Особенно тяжело приходилось Мухину и Санину, и очень скоро они выбились из сил. У довольно широкой расселины

доктор и краевед в замешательстве остановились. Николай Павлович жалобно досмотрел на Одинцова.

— Такого препятствия нам не одолеть. Ты с ребятами пройди еще немного, а я и Иван Антонович подождем вашего возвращения и полюбуемся с высоты чудесным видом на озеро.

— А вот здесь можно легко перебраться, — воскликнул Володя. — Идите все, тут вроде как тропка.

— Сейчас узнаю, — сказал Сергей Денисович Санину и пошел туда, где стоял сын.

— Верно, похоже на тропу. Николай, Иван, здесь-то вы переберетесь.

Туристы поднялись на ровную площадку. От нее началось что-то похожее на тропу. Идти по ней было легче. Неожиданно тропа свернула и уперлась в каменную стену, в середине которой виднелась треугольная щель. Сергей Денисович первым подошел к ней и заглянул внутрь.

— Небольшая пещера, — объявил он. — Войдем?

— Разумеется! — откликнулся начальник отряда. — Заходи, заходи, Сергей.

Один за другим туристы вошли в пещеру и сразу поняли, что попали в обжитое место. Небольшая по размерам пещера позволяла стоять в полный рост. Здесь было сухо, ровный пол покрывал слой мелкого песка, возможно принесенного с берега. Привыкнув к полумраку, путешественники разглядели у дальней стены топчан, покрытый полуистлевшими шкурами. Рядом стоял грубо сделанный стол, около него — табурет на трех ножках.

Над столом вдоль всей стены тянулась широкая полка, сплетенная из лозы. На ней стояли глиняные кринки, кувшины и чашки. Все было самодельное, грубое, но прочное. Ни одной вещи фабричного изготовления.

— Вот оно! — не удержался от восклицания Миша. — Жилище того путешественника, о котором написано в дневнике.

— Ты не ошибся, — поддержал Санин. — Он жил здесь.

Туристы уселись на топчан, тихо переговариваясь, с любопытством рассматривая убранство необычного жилища.

— Человек жил здесь много-много лет, — говорила Светлана. — И все время один.

— Откуда ты взяла, что много? — тотчас возразил брат.

— Посмотри сам. Или, по-твоему, все это можно сделать за несколько дней?

— Останови фонтан, — Миша не знал, что еще сказать, но уступать не хотел.

Светлану неожиданно поддержал Володя.

— Ясное дело, путешественник прожил здесь долго.

— У тебя все «ясное дело». Да ну вас. Почему тогда он не ушел? Что, ему так понравилась пещера, да? Объясните вы, всезнайки.

— Почему-почему... Никто не знает, почему, даже Николай Павлович.

— Мальчики, не ссорьтесь, — примирительно сказала Светлана. — Вот прочитаем все дневники, тогда и узнаем.

Аргус деловито бегал по пещере, что-то вынюхивал, фыр-кал, поднимался на задних лапах, стараясь дотянуться до полки с посудой. Сеттер явно надеялся чем-нибудь поживиться.

— А здесь настоящий склад, — Иван Антонович стоял в дальнем углу пещеры. Все поспешили к нему. В довольно глубокой нише было устроено несколько полок. На них — ивовые корзины разных размеров, одни пустые, другие — наполненные сероватым, похожим на золу порошком.

— Здесь хранили продукты, — предположил Одинцов. — Они превратились в труху.

— Договоримся ничего не трогать, — умоляюще попросил Николай Павлович. В записной книжке он быстро делал пометки. — Пусть все останется так, как есть. А вот если бы удалось найти документы, записи... Каждую найденную бумажку прошу передавать мне.

— Да уж передадим, не беспокойся, — заверил его учитель, — себе не возьмем.

Но и при более подробном осмотре пещеры, в котором участвовали все туристы, ничего нового не обнаружили.

Учитель и краевед вышли из пещеры на площадку. Солнце поднялось довольно высоко и начинало припекать. Внизу плескалось озеро. С высоты оно казалось темно-синим, почти черным.

— Человек, который когда-то жил здесь, выбрал удачное место, — Николай Павлович посмотрел вокруг. — Сюда, кроме голубей и чаек, вряд ли кто доберется. В пещере тепло, сухо и светло.

— Но зачем ему понадобилось взбираться так высоко? Подходящие для жилья небольшие гроты есть и внизу.

— Откуда мне знать. Были, вероятно, причины. Сейчас меня занимает другое. Ты понимаешь, Сергей, что получается? Справа скалы и слева скалы. Не такие уж высокие, но нам их не одолеть. Это ясно. А впереди озеро. Мы заперты на узкой прибрежной полосе. Мы все еще в плену. Разумеется, в пещеру возвращаться не будем. Согласен со мной?

— Да, да, так, вероятно, и есть. А на том берегу, что там?

— Озеро велико. До противоположного берега не меньше трех километров. По-моему, там тоже скалы, такие же, как и здесь.

Сергей Денисович пристально посмотрел на товарища.

— Если так, то выход отсюда...

— Только через озеро, Сергей. Надо переплывать озеро.

Из пещеры вышли доктор и ребята. Начальник отряда и учитель замолчали.

Спуск был не легче подъема. Приходилось зорко смотреть под ноги, чтобы не угодить в трещину или не сорваться с камней и не полететь в поблескивающее холодной синевой озеро. Аргус давно сбежал вниз и теперь носился по берегу, распугивая куликов и чаек.

Туристы благополучно спустились со скал и уже направились к лагерю, когда внимание их привлек тоскливый вой Аргуса. Сеттер стоял за обломком скалы и протяжно выл.

— Что-то случилось с собакой, — обеспокоенно сказал учитель. — Я пойду, посмотрю.

— Николай, — послышался из-за скалы его взволнованный голос. — Иди сюда.

Начальник отряда поспешил на зов. Доктор Мухин и ребята сели на камни отдохнуть. Но прошло пять минут, десять, а ни учитель, ни краевед не возвращались.

— Чего же сидеть, — доктор Мухин поднялся. — Пойду и я взгляну, что там такое.

— Мы с вами, Иван Антонович.

За скалой они увидели сложенный из каменных плиток холмик и на нем грубо сколоченный крест.

— «Василий Федорович Коротаев», — медленно прочитал доктор надпись, глубоко выцарапанную чем-то острым на

перекладине креста. — Коротаев, — повторил он и медленно снял шляпу.

Глава 25

ИЗ ДНЕВНИКА КОРОТАЕВА

— Коротаев? — испуганно спросил Володя, глядя на отца. — Тот человек, что жил в пещере на скалах?

— Нет, — глухо ответил за учителя Санин — Тот, кто пошел по его следам, тот, чей дневник мы нашли в Колонном зале, тот, кто разыскал пещеру по просьбе Самарского.

— Но их же было двое, — шепотом сказала Светлана. — Василий Федорович и Алеша.

— Двое. Василий Федорович Коротаев и его ученик, товарищ по опасному путешествию, Алексей. Алексей, надо полагать, и похоронил здесь своего учителя.

— Почему Василий Федорович погиб и что случилось с Алексеем? — спросил доктор. Он с грустью смотрел на простой, потемневший от времени деревянный крест. Слабый ветер шевелил седые волосы Мухина.

— На этот вопрос я тоже хотел бы найти ответ.

Несколько минут путешественники стояли у могилы, обнажив головы.

В лагерь возвращались молча. Ребята притихли, взрослые тоже были заняты каждый своими мыслями.

— Что будем делать сегодня? — безразличным голосом спросил Иван Антонович начальника отряда.

— Отдохнуть. Вы же настаивали на отдыхе.

— Да, да, я просил об этом. А вы нам почитаете дневник Василия Федоровича Коротаева?

— Если удастся разобрать записи.

После обеда Санин вытащил из рюкзака знакомые всем тетради. Желая уберечь записи от непредвиденных случайностей, краевед обернул каждую тетрадь в пергамент и держал в полиэтиленовом пакете. Сейчас он бережно раскрыл вторую тетрадь и начал листать ее, отыскивая место с разборчивым текстом. Но тетрадь настолько пострадала от воды, что удалось разобрать всего несколько не связанных между собою слов. Зато третья тетрадь вознаградила Николая Павловича. Многие страницы сохранились очень хорошо.

Установилась тишина, все ждали. Санин откашлялся и начал неторопливо читать, словно кому-то диктовал.

«Июля седьмого дня. Наконец-то вышли из пещеры на свет божий. Такое чувство, будто снова вернулись к жизни. Я, когда увидел снова небо, окрашенное нежной полоской зари, увидел птиц, траву и деревья, заплакал от счастья. И не стыдился слез. Мрачные каменные своды, пропасти и трещины, бурный поток, в котором мы едва не погибли, все лишения и тяготы многотрудного пути — все теперь позади. И, слава богу, в самое время. Припасов у нас осталось совсем немного, свечей — тоже. Я последние дни недомогаю что-то, руки и ноги ломит, голова тяжелая — словом, худо. Но Алеше стараюсь показаться бодрым и на боли не жалуюсь. Однако он будто догадывается. Несколько раз я ловил на себе его полный тревоги взгляд. Спросил, почему он так на меня смотрит. «Да я ничего, Василий Федорович, — ответил Алеша, отводя глаза. — Здоровы ли вы?» Уверил его, что вполне здоров и что напрасно он тревожится.

Мы подошли к озеру, любуясь его дивно чистой водой. Стайки мелких рыбешек резвились около нас, и когда я протягивал к ним руку, не пугались. Но самая большая радость —

небо. Голубое небо над головой.

Июля девятого дня. Вернулись после большой прогулки, и я тороплюсь описать все увиденное, пока свежи впечатления. На память что-то плоха надежда, подводит она меня часенько...

Теперь совесть моя чиста, просьбу Евгения Павловича Самарского я исполнил, и записи мои, хотя и не полные, и — боюсь — бестолковые, все же принесут ему пользу.

После долгих поисков посчастливилось нам встретить пещеру — небольшую, совсем как монашеская келья. Да и человек, что в ней жил, очень строгую жизнь вел. Это по всему видно. Кто он — пока не знаю. Евгений Павлович ничего о нем не написал. Я уже думаю, что был тот человек безвестным путешественником, какие у нас на Руси встречаются. На свой риск и страх пускаются они в опасные путешествия, и если гибнут, то никто об этом и не узнает. А очень может быть, что жил здесь монах-отшельник. Случалось мне слышать о таких монахах, жили они в пещерах, вдали от мирских соблазнов, забот и тревог. И уж, наверное, то был не досужий искатель приключений, да и не охотник, как я было подумал вначале. Карта, нарисованная им, превосходна, такую не мог сделать человек неграмотный. К великому моему огорчению, имени его я так и не узнал.

В пещере, разумеется, никого мы не нашли, только пара сизарей вылетела навстречу, громко хлопая крыльями.

Мы с Алешей осмотрели все жилище. Но ничего интересного не обнаружили. Полагаю, что человеку, который жил здесь, удалось выйти на волю. Наверное, он переплыл озеро, иначе как же карта, им составленная, попала в руки Самарского, а позднее — в мои.

А вот нам с Алешей озеро не переплыть, я-то плавать не могу по здоровью, и как ни печально, надо тем же путем возвращаться, каким мы и сюда пришли. Как подумаю об этом — нехорошо на душе».

Николай Павлович умолк, осторожно перебирая слипшиеся страницы дневника. Слушатели терпеливо ждали. Наконец краевед нашел новое место, где текст сохранился. И снова зазвучал глуховатый, с хрипотцой голос Санина:

— «Это ужасно! Ужасно! Мы так запутались в подземных переходах, что совсем не знаем, куда идем и сколько уже времени прошло.

Какое сегодня число — я не могу сказать. Не знаю даже день сейчас или ночь. Часы мои стали, наверное в них вода попала или сломалось что-то. Как же теперь без часов-то...

Алеша все бодрится и меня подбадривает. А я вижу: и ему тяжело. У нас только и разговору о том, как выйдем мы отсюда и что станем делать. Алеша насмешил меня, сказав, что в первом же трактире щей попросит и блинов. Какие уж там блины, живыми бы остаться.

Совість покоя мне не дает: зачем я взял Алешу, перед богом и перед людьми за него ответ держать. У него мать больная осталась и как будто невеста, хотя точно не знаю, а спросить не могу. Вот если кончится все благополучно, тогда уж. Но скоро ли? И как еще кончится.

Идти я больше не могу, ноги не слушаются, словно чужие. Давно мы ничего не ели, и потому в голове шум не умолкает, а перед глазами все круги, красные да зеленые. Зубы шатаются, во рту солоно, тошнит. И Алеше худо, а уверяет меня, будто все хорошо. Может, мо-

лодое тело крепче моего, стариковского, да только молодому и надо больше. А у нас, кроме воды, ничего нет.

...Эти строки пишу я при свете последней свечи. Мы зажигаем ее редко и ненадолго. Совсем обессилели от голода. Бредем ощупью, сами не знаем куда. Мне немножко полегчало, вот и пошли. Алеша заботливо поддерживает меня. Лучше бы уж бросил, может, один-то выбрался бы, а я уж ладно...

Боже! Где ты? Отзовись и помоги. Почему ты забыл о нас? Помоги, помоги сейчас, потом поздно уж будет.

Зачем, для кого я все это пишу, ведь никто никогда не узнает, где мы и как погибли. Прошу Алешу оставить меня и одному идти. Не хочет. Упрямец. Сердится даже. Я для него обуза, один бы он вышел. Алеша, рассерженный моими воплями и причитаниями, обругал меня старым брюзгой и сказал, что один и шагу не ступит. Я обнял его и... разрыдался. Я, я погубил его, я взял на душу грех тяжкий. Будь проклят и день тот и час, когда мы отправились в это несчастное путешествие...

...Грудь так болит, словно там у меня нарыв. И кашель сильный. Я уже плохо понимаю, что пишу. Алеша поддерживает меня, пока пишу строки эти, и утешает:

— Немного уж осталось, Василий Федорович, мы близко от выхода.

Есть ли он, выход-то? Я и не верю, и не знаю, можно ли вообще отсюда выбраться...

Сожгли все, что гореть могло. Но осталось еще несколько свечных огарков.

Алеша убил какого-то черного зверька, и мы ели его сырым. Что же делать?.. Да мне уж и все равно.

...Сон привиделся: солнце огромное-огром-

ное, и мы будто плывем к нему в чудной лодке. А вместо паруса у нас облако — белое и мягкое, как из лебяжьего пуха.

Проснулся от боли в ногах. Едва не закричал. Когда же кончатся муки эти?

Пришел Алеша, радостно сказал, что впереди свет виден, торопит идти, а я подняться не могу, да и не верю. Мне все равно...»

Санин замолк и, ни на кого не глядя, произнес:
— Дальше чистые листы.

Глава 26

ШЕСТЕРО НА ПЛОТУ

Долгое молчание никто не решался нарушить. Наконец доктор сказал:

— Василий Федорович Коротаев погиб. И мы видели его могилу. Они вышли снова к этому озеру. Но что стало с его спутником, Алексеем?

Краевед заботливо укладывал дневники в рюкзак и молчал. Учитель, мельком взглянув на него и доктора, ответил:

— Я уверен, что Алексей сумел отсюда выбраться. Он похоронил своего учителя, а потом ушел. Вероятнее всего, переплыл озеро.

* * *

Остатки дня туристы провели в хозяйственных хлопотах. Привели в порядок одежду и обувь, искупались в озере. Сергей Денисович (рука у него перестала болеть) нако-

нец-то смог побриться, он по-прежнему очень заботился о своей внешности.

Наступила вторая ночь на берегу озера. Миша, Володя и Светлана облюбовали место для ночлега у самой скалы. Там на ровную площадку они набросали мелких веток, застелили их травой, рюкзаки тоже набили травой, превратив в подушки, и закрылись плащ-палаткой, как одеялом. Около ребят устроили постели и взрослые.

Перед сном Санин предложил Одинцову побродить вблизи лагеря.

— Ты, конечно, придумал эту прогулку неспроста, — прямо начал Сергей Денисович, когда они отошли на такое расстояние, что ребята их не могли услышать. — Говори.

— История Коротаева и его спутника вызывает невеселые мысли. Они не смогли найти выход из пещеры и после долгих блужданий вернулись на берег озера. А вот Алексей потом как-то ушел отсюда. Вопрос: как? Через скалы или переплыл озеро.

— Хочешь знать мое мнение? Скалы неприступны. Он переплыл озеро. На бревнах или вплавь. И мы должны последовать его примеру. Что не под силу одному, с тем успешно справятся шестеро.

— Правильно. Теперь я тоже уверен, что наше спасение только там.

И Санин показал палкой в сторону противоположного берега озера, скрытого ночным мраком.

— Мы же с тобой так и предполагали, когда утром осматривали окрестности с высоты скал.

— Вот-вот. Значит, надо перебираться на тот берег. И как можно скорее.

— Подожди, Николай, тот берег увидеть нам так и не удастся, все время мешает низкая облачность и туман. А если он такой же скалистый и выйти на него не удастся? И потом... меня удивляет... почему ни Коротаев, ни его предшественник ни разу не видели на озере людей? Ну хотя бы рыбацкую лодку, что ли. Неужели к озеру никто не приходит? Вот я и думаю, что противоположный берег тоже скалистый.

— Маловероятно, но допустим. Тогда вернемся и возобновим поиски в другом направлении.

— Согласен с тобой. Теперь детали. Как переберемся через озеро? Не вплавь же.

— Именно вплавь. На плоту.

— На плоту?! Идея хороша, но построить плот — долгая и трудная работа. При наших инструментах — единственный топор и несколько ножей...

— Мы все-таки будем строить плот, — закончил краевед. — Начнем завтра же. Нельзя терять времени. Плот нужен большой, чтобы мог поднять всех и запас продовольствия.

— Запас продовольствия! Можно подумать, что нам предстоит переплыть океан.

Санин пристально посмотрел на учителя.

— Продукты необходимы всегда, а когда не знаешь, что тебя ждет впереди, тем более.

— Да, да, — согласился Сергей Денисович. — Продукты нужны, но запасы надо еще сделать. Заготовить рыбу, дичь, грибы. Этим займутся ребята. Я скажу Ивану, он организует ребят.

— Они справятся, — Санин сделал паузу и с ударением произнес: — Тот берег — наша главная надежда. Да, тот берег...

Утром Иван Антонович не поднял своих товарищей в обычное время — в семь часов, так как сам проспал. После завтрака Николай Павлович рассказал о плане переправы через озеро. Ребята встретили это известие бурным восторгом. Путешествие на плоту сулило новые впечатления и приключения. Миша и Володя непременно хотели помогать строить плот, но Санин убедил их, что заготовка продуктов, порученная доктору Мухину, — дело не менее важное.

Иван Антонович и Светлана вдвоем не справятся, надо помочь. Ребята поняли и согласились перейти под начальство доктора. К тому же предстояла рыбалка, а каких мальчишек не соблазнишь рыбалкой. Светлана заявила, что она тоже будет и рыбачить, и собирать грибы — словом, пусть ей не делают скидок, а нагружают работой наравне со все-

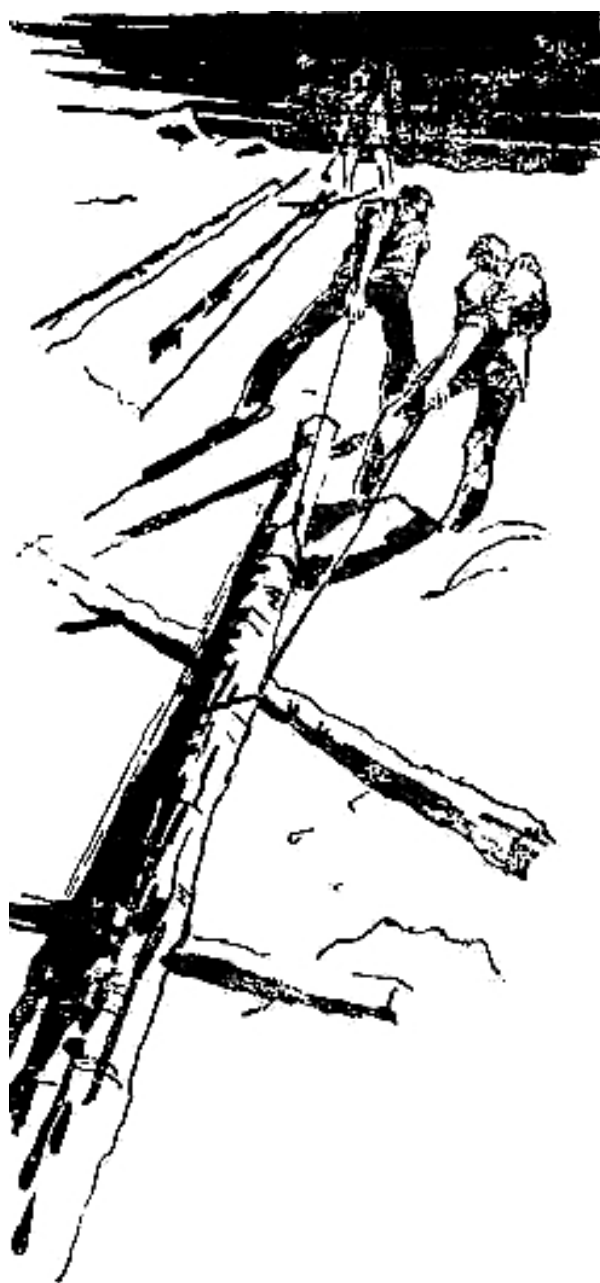
ми. Доктор обещал. Всех ребят он наделил новой леской, запасными крючками, добавил к ним несколько полезных советов, что считал не менее ценным, и рыболовы ушли на озеро. Доктор, утвержденный в должности интенданта отряда, очень серьезно отнесся к делу. Он все рассчитал, подсчитал и распланировал.

А Санин и Одинцов не теряя времени отправились выбирать деревья для будущего плота. Наметили десятка два деревьев и, не мешкая, приступили к валке. Легкий топорик, годный для заготовки топлива на туристский костер, не годился для рубки деревьев, и дело подвигалось медленно. За день, работая попеременно, краевед и учитель свалили всего четыре березы, очистили стволы от веток. Все были заняты делом, и только Аргус бегал от рыболовов к лесорубам и обратно. Трудились до позднего вечера. Бригада Ивана Антоновича наловила много крупной рыбы. Ее выпотрошили, подсолили и развесили над костром, чтобы вялилась и коптилась.

Следующий день прошел в тех же работах, только Светлана, в которой будущая женщина-хозяйка взяла верх над добытчиком, осталась в лагере. Она приготовила обед и отнесла его лесорубам, накормила ребят и доктора; не забывала следить за рыбой, что вялилась над огнем, и перedelала еще много мелких, незаметных, но нужных дел.

Заготовка материала для плота заняла неделю. Очищенные от сучьев стволы перенесли к «верфи», где на другой день и начали закладку «судна». Это была самая важная часть работы. За неимением гвоздей бревна скрепляли остатками веревок, лозой, деревянными замками.

Доктор, наконец, выбрал время пойти на охоту с Аргусом, о чем давно мечтал. Скоро в той стороне, куда ушел Иван Антонович, раздались выстрелы. В воздухе закружили встревоженные чайки и голуби. Пока взрослые строили плот, делали к нему шесты и весла, ребята собирали грибы, в прибрежных скалах искали яйца голубей и чаек. Но время кладки давно миновало, и в редких гнездах ребята находили свежие яйца.

Мухин вернулся с охоты вечером, увешанный связками голубей, куликов и чаек. Ему даже посчастливилось добыть пару уток. Иван Антонович очень жалел, что мало захватил с собой в пещеру патронов: за одну охоту он израсходовал почти все боезапасы.

И вот пришел день, когда все было готово к отплытию; плот покачивало на воде, в корзины, мешки и рюкзаки уложена провизия, починена одежда и обувь, даже заготовлено несколько вязанок топлива.

— Завтра с рассветом отправляемся в путь, — объявил начальник отряда, по привычке еще раз проверяя все снаряжение.

— А не лучше ли провести здесь еще день? — спросил Сергей Денисович.

— Зачем? У нас все готово.

— По-моему, погода меняется. Посмотри.

Санин с тревогой взглянул на озеро. Еще недавно водная гладь была неподвижна, а сейчас по ней пробегали редкие морщинки, и о берег плескались маленькие волны. Уцелевшие деревья тоже слегка покачивались, трепеща листвою.

— Ты думаешь, ночью будет гроза?

— Или утром. Небо затягивают грозовые облака, и они мне не нравятся. Солнце опустилось в тучу. А есть народная примета: если солнце село в тучу, ожидай на завтра бучу.

— М-да... Ожидай бучу, говоришь? Тогда переезд надо отложить. Укрепим плот, чтобы его не унесло в озеро, снимем всю кладь, да и сами поищем надежное убежище.

— Правильно, — поддержал Санина Мухин. — Я сейчас позову ребят.

— Тогда — за дело. До вечера осталось немного времени, а ветер усиливается с каждой минутой.

Санин и Одинцов пошли к плоту, а Иван Антонович, собрав ребят, наладил переноску клади в укрытие среди камней. Работали до темноты. Ночь решили провести в одном из прибрежных гротов. Там развели костер и приготовили ужин.

Часа через два после наступления темноты ветер достиг ураганной силы. Он дико свистел и метался среди скал, поднимая тучи песка, расшвыривая мелкие камни. Напор ветра был так силен, что Сергея Денисовича, пытавшегося выйти из грота и посмотреть на озеро, сразу же сбило с ног. Обратный учитель вернулся уже ползком, цепляясь за выступы и прижимаясь к камням.

Внизу, невидимое в темноте, глухо стонало озеро. Удары волн по отвесным скалам напоминали пушечные выстрелы. Они раздавались все чаще и скоро слились в сплошной грохот, от которого звенело в ушах. Завихрения воздуха всасывали воду, закручивали ее и гнали водяные смерчи к берегу, обрушивая на встречные скалы. Брызги залетали даже в грот, где укрылись люди.

Буря бушевала всю ночь. Никто не спал, да и невозможно было хоть на минуту задремать, когда вокруг ревело, свистело и грохотало. Путешественники не могли разговаривать, не слышали собственных голосов. Высшей силы буря достигла к утру, о наступлении которого можно было судить лишь по часам. Все дикие звуки разбушевавшейся стихии слились в один сплошной и непрерывный грохот. Дрожали и грозили вот-вот рухнуть каменные своды грота. Люди чувствовали себя ничтожными, лежали, прижавшись друг к другу. В гроте плавал сырой полумрак. Он не рассеялся и в полдень. К вечеру буря начала ослабевать. Ветер утихал, реже слышались грохот падающих камней и пушечные хлопки волн о скалы. Сергей Денисович приподнялся и сказал:

— Кажется, буря утихла.

Туристы словно только и ждали этих слов: зашевелились, поднялись, начали разговаривать. Иван Антонович заявил, что он умирает от голода. Есть хотели все, но только сейчас голод дал о себе знать. Достали провизию и подкрепились.

Не прошло и часа, как буря стихла окончательно. Снова наступила тишина. Путешественники вышли из грота, у всех невольно вырвался возглас изумления. Огромная гладь озера сверкала и переливалась холодным фосфорическим

блеском. Но, кроме странно светящейся воды, в темноте ничего нельзя было разглядеть. В разрывах низких клубящихся туч порою проглядывала призрачно бледная луна и тут же пряталась. Санина тревожило состояние плота: уцелел он или все труды пропали, и на берегу они найдут лишь груды бревен? Начальник отряда провел вторую почти бессонную ночь.

Едва появились первые признаки рассвета, Николай Павлович отправился к озеру. Плот он нашел там же, где его оставили накануне. Заметных повреждений не было, однако связи местами ослабли, требовался ремонт.

Переправу опять пришлось отложить на следующее утро. После ремонта плот спустили на воду, снова нагрузили продовольствием, топливом, приготовили шесты и весла. Последняя ночь на берегу прошла спокойно. За дни, проведенные на берегу озера, туристы хорошо отдохнули, набрались сил и были готовы к борьбе с новыми трудностями. Об буре вспоминали как о чем-то далеком, хотя следы ее еще были видны всюду.

Когда собрали вещи, затушили костер и хотели оставить лагерь, доктор спросил:

— А разве мы не оставим здесь никакого знака?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — отозвался начальник отряда.

— А я понял, — вмешался Одинцов. — Иван предлагает соорудить заметную издалека пирамиду или поставить столб и на нем что-нибудь написать. Так, Иван?

— Именно. Если кто-то потом сюда придет, пусть знает, что мы побывали здесь и на плоту отправились к тому берегу.

— Не возражаю, — Санин постучал палкой по носку ботинка. — Только надо все это сделать побыстрее.

— Миша, Володя, Света! — Иван Антонович подошел к ребятам. — Таскайте вот сюда, на площадку, камни. Сложим из них пирамиду.

— Хеопсову пирамиду? — Миша озорно посмотрел на доктора. — Это же долго.

— Наша пирамида будет чуть ниже. И не смейся над стариком, проказник. Николай Павлович напишет несколько слов. Записку положим в железную банку, а банку спрячем в центре пирамиды. У меня как раз есть подходящая банка.

Ребят не надо было просить дважды. Затея Мухина увлекла их, и они принялись таскать камни. Доктор и учитель выкладывали из камней пирамиду. Николай Павлович, кончив писать, вырвал лист из записной книжки.

— Минуту внимания! Вот что я написал: «Шестеро туристов из Челябинска (перечисляю всех) после долгих скитаний в пещере вышли к этому озеру. Здесь мы построили плот и на нем сегодня переплывем озеро. Другого пути отсюда не нашли. Попутного нам ветра...» Иван Антонович, какое же сегодня число? Надо поставить дату.

Доктор вытер о брюки перепачканные землей и глиной руки.

— Число... М-да... Число. Не знаю, Николай Павлович. Поставьте месяц и год, этого достаточно.

— Как же так, Иван Антонович, вы обещали разобраться и наладить учет... Есть поправки к тексту?

— Все правильно, какие тут поправки, — отозвался Сергей Денисович. — Что еще можно добавить? Все хорошо. Не поэму же сочиняем.

— Можно добавить, что мы видели в пещере идолов, — сказал Миша. — Разве не интересно?

— И что нашли дневники Василия Федоровича, — встал Володя.

— А в скалах есть пещера — жилище неизвестного путешественника, — напомнила Светлана. — Если писать — так про все.

— Про все писать долго, — возразил Санин. — А времени у нас нет. Иван Антонович, давайте вашу банку.

Записку завернули в полиэтиленовый пакет положили в железную банку, и запрятали в середину пирамиды.

— Все, — Санин критически оглядел сооружение. — Заметно. Сразу привлечет внимание. А теперь — к плоту.

Над озером плыли молочные завитушки тумана.

— Видимость плохая, — с досадой промолвил Николай Павлович, — как бы не напороться на камни.

— Туман скоро рассеется, — успокоил его Сергей Денисович. — Не откладывать же переправу. Поплывем осторожно.

Путешественники разместились на плоту. Последним прыгнул Аргус и уселся возле хозяина.

— Шестеро на плоту, не считая собаки, — шутливо сказал доктор Мухин. — А кто капитан? Надо выбрать капитана.

— Выберите меня, — попросил Володя. — Я хочу быть капитаном.

— Почему тебя? — Светлана повернулась к Володе. — Ты что, самый подходящий?

— Так не тебя же.

— А если я тоже хочу быть капитаном.

— Ха! Капитан! Не смейся, это мужское дело. Николай Павлович, я буду капитаном, а?

— Ну, я, право, не знаю, ребята. Обижать никого из вас не хочется, сами решайте, кто будет капитаном. Ты, Володя, попроси Свету, как следует, она и уступит.

— Да ладно уж, пусть капитанит, на этот раз я ему уступаю. Николай Павлович, а почему озеро мы никак не называли?

— Верно. Упустили за хлопотами. Непорядок. Объявляется конкурс... — Санин не успел договорить, как отовсюду посыпалось:

— Озеро Бурь.

— Туманное.

— Озеро Коротаева.

— Скалистое.

Решили назвать озеро именем Коротаева, и краевед записал это название на своей карте.

— И плот надо тоже назвать. Пусть будет «Кон-Тики». — Миша посмотрел на Санина и Одинцова. — Здорово?

— Подходяще, — сказал Сергей Денисович, подмигнув товарищам. — Только... ведь это название еще Тур Хейердал придумал.

— Точно, он. Так я в честь него и предлагаю. У него был плот, и у нас плот. Он путешествовал, и мы тоже.

— Ладно, убедил, — учитель легонько похлопал Мишу по плечу. — Пусть «Кон-Тики». Эй, капитан, подавай команду «малый вперед».

— Самый малый вперед! — звонко выкрикнул Володя.

Тяжело нагруженный плот глубоко сидел в воде. Сергей Денисович и Санин дружно уперлись в дно шестами, и плот нехотя заскользил по глади озера, оставляя за собой журчащий пенистый след. Проплыли не более пятидесяти

метров, а шесты уже не доставали дна. Пришлось взяться за весла.

— При таком ходе будем плыть весь день, — заметил доктор, вглядываясь в даль. — Сколько же до того берега?

— Километра четыре, — ответил Санин.

— Если в час по километру, то понадобится четыре часа... Жаль, нет лага, измеряли бы скорость хода.

— Зато лот можно сделать, — подхватил Миша Глебов.

— Лот? — доктор непонимающе посмотрел на Мишу. — А зачем нам лот?

— Чтобы измерять глубину озера.

— Глубину? Гм... Ну да, понимаю, на случай, если придется нырять, в профилактических целях, конечно.

— Лучше в практических, — вмешался в их разговор краевед. — Удачная мысль — сделать лот. Миша, замеряй глубину озера и записывай. Вот тебе бумага и карандаш.

Миша достал моток лески, привязал к нему гайку, извлеченную из тайников мальчишечьих карманов, потом с помощью клетчатой бумаги отмерил метровое расстояние на палке и опустил самодельный лот в воду.

— Пять метров! — громко сообщил он, вытянув гайку и старательно измерив длину лески. Через каждые десять минут Миша снова опускал лот.

— Семь метров!

— Девять метров!

— Шесть метров!

— Одиннадцать метров!

Плот еле тащился, несмотря на усилия гребцов. Проплыли не менее километра, а противоположный берег казался таким же далеким. Скалы со всех сторон стиснули озеро, словно древние крепостные стены. Оно лежало в огромной каменной чаше, накрытое голубым куполом неба. Теперь казалось, что куда бы плот ни причалил — всюду путешественники встретят неприступные стены и выбраться на них будет невозможно. Единственный пологий берег — оазис среди мертвого нагромождения камней — тот, который они покинули.

— Двенадцать метров! — продолжал выкрикивать Миша.

— Пятнадцать метров!

— Представляешь? — Володя показал Светлане на воду. — Под тобой пятнадцать метров. Можно опустить пятиэтажный дом, и он скроется под водой.

— Ух, как глубоко! Интересно, что там, на дне?

— Нырни, узнаешь. И нам расскажешь.

— Бррр! Страшно. Лучше уж ты.

— Десять метров!

Плот со скоростью улитки тащился по озеру. Над ним пролетали молчаливые чайки, розоватые от первых лучей поднявшегося над скалами солнца. Птицы касались воды и тут же взмывали, держа в клюве добычу — маленькую серебристую рыбку. Далекий берег внезапно придвинулся. Солнце разогнало туман, но сколько туристы ни вглядывались, они видели все те же отвесные серые скалы. Ни дерева, ни куста.

— Мертвые берега, — вздохнул доктор. — Мы хорошо сделали, что взяли с собой дрова.

— Двадцать один метр! — раздался возглас Миши.

Плот находился в центре озера.

— Восемнадцать метров!

Глубина уменьшалась, и часа через три Миша объявил:

— Шесть метров!

Теперь был отчетливо виден весь берег. Николай Павлович, управляя кормовым веслом, выискивал подходящее место для причала. Показалась узкая бухточка, врезанная в каменистую осыпь. Несколько толчков шестами — и плот с мягким шуршанием ткнулся в прибрежную гальку.

—————

Глава 27

«СВЕЧА ДОГОРЕЛА»...

(Из дневника Санина)

«Эти страницы написаны мной по памяти, много позднее, так как последний листок записной книжки был уже использован.

Первые шаги маленького отряда по берегу, к которому все так стремились, не принесли радости. Мы снова оказались среди каменного хаоса: причудливого нагромождения обломков скал, наполовину засыпанных прибрежным песком. И нигде ни травинки, ни кустика, не говоря о деревьях. Уже смеркалось, и мы развели костер, приготовили ужин, а обследование берега отложили на завтра. Плот наш «Кон-Тики» оттащили подальше, чтобы не унесли волны, ведь он мог еще пригодиться.

Утомленные трудной переправой (руки у нас покрылись мозолями от шестов и весел), сразу же легли спать и только ребята оставались еще у костра.

Утренний осмотр подтвердил самое худшее. Всюду скалы, неприступные, суровые. Стоило ли переплывать озеро, горько подумал я, но не сказал об этом даже Сергею. Мы по-прежнему в плену, из которого можно вырваться разве только на вертолете. Что же делать? Возвращаться на покинутый вчера берег? А дальше? объехать вокруг озеро на нашем тяжелом неуклюжем плоту — задача непосильная. И даже если бы удалось, я уверен, что всюду такие же скалистые берега, высадиться на которые нельзя. Настроение у моих товарищей, да и у меня тоже, опять упало.

Вблизи бухты среди скал и камней отыскивали несколько щелей, ведущих, видимо, в пещеры. Рискнуть? Снова углубиться под землю в надежде найти выход? Шансов мало, но и выбора нет. Этот трудный вопрос решался долго. Про-

голосовали «за». После небольшой разведки выбрали коридор, позволяющий идти в полный рост. Распрощались с озером и опять вступили во мрак и путаницу подземного лабиринта. Каждый, даже ребята, взял столько груза, сколько мог нести. Рюкзаки раздувались от провизии, фляги и термосы наполнены водой, в руках — вязанки хвороста. Хуже было со светом. У многих фонарики давно вышли из строя — кончились батареи; остался только мой, и к нему одна батарейка. Очень жалели, что Володя утопил свой фонарик с динамомашинкой, когда переплывали озеро. У доктора еще имелось несколько свечных огарков — их берегли на крайний случай. Нехватка света затрудняла движение, на каждом шагу нас подстерегала опасность угодить в скрытую щель или свалиться в пропасть. Я поступал так: идя впереди отряда, ненадолго включал фонарик, осматривался и, погасив, шел дальше, а за мной шагали ощупью остальные. Метров через пять снова вспышка света. Не стоит и говорить, как это утомительно, неудобно и опасно.

Снова и снова я задавал себе вопрос: правильно ли мы поступили, переплыв озеро и опять спустившись в пещеру? Может, стоило поискать выход на том берегу. А сколько еще пещер в скалах вокруг озера и куда они ведут? Об этом спросил меня как-то на привале и Сергей.

— Там мы не нашли даже намека на выход, — ответил я. — Может, здесь будем счастливее. А как бы поступил ты?

Он не ответил.

Встречавшиеся нам залы и гроты мало чем отличались от ранее пройденных: такие же мрачные, иногда сырые, большие и малые. Порой попадались сталагмиты и сталактиты, очень красивые, но они уже не вызывали восторгов. Ни у кого не было желания давать залам пышные и даже сокращенные названия, в чем соревновались в первые дни ребята.

Настроение у нас падало с каждым новым переходом. Появились апатия, утрюмость, раздражительность, а главное — терялась вера в избавление из плена. Это было самое страшное. Я старался поддерживать в отряде бодрость духа, но это плохо удавалось. Знаю, Сергей и доктор в душе счи-

тают меня сухарем и бессердечным человеком. Но, наверное, не знают другого: я их люблю, всех люблю, только не умею проявить своих чувств, сколько ни пробовал — не получается. Миша, Володя и Светлана — такие веселые замечательные ребята — стали серьезными, как взрослые. А взрослые порой капризничали, как ребята. Добряк-доктор часто о чем-то задумывался и почти не разговаривал. Сергей опять стал брюзжать и при каждом случае упрекал меня за необдуманный поступок: намекал на беспечность, с какой я отправил весь отряд под землю. Неужели он хотел всю вину свалить на меня? Конечно, я виноват, но разве я один... И зачем сейчас вспоминать старое. Еще будет время во всем разобраться. Я давно знаю Сергея, он не из трусливого десятка, очень порядочный и честный человек. Его мужество, трезвость рассудка и хладнокровие испытаны на войне. Прекрасный товарищ, он готов был в любую минуту прийти на выручку. Но теперь он изменился. Это горько.

А я сам? Наверное, тоже изменился и не в лучшую сторону. Посмотреть бы на себя со стороны. Угнетает сознание собственной вины, ответственность за людей, доверившихся мне. Мучительно стараюсь что-то придумать, найти какой-то выход, а в голову ничего путного не приходит.

Пробовал советоваться с доктором и Сергеем. Иван Антонович отвечает лишь из вежливости и заранее согласен со всем, что ни скажу. Сергей предпочитает отмалчиваться. Неужели они думают, что я спрашиваю их мнение только затем, чтобы часть вины за положение отряда переложить на них? Если так, то это обидно. Мне просто необходим добрый совет и поддержка. Не зря говорят: ум — хорошо, а два — лучше. Порой ловлю себя на том, что думаю о разных мелочах, не имеющих к нам отношения. Вспоминаются пустяковые заботы и дела, на ум приходят давно читанные и забытые строки стихов. Смешно и тревожно: не мутится ли рассудок? Иногда начинаю без причины смеяться, и все смотрят на меня удивленно. Впрочем, это быстро проходит.

А наш четвероногий друг Аргус как будто испытывал единственное неудобство — пес голодал. Здесь не было крыс, и бедняга-сеттер довольствовался порцией, которую ему аккуратно выделял Иван Антонович. Да простит мне доктор, но я подозреваю, что он это делал не только из жалости к собаке...

Все реже слышались в отряде разговоры, мы ограничивались короткими словами и междометиями. У нас давно вышел запас дров, мало осталось продуктов, часто страдали от жажды. Но больше всего угнетала тьма — абсолютная, непроницаемая, я бы даже сказал осязаемая, густая и вязкая. Мой фонарик перестал светить. Пришла пора доставать огарки свечей. Оплывающий стеарин тщательно собирали и делали из него самодельные свечи, а на фитили шли обрывки одежды. Мы перестали замечать время, путали день с ночью, забывали о часах (они имелись у меня, доктора и Сергея — и у всех показывали разное время).

Иногда я думал о том, разыскивают ли наш отряд (если вообще кто-то начал розыски) или давно бросили поиски, считая их бесполезными. Да если бы и знали, что мы в пещере, разве можно найти горстку людей, затерянную в подземном мире? Мы-то убедились, как велик этот мир. Разумеется, подобные мысли я держал при себе.

Каждый раз на привале, когда ненадолго появлялся свет, я с тревогой всматривался в своих спутников: не заболел ли кто? Изможденные лица не выражали чувств, но, кажется, явных признаков заболеваний пока не было.

...День, которого все так боялись, пришел. Мы остановились в небольшом гроте пообедать, нет, это слишком громко сказано, точнее — пожевать сухой рыбы и грибов. А запивать пресную и безвкусную еду было нечем. Последние капли воды выпили еще утром, если только шесть часов назад было утро. Прилепили к камню крохотный огарок самодельной свечки. Последний. Молча смотрели, как он догорает. Желтое пламя колебалось, внезапно начинало быстро-быстро мигать и вдруг вытягивалось в острый и тонкий язычок.

Тесной стайкой сидели Света, Миша и Володя — они все время старались держаться вместе. Сергей задумчиво поглаживал лежащего у ног Аргуса. Доктор поднял очки на лоб и не отрывал близорукого взгляда от свечи. Его губы что-то шептали, но я не слышал слов.

Огарок догорал с мягким потрескиванием. Вот пламя подскочило, вытянулось в узкую ленточку и бессильно опустилось. Язычок огня, прощально кивнув нам, исчез. Несколько секунд еще светился красной точкой фитиль, но и эта точка угасла. Темнота поглотила нас, стала полной хозяйкой пещеры.

— Свеча догорела, — тихо сказал доктор. — Последняя свеча догорела, — горестно повторил он.

Кому случалось выходить из ярко освещенной комнаты сразу в темноту осенней ночи, когда небо затянуто сплошными низкими тучами и не видно ни одной звезды, тот испытал нечто подобное. Если вам нужно идти, вы осторожно делаете шаг, второй и останавливаетесь, стараясь припомнить расположение улицы, забора, канав, ощупываете вытянутыми руками стену дома или изгородь и неуверенно делаете следующий шаг. Вы беспомощны, как слепой, а человеку не очень храброму мерещится, что кто-то крадется следом, и при каждом шорохе он вздрагивает, озирается по сторонам, хотя ничего не видит.

Что такое человек без огня? Огонь сопровождает человека с первых его шагов на заре появления и до наших дней. Огонь — наш постоянный спутник — достается нам легко, и потому этот величайший дар мы так мало ценим, призывали к нему и не замечаем. А если бы огонь погас всюду? Катастрофа ни с чем не сравнимая!

Вот о чем думал я в первые минуты, сидя перед камнем, где только что еще трепетал рыжий язычок огня. «Свеча догорела», — сказал доктор, и до меня вдруг дошел страшный смысл этих слов. Потом вспомнил, что в коробке у меня еще сохранилось несколько спичек НЗ. Их надо беречь, беречь...

— Друзья, — сказал я, стараясь придать голосу больше бодрости, — идти без света трудно, но надо попробовать. У нас есть опыт, ведь последнее время мы шли почти в темноте. Есть и спички. Мы пойдем дальше.

Мне никто не ответил. Я знал: им не хочется больше идти и вообще двигаться. Тогда я добавил:

— Оставайтесь пока здесь. Я немного пройдуся.

— Пойдем вместе, — вдруг отозвался Сергей. Слышно было, как он тяжело поднялся. Зацарапал когтями по каменному полу Аргус — пес хотел сопровождать хозяина. Ощупью мы вышли в коридор.

— Чертовски хочется пить, — сказал Сергей. — Поищем воду.

— Хорошо, — согласился я.

— Аргус, ищи воду. Воду.

Сеттер тихо заскулил. По-моему, собака не хотела выполнять приказание и осталась около нас. Мы шли осторожно и очень медленно, ослабевшие от голода и от многодневной усталости. Но мы шли — шаг за шагом, метр за метром... Что я еще помню?.. Да, лай. Лай Аргуса. Он прозвучал в отдалении (значит, собака подчинилась приказу), но мне показалось, что сеттер лает по-особенному, в тоне лая звучали радостные нотки.

— Аргус нашел воду, — сказал Сергей.

— Так идем скорее туда.

Но сеттер, часто взлаивая, сам подбежал к нам.

— Он тянет меня за собой, — пояснил Сергей. — Вода близко.

Мы поднялись с камней, на которых отдыхали, и пошли, вытянув перед собой руки, ощупывали стены. Изредка перебрасывались короткими фразами, предупреждая друг друга о встреченных препятствиях. Аргус то убегал вперед, то возвращался к нам. Коридор резко повернул влево, и мне показалось... мрак рассеивается! Через несколько десятков метров я окончательно убедился: стало светлее. «Возвращаемся к озеру, — мелькнула догадка, — покружили по лабиринту и вернулись». Я обрадовался: пусть озеро, пусть опять каменный плен, но там можно жить, набраться сил, а потом... потом снова искать выход.

За новым поворотом коридора ясно обозначилось светлое, очень светлое и довольно большое овальное пятно. Забыв об осторожности, мы бросились туда, натыкались на камни, падали и снова бежали. Впереди заливисто лаял Аргус. В широком проеме я увидел острые верхушки елей! А за ним голубое, необычайно голубое, очень красивое небо. По нему вереницей плыли сероватые пухлые облака. И все это было залито солнечным светом! Мягким, ласковым, теплым.

Мы вылезли в проем и увидели лес. Море леса! Потом скалы, потом небо, и опять лес, лес без конца. Стояли, обнявшись, и не замечали, что плачем. Взрослые люди, мужчины, бывшие фронтовики, мы плакали от радости. Мы были на свободе. Возле нас прыгал и лаял обтянутый кожей скелет — Аргус. Радость, громадная радость освобождения пьянила нас. Глаза до боли резал яркий свет. От свежего, настоящего ароматом смолы воздуха, кружилась голова. А может, от усталости и голода...

Надо было возвращаться, ведь там, во мраке, остались доктор Мухин и ребята.

Когда мы вернулись в пещеру и сообщили доктору, что в ста метрах выход, что там свобода, он не поверил.

— Не надо шутить, Николай Павлович, — с упреком сказал Мухин и повторил: — Не надо. Это жестоко.

Я не видел лица Ивана Антоновича, но ясно представил его себе: доброе усталое лицо, чуть увеличенные стеклами очков серые глаза, растрепанные серебристые волосы.

— Я не шучу, — почти закричал я. — Там выход! Выход!

И Сергей, часто дыша от быстрой ходьбы, добавил:

— Чего вы сидите? Скорее на волю! Ну! быстро, быстро, черт побери!

Это было первое ругательство, услышанное мной от Сергея за все время путешествия.

Вскочили и зашумели ребята:

— Бежим туда, к выходу!

— К выходу, Вовка!

— Ребята, дайте кто-нибудь руку, я же ничего не вижу.

Где-то около меня завозился доктор.

— Я сейчас, сейчас, — бормотал он. — Вот только найду рюкзак...

Держась друг за друга мы, пошли по коридору туда, где был свет и свобода».

Глава 28

«ТАЙНЫ БУДУТ РАСКРЫТЫ»

У подножья невысокой горы, покрытой ельником и сосной, стояла группа людей: трое мужчин, два мальчика и девочка. Они имели странный вид: исхудалые, бледные, заросшие волосами. Одежда висела на них жалкими лохмотьями.

Люди гуськом направились к дороге, и как раз в это время вблизи показалась телега, запряженная серой лошадью. В телеге на охалке свежего сена полулежал молодой парень. Он сам придержал лошадь, увидев странную группу. К нему, прихрамывая, подошел один, остальные задер-

жались. Молодой башкирин был немного напуган и удивлен.

— Какое сегодня число, друг? — спросил Николай Павлович.

— Двадцать один. Забыл, что ли?

— А месяц? Месяц какой?

— Как, какой? Зачем шутишь? Август месяц. Ай, как не хорошо глупый вопрос задавать.

— Мы были там, — краевед показал на гору. — Очень долго были. В пещере. Заблудились. Понимаешь?

— Как не понимаешь. Пещера у нас много.

— Больше месяца мы были под землей. Ослабли и умираем от голода. Не можем идти. Отвезешь нас в деревню?

— Как не отвезешь. Давай, садись, пожалуйста. Конь добрый. Шибко бегает. Деревня близко, совсем близко. Давай садись скорей.

Туристы сели в телегу, а парень пошел рядом, держа вожжи и покрикивая на лошадь. Сзади устало плелся Аргус.

За лесом показалось небольшое селение. Около него протекала река. На лугу паслись козы, в воде плескались и кричали белые утки. Все было обычно, но людям, вышедшим из подземелья, картина казалась необыкновенной, сказочно прекрасной.

В селении путешественников приютили, дали одежду, а потом отвезли на ближайшую железнодорожную станцию.

* * *

...На диване сидели Миша и Володя. Володя, держа сложенную в несколько раз газету, читал приятелю обведенную красным карандашом заметку «Тайны будут раскрыты».

— «Наш известный краевед, Николай Павлович Санин, готовит экспедицию для исследования подземного мира...» — Володя сделал паузу и взглянул на друга.

— Ну, чего ты? — нетерпеливо сказал Миша, — читай дальше.

— «...Мы уже сообщали читателям об удивительном путешествии группы туристов, попавших минувшим летом в неизвестную до того пещеру и названную ими «Уральским лабиринтом». Там они нашли грот с каменными идолами, видели много удивительного, странного и пока необъяснимого.

Теперь хорошо подготовленная экспедиция, в составе которой ученые-спелеологи и наши краеведы, намерены разгадать тайны «Уральского лабиринта». Экспедиция выезжает в июне...» Вот. Теперь веришь?

— Да верю, верю. А сначала я подумал, что ты, Вовка, все это сочинил, чтобы меня подразнить. Значит, они хотят поехать в июне? Так это же совсем скоро. Ох, как я им завидую! Вот бы пойти с экспедицией! Знаешь, меня так и тянет опять туда, в залы пещеры, так и тянет. Ну прямо, как магнитом!

— А не боишься снова заблудиться? Вдруг экспедиция из пещеры не выберется?

— Вот не боюсь! Честное слово!

— Слушай, Мишка, мне бы тоже хотелось еще раз побывать в «Уральском лабиринте». — Володя посерьезнел. — Раньше мы с тобой мечтали о путешествиях в дальние страны, о всяких там приключениях. А выходит, что дальние-то страны рядом с нами. И не надо ехать куда-то далеко, у нас и на Урале много интересного. Слушай, а если нам попроситься в экспедицию? А? Как, по-твоему, возьмут?

— Тсс, — Миша приложил палец к губам.

Дверь широко распахнулась, и в комнату стремительно вошла Светлана. Девочка подозрительно посмотрела на ребят.

— Вы опять сговариваетесь? Что замышляете?

— Светка, уходи на кухню, — приказал брат.

— На кухню я пойду, — Светлана вздохнула. — Надо же чем-то покормить отважных путешественников. Но знай-

те, без меня у вас ничего не выйдет! Я тоже хочу с вами. И лучше добром признавайтесь!

Девочка увидела газету, обведенную красным карандашом заметку «Тайны будут раскрыты».

— Так я и думала! В экспедицию собираетесь. Иван Антонович тоже хочет поехать. И Сергей Денисович, наверное, не останется дома. А вас не возьмут... То есть, может, возьмут, но только со мной, потому что я настоящий турист! У меня есть даже значок.

Ребята посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Я иду, мальчики, готовить вам завтрак, — и Светлана вышла, весело напевая:

Мы пройдем по просторам бескрайним,
Чтоб разведать богатства и тайны
Замечательной нашей страны!

Об авторе

Анатолий Иванович Дементьев (1921–2008) родился в семье фотографа в г. Троицке Челябинской области. Вскоре после его рождения семья переехала в Челябинск.

В 1937 году отец был арестован и трагически погиб в челябинской тюрьме.

В 1939 году Дементьев закончил школу № 36 в Челябинске и поступает в Свердловский медицинский институт. После нескольких месяцев учебы был призван в армию и отправлен на Дальний Восток. В армии прослужил семь лет, участвовал в войне с Японией, прошел путь от рядового до лейтенанта и был награжден медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Японией» и др.

С войны вернулся в г. Троицк, куда переехали его мать и сестра, начал работать журналистом в городской газете «Вперед». Около двух лет проработал в Троицком ветеринарном институте, где познакомился со своей будущей женой.

В 1949 г. Дементьев вместе с семьей переехал в Челябинск. Здесь он работал в редакции областной молодежной газеты «Комсомолец», заочно закончил пединститут (факультет русского языка и литературы).

Работа в газете дала Анатолию Ивановичу возможность объехать всю область, познакомиться со многими интересными людьми, некоторые из них стали героями его книг.

В 50-е годы он много работал над своим и книгами. Возглавляя литобъединение «Смена», помогал в творческой работе молодым

авторам. Позднее долгие годы был руководителем секции приключенческой и научно-фантастической литературы при областной писательской организации. С 1958 г. жизнь Дементьева была связана с областным радио, где он проработал старшим редактором 25 лет.

Произведения Дементьева включают десять книг для детей, среди которых многие посвящены природе и животным (писатель был страстным охотником, рыболовом, увлекался «фотоохотой»). Также опубликованы две части «взрослого» романа о золотодобытчиках Урала – «Прииск в тайге» (1962) и «Огни в долине» (1968). Фотоальбом «Ильменский заповедник» (1991), для которого Дементьев написал текст, вышел в свет без его имени, рукопись книги для детей об этом заповеднике была утеряна в издательстве.

Повесть «Подземные робинзоны» публикуется по первому и единственному изданию 1964 г. При составлении биографической справки использовалась информация с сайта <http://chelspr.narod.ru/>.

Оглавление

От автора	8
Пролог	9
Глава 1. Туристы намечают маршрут	12
Глава 2. Отряд отправляется в путь	17
Глава 3. «Эй, вставайте! День пламенеет!»	23
Глава 4. Вниз по реке	28
Глава 5. Пещера	32
Глава 6. Спуск в пещеру	39
Глава 7. Обрывок шпагата	45
Глава 8. Поиски выхода	50
Глава 9. Еще попытка	57
Глава 10. Кап! Кап! Кап!	68
Глава 11. Встреча с Одинцовым	74
Глава 12. Рассказ Одинцова	82
Глава 13. Аргус, шляпа и троглодиты	91
Глава 14. Следы костра	96
Глава 15. Храм богов	104

Глава 16. Мост	113
Глава 17. Тревожная ночь	121
Глава 18. В ловушке	133
Глава 19. Пленник подземелья	143
Глава 20. И снова в путь	149
Глава 21. Находка	156
Глава 22. «Завтра утром...»	162
Глава 23. Да здравствует солнце!	169
Глава 24. Василий Федорович Кортаев	180
Глава 25. Из дневника Кортаева	186
Глава 26. Шестеро на плоту	191
Глава 27. «Свеча догорела...»	204
Глава 28. «Тайны будут раскрыты»	211
Об авторе	215
Комментарии	148

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.